

ISSN 2686-8288

Том 218
2019

ТРУДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАНЕЕВ

**РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕКОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В СССР 1917–1980**

СПБГИК

Том 218
2019

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2019 • Том 218

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАНЕЕВ
РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕКОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В СССР 1917–1980

К юбилею профессора кафедры библиотековедения и теории чтения
Санкт-Петербургского государственного института культуры
Анатолия Николаевича Ванеева

ТРУДЫ

Санкт-Петербургского государственного института культуры
2019 • Том 218

Анатолий Николаевич Ванеев
Развитие библиотечковедческой мысли в СССР 1917–1980

Научный журнал. Издается с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 218-го сборника научных трудов:
Л. Е. Востряков (отв. ред.), И. Н. Белобородова (зам. отв. ред.),
Г. В. Варганова (науч. ред.), А. С. Шитова (отв. секретарь)

Научный редактор: Г. В. Варганова
Верстка: А. С. Шитова
Выпускающий редактор: А. С. Шитова

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: book-izdat@spbgik.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 23.07.2019. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 14,25. Тир. 100. Зак. 00701

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг».
(ООО Первый ИПХ)194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У

ISSN 2686-8288

Сайт: <http://spbgik.ru/works/>

РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883

Киберленинка: [http://cyberleninka.ru/journal/n/
trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kulturny-i-iskusstv](http://cyberleninka.ru/journal/n/trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kulturny-i-iskusstv)

Содержание

Г. В. Варганова. Предисловие	5
Г. В. Михеева, В. Р. Фирсов. Библиотечная мысль в ее развитии: постижение основ	6
Г. В. Варганова. Библиотечная наука как смысл человеческой жизни	11
Введение	13
Глава 1. Формирование социалистической библиотечной теории в 1917–1928 гг.	18
Развитие ленинского принципа партийности в борьбе с буржуазным объективизмом в библиотековедении	19
Взгляды на библиотековедение, его границы и структуру, предмет и объект исследования	23
Определение социальной роли библиотеки	28
Принцип активности советской библиотеки.	36
Обоснование принципов дифференцированного и индивидуального подходов	39
Организационные принципы советского библиотечного дела	46
Рассмотрение связей библиотековедения с другими науками.	52
Разработка методов изучения читателей и библиотечной практики.	57
Глава 2. Разработка теоретических основ библиотековедения в 1929–1945 гг.	64
Дискуссия по теоретическим проблемам библиотековедения и ее роль в развитии советской библиотечной науки.	65
Обоснование агитационно-пропагандистской, культурно-образовательной и информационной функций советской библиотеки	72
Принцип активности как научно-методологическая основа руководства чтением	76
Проблемы типологии в советском библиотековедении	80
Развитие ленинских принципов централизации и единой библиотечной сети.	82
Библиотековедение в системе наук и во взаимосвязях с другими научными дисциплинами	85
Разработка методики библиотечных исследований	90
Глава 3. Состояние библиотечной науки в 1946–1958 гг.	95
Определение закономерностей библиотековедения, его предмета и объекта.	96
Уточнение социальных функций библиотеки в условиях завершения строительства социализма	101
Разработка теоретических аспектов руководства чтением	106
Развитие дифференциации и типологии в библиотечной науке.	110

Система взглядов на организационные принципы советского библиотечного строительства	113
Проблемы взаимосвязей библиотековедения с другими науками	116
Развитие методических проблем исследования библиотечной практики	119
Глава 4. Советское библиотековедение в период построения и совершенствования развитого социализма	122
Советское библиотековедение как общественная наука	123
Учение о социальных функциях советской библиотеки	140
Теория руководства чтением	144
Современные проблемы типологии в библиотековедении	151
Теория организации библиотечного обслуживания населения	161
Интеграция и дифференциация в библиотечной науке	165
Проблемы методологии и методики библиотековедческих исследований	182
Заключение	191
Источники	201
Именной указатель	225

Г. В. Варганова

Предисловие

А. Н. Ванеев внес фундаментальный вклад в развитие отечественного библиотековедения. Приоритетен его роль в формировании научной дисциплины история библиотековедения, которая раскрывает многообразие векторов движения библиотековедческой мысли и позволяет понять сложные пути, которые прошло профессиональное сообщество в теоретико-методологическом осмыслении феномена библиотеки как социального института.

В монографии А. Н. Ванеева «Развитие библиотековедения в СССР» реконструирована картина становления и развития библиотековедческих идей, концепций, научных подходов, теорий и учений в период с 1917 г. по 1980 г.

А. Н. Ванеев учитывает объективные тенденции социального развития и реальные потребности общества в библиотечных учреждениях как институтах, способствующих его трансформации на каждом историческом этапе.

Развитие библиотековедения представлено автором в общей матрице социальных наук, движущими силами динамики которых являются политические, экономические, социальные, культурные факторы, характерные для рассмотренного в монографии времени.

Социальный запрос, находящий отражение в практической работе библиотек, является импульсом движения научной мысли, но не исчерпывает ее содержания. Мощным фактором становления библиотечной науки становится соединение практических достижений с исследовательской инициативой представителей профессионального сообщества, обладающих необходимыми знаниями и творческим потенциалом.

Историческая судьба библиотековедения и его внутренний смысл репрезентируются в монографии достижениями специалистов, работавших в вузах, техникумах и в библиотеках различных регионов страны. А. Н. Ванеев провел всесторонний, лишенный схематизма и прямолинейности анализ публикаций теоретиков и практиков, которые оставили значительный след в становлении и развитии библиотековедения.

А. Н. Ванеев показывает тематику актуальных исследований во всей их сложности и многообразии. Ученый выявляет причины острой критики идей, отказ от которых в дальнейшем замедлил развитие библиотечной науки. Автор показывает также механизмы воздействия тех концептов, которые были приняты профессиональным сообществом, оценивает их роль в открытии новых направлений в практической работе библиотек с точки зрения их влияния на интеллектуализацию общества.

Преданность истории библиотековедения – залог успешного продвижения А. Н. Ванеева в многолетних и масштабных исследованиях. Высокий научный уровень ученого обеспечил проведение им корректного анализа и интерпретации разнородного эмпирического материала большого объема и внутренней глубины, позволил сопоставить отраженные в нем идеи и концепты, показать иерархические зависимости между ними. Это способствовало выявлению линий преемственности научного знания в библиотековедении и определению перспектив его дальнейшего развития.

Г. В. Михеева, В. Р. Фирсов

**Библиотечковедческая мысль в ее развитии:
постижение основ**

Вклад А. Н. Ванеева в развитие библиотечковедения и библиотечного дела нашей страны огромен, он касается всех направлений этой области научной и практической деятельности. Анатолий Николаевич – ученый многогранный, его можно представить в самых разных ипостасях: теоретик, внесший вклад в разработку общетеоретических проблем библиотечковедения; историк, построивший «историческое здание» отечественного библиотечковедения от его зарождения по XXI век; методист-практик, прошедший все ступеньки библиотечной профессии, педагог, подготовивший целую плеяду библиотечковедов и организаторов библиотечного дела не только в нашей стране, но и за рубежом, создавший научную школу, принадлежностью к которой по праву гордятся его ученики. В его трудах отражена, как в зеркале, эволюция библиотечковедческой мысли, становление этой научной дисциплины, переход ее от чисто описательных работ к формированию библиотечковедения как научной дисциплины, основанной на твердом концептуальном базисе.

В области общественных, социальных наук найдется не так уж много ученых, чьи труды неподвластны влиянию времени, смене идеологических парадигм, требований, предъявляемых разными политическими конъюнктурами. А. Н. Ванеев – доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, заслуженный работник культуры России – в течение полувека был (и остается) одним из лидеров и столпов отечественного библиотечковедения. Знаковая фигура для всей нашей библиотечной науки, А. Н. Ванеев всегда был принципиален и верен себе в поиске научной истины, никогда не отказывался от своих убеждений, всегда был искренен и последователен в своих взглядах.

А. Н. Ванеев родился 30 января 1925 г. в Вятке в семье библиотечного работника – до войны его мать А. П. Ванеева работала в отделе обработки Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена. В 1943 г. А. Н. Ванеев был призван в ряды Красной армии и до 1945 г. находился на фронте, награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу в Великой Отечественной войне» и др. С 1946 г. – студент-заочник Московского библиотечного института (окончил в 1951 г.), и одновременно – библиотекарь, далее библиограф, методист Кировской областной библиотеки, с 1948 г. – зав. методическим отделом, с 1957 г. – зам. директора по научной работе. На долю библиотечных работников поколения А. Н. Ванеева выпало нелегкое время послевоенного восстановления страны из руин, продолжение культурного строительства в меняющихся социально-экономических условиях и политических реалиях, дальнейшее развитие уникальнейшей библиотечной сети – советской системы государственных библиотек.

С 1962 г. А. Н. Ванеев перешел на научно-педагогическую работу, стал преподавателем Кировского учебно-консультационного пункта Ленинградского государственного библиотечного института (с 1964 г. – института культуры) им. Н. К. Крупской. В 1966 г. он защитил в Москве кандидатскую диссертацию на тему

«Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР», в 1968 г. выпустил свое первое учебное пособие «Методическое руководство библиотеками», а через год перебрался в Ленинград, заняв должность доцента кафедры библиотековедения ЛГИК.

В этот период А. Н. Ванеев, приобретший уже к тому времени признание как теоретик и практик в вопросах научно-методической деятельности, совершил крутой поворот в своей научной карьере и судьбе. Отказавшись развивать и закреплять успехи в хорошо изученной области методического руководства работой библиотек, он выбрал иное, неизведанное направление, занявшись в 1970-е гг. новой для себя областью научных изысканий – исследованием эволюции библиотечной теории и развития библиотековедческой мысли, истории библиотековедения как предметной области и профессии от зарождения до современности.

Величие задачи, за которую взялся молодой исследователь, заключалось в том, что он выступил по сути первопроходцем, обнаружив в сфере библиотековедческих исследований такую предметную область, которая не только не находилась ранее в центре внимания ученых, но и не осознавалась библиотечной наукой как достойный объект исследований. А. Н. Ванеев заполнил заметный пробел в развитии советской библиотечной мысли – на фоне успешных разработок в области теории, методологии и организации библиотечного дела историческая составляющая серьезно отставала, тем более там, где речь шла об истории библиотековедческой мысли. Задача заключалась в том, чтобы сопоставить и оценить взгляды исследователей и практиков библиотечного дела, показать движение теоретической мысли от истоков к современному состоянию, обозначить динамику развития научных представлений и перспективы их воплощения в библиотечной практике.

Автор подверг скрупулезному анализу, суммировал и подытожил научные разработки нескольких поколений своих непосредственных предшественников – советских библиотековедов. Безусловной заслугой ученого следует считать возвращение в научный оборот имен знаменитых когда-то, но незаслуженно забытых библиотечных деятелей и ученых-библиотековедов, таких как А. А. Покровский, И. Б. Симановский, З. И. Ривлин, Б. В. Банк, Т. В. Крюгер, Н. И. Бузиньер, Я. В. Ривлин, М. И. Слуховский, Е. А. Горш, А. Я. Виленкин, Л. Н. Троповский и многих других, прославившие нашу библиотечную науку. О них Анатолием Николаевичем написаны статьи в «Библиотечной энциклопедии», различных профессиональных журналах и сборниках. Именно благодаря Ванееву-историку мы можем сказать, что наша область знания не относится к числу тех, где обитают «иваны, не помнящие родства», отрекающиеся от своего прошлого.

В течение ряда лет А. Н. Ванеев проделал поистине титаническую работу, обогатив науку таким пластом новых знаний, которые вывели отечественное библиотековедение на другой уровень, утвердили его статус как самостоятельной науки, занимающей отдельное место среди других, в том числе смежных и родственных по профилю социальных и гуманитарных научных дисциплин – науки просветительской по своей сущности и библиотечной миссии.

Подвижнический труд увенчался публикацией монографии «Развитие библиотечковедческой мысли в СССР» (М.: Книга, 1980) и защитой докторской диссертации в том же году в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Концептуальное исследование А. Н. Ванеева вызвало широкий резонанс в профессиональных кругах, вывело его в первые ряды теоретиков-библиотечковедов, активно обсуждавших и творчески развивавших в то время основополагающие проблемы теории и методологии советского библиотечного дела. Изучение истории развития библиотечковедческой мысли позволило ученому достичь глубочайшего понимания фундаментальных основ библиотечной деятельности. Теоретические труды Анатолия Николаевича отражают его взгляды на предмет и объект библиотечковедения, основные закономерности его развития, взаимоотношения с другими научными дисциплинами, содержат общетеоретические, философские воззрения автора, касающиеся развития библиотечного дела и библиотечковедения в нашей стране, социального предназначения библиотеки.

В цикле учебных пособий, вышедших в 1990-е гг., и монографии «Развитие библиотечковедческой мысли в России (XI – начало XX века)» (М.: Пашков дом, 2003) А. Н. Ванеев расширил область своих исторических исследований, распространив их на весь предшествующий период развития библиотечного дела в России. Далее он охватил и последующую эпоху конца XX – рубежа XXI вв. в работах «Библиотечковедение в России конца XX века: учебное пособие» (СПб.: Профессия, 2007) и «Библиотечковедение в России на рубеже веков. Теория. Методология. История: учеб. пособие» (СПб.: СПбГУКИ, 2014).

В своих исторических работах А. Н. Ванеев предложил логичную, стройную и завершенную картину эволюции отечественной библиотечковедческой мысли в ее развитии, что способствовало более глубокому пониманию и творческому развитию фундаментальных основ отечественного библиотечного дела, его теории, методики, организации и истории. Каждый исторический период развития библиотечковедения детально проанализирован А. А. Ванеевым на основе критической интерпретации многообразных факторов, что позволило ему выйти на более высокий уровень обобщения, показать преемственность движения отечественной библиотечковедческой мысли и обоснованно констатировать высокий уровень ее развития.

В последнем из названных трудов А. Н. Ванеев подвел итоги своего уникального исследования, посвященного истории российского библиотечковедения. Своей целью он ставил анализ развития отечественной библиотечковедческой мысли, формирования и эволюции взглядов отечественных библиотечковедов по общетеоретическим и методологическим проблемам библиотечковедения как науки. Объектом пристального внимания А. Н. Ванеева стали основные теоретические библиотечковедческие концепции, представления о сущности, структуре, методологии и терминологии библиотечковедения, миссии и социальных функциях библиотеки, профессиональной библиотечной идеологии и политике, типологии библиотек и др.

Неоценим и вклад ученого в методологическое обоснование полифункциональности библиотеки как развивающегося организма, которому присущи как культурно-просветительные, так и информационные, образовательные, досу-

говые функции. Квинтэссенцию и предназначение библиотечной деятельности А. Н. Ванеев усматривал в первую очередь в руководстве чтением, отдавая приоритет представлению о гуманитарной, просветительной миссии библиотек и выстраивая свою концепцию библиотечковедения вокруг этого стержня.

Ванеев-теоретик и Ванеев-педагог всегда настаивал на ключевой роли теории руководства чтением как одной из основных составляющих библиотечной науки. Он считал, что руководство чтением является ключевой категорией не только для советского библиотечковедения, но и в любую эпоху определяющей остается активная, воспитательная, культуросозидающая роль библиотекаря. В сфере внимания ученого постоянно находился многообразный пласт проблем чтения: читательских интересов, круга чтения различных групп читателей. Он постоянно подчеркивал, что читатель – главное лицо в библиотеке, и вся ее деятельность должна быть направлена на удовлетворение его интересов. А. Н. Ванееву бесконечно близка была мысль Н. А. Рубакина – «всегда и везде служить возвышению читателя». Эту позицию Анатолий Николаевич отстаивал и этому последовательно обучал своих студентов и аспирантов, прививая им стремление занимать активную жизненную позицию в воздействии на содержание чтения и поведение читателя. Одна из его статей так и называется «Можно ли и нужно ли руководить чтением?». «Можно и нужно», – отвечает профессор А. Н. Ванеев, только делать это нужно максимально деликатно, ни в коей мере не ущемляя интересы читателя и не ограничивая свободу доступа к информации. Одним из первых, еще в начале 1980-х гг. А. Н. Ванеев подчеркивал, что проблемы руководства чтением необходимо изучать в свете теории социального управления и коммуникации.

Как педагог А. Н. Ванеев успешно воплощал свои взгляды в учебном процессе на посту заведующего кафедрой библиотечковедения ЛГИК, создав свою научную школу и вырастив несколько поколений учеников – библиотечковедов и организаторов библиотечного дела. Вклад А. Н. Ванеева в развитие библиотечковедения и библиотечного дела в нашей стране поистине многогранен, сотни его научных трудов затрагивают все основные направления этой области науки и практики. А. Н. Ванеев останется в истории библиотечного дела как выдающийся педагог, методист и организатор библиотечного дела, теоретик-библиотечковед и историк отечественной библиотечной науки.

А. Н. Ванеев издавна поддерживал прочные связи с Российской национальной библиотекой. Среди 28 его учеников, защитивших кандидатские и докторские диссертации, – шестеро сотрудников РНБ: Т. К. Леонова (1979), Б. Ф. Володин (1982), В. Р. Фирсов (1984), С. А. Басов (1985), Е. В. Небогатикова (1989), Е. И. Борисова (1993). Под воздействием его идей и примера оказались такие исследователи РНБ, как М. Ю. Матвеев, Д. К. Равинский, Е. В. Смолина, И. А. Трушина и многие другие. В 1994–2010 гг. Анатолий Николаевич состоял членом Ученого совета Российской национальной библиотеки, активно принимал участие в решении проблем, определивших направление стратегического развития Библиотеки и ее научной деятельности, неоднократно публиковал свои статьи в сборниках научных трудов РНБ. В том числе в 2013 г. издательством «Российская национальная библиотека» был выпущен сборник статей А. Н. Ванеева «История библиотечного дела и библиотечковедения» – итог многолетней работы по осмыслению

истории библиотечного дела, разработке методологических основ понимания исторических процессов в области библиотечной науки и практики, восстановлению и осмыслению историко-библиотечных фактов и событий. Широта взгляда и глубина мысли позволили ученому создать целостное представление об истории отечественного библиотечного дела и библиотековедения, отчетливо различать в далеком или недавнем прошлом истоки наших сегодняшних достижений и просчетов, предвидеть многие направления развития и перспективы библиотечного дела в будущем.

Сегодня изучение трудов профессора А. Н. Ванеева столь же важно, как и 20 лет назад для тех, кто обеспокоен ролью библиотечной науки в обеспечении граждан информацией и в формировании их духовной культуры.

Г. В. Варганова

Библиотечная наука как смысл человеческой жизни

Анатолий Николаевич Ванеев – отечественный ученый, внесший фундаментальный вклад в развитие библиотечной науки и практики. Публикации автора служат своеобразным мерилом достижений отечественного библиотековедения, воплотившего все самое характерное и типическое.

Библиотечное сообщество оценивает А. Н. Ванеева по достоинству как исследователя, в поле зрения которого широчайший спектр масштабных и разнообразных проблем библиотечного мира и на основополагающих разработках которого выстраивается современное библиотековедение. У него нет публикаций, вторичных по отношению к какой-либо проблеме, волнующей библиотечное сообщество. Каждая статья отражает оригинальный взгляд автора на такие сложные проблемы, как социальная роль и функции библиотеки, организационные принципы библиотечного дела, объект, предмет, структура, закономерности развития библиотековедения и его связи с другими науками, научные подходы к обслуживанию населения книгой, теоретические аспекты руководства чтением, методология научных исследований и др. Научные работы А. Н. Ванеева, отличающиеся искренней увлеченностью темой, глубоким профессиональным отношением к изучению теоретического и эмпирического уровней библиотековедения, позволяют отвечать на самые сложные вопросы библиотечной науки и практики.

Талант, энергия, работоспособность, безупречная научная интуиция, ответственность, перед текстом, который пишет, и делом, которому служит, – приметы исследовательского мышления А. Н. Ванеева.

Велик его вклад в формирование такой научной дисциплины, как история библиотековедения. Благодаря трудам А. Н. Ванеева Россия является единственной страной мира, в которой история библиотековедения представлена как система научного знания и как научно-исследовательская деятельность – целенаправленная, самокорректирующаяся, контролируемая методологическим аппаратом.

А. Н. Ванеев выбрал для научных изысканий длительный исторический период развития библиотековедения в контексте судьбы страны, что нашло отражение в его монографиях «Развитие библиотековедческой мысли в России, XI – начало XX века», «Развитие библиотековедческой мысли в России в начале XX века», «Библиотековедение в России конца XX века», «Библиотековедение в России на рубеже веков. Теория. Методология. История» и др. Поражают объем написанного, многообразие идей и глубина их разработки.

В публикациях, посвященных истории библиотековедения, у А. Н. Ванеева почти нет соавторов, он сам выбрал это направление, личными разработками вывел его на уровень научной дисциплины и на протяжении всего творческого пути несет ответственность за ее развитие. Каждая монография ученого – это диалог автора не только с читателем, но и с собой: попытка осознать, изучить и принять то, что было в истории нашей науки, и то, чего не должно быть: идеологический заказ, в

ряде случаев – отказ от тематики планируемых исследований, не информирование профессионального сообщества об их результатах.

А. Н. Ванеев оценивал роль советского периода в развитии библиотековедения неоднозначно, не сводил его обсуждение к сугубо полярным категориям. Научная честность и профессиональная самоотверженность – его путь к объективной оценке и переосмыслению опыта и трудов предшественников. Анализируя работы коллег, ученый не ставил знака равенства между исследованиями, обладающими преимущественно идеологической составляющей, и теми, которые несут несомненную научную пользу, умел различать подлинный и мнимый вклад в объяснение и разрешение противоречивых коллизий, с которыми сталкивались теории и практики библиотечного дела.

Личностные и профессиональные качества ученого обеспечивают актуализацию его идей на каждом историческом этапе развития библиотековедения вне зависимости от политической конъюнктуры. В области истории библиотековедения у него не было соперников при жизни, их нет и сейчас в силу масштабных, обширных знаний и неоспоримого морального авторитета.

«Развитие библиотековедения в СССР» – классически выстроенная, логично структурированная монография, состоящая из четырех глав, в которой автор ставит сложные онтологические вопросы и стремится найти на них ответ.

Книга посвящена большому отрезку нашей истории, к которому достаточно часто обращаются современные исследователи. В науке данный период был значительно политизирован, но А. Н. Ванеев не терял способность объективно оценивать происходящее в библиотечной науке и практике.

Переходы автора от изучения одного исторического периода к другому являются этапами постижения развития библиотечной науки в период с 1917 г. до 1980 г. В монографии, отражающей советский период развития библиотековедения, ученый фиксирует основные общественные события, показывает, как социальные коллизии становятся фоном, влияющим на создание новых научных направлений, постановку новых проблем, которые развиваются или отторгаются, поддерживаются или критикуются.

Интеллектуально и проблемно насыщенный текст монографии отличается взвешенностью и четкостью каждого слова и суждения, стиливым и интонационным единством. За каждым абзацем – огромная работа ученого, который, собрав массу уникальных фактов из опубликованных книг, сборников, диссертаций, статей, неопубликованных документов, воспоминаний, писем и заметок, создает полотно эпохи, наполненное мыслями, надеждами, успехами и разочарованиями библиотечных теоретиков и практиков.

Содержание каждой главы адекватно очерченному историческому периоду, в них – не только библиотечная проблематика, заявленная в названиях, но также множественные приметы и смысловые детали советской эпохи, которую анализирует автор. Тщательная фиксация особенностей стабильных и переходных состояний в развитии библиотеки и профессии, анализ поднимаемых научных вопросов и выстраивание системы, в которой отражены разнообразные взгляды библиотечных специалистов, в итоге явились базовым основанием для создания единого пространства исторической памяти.

Историографический анализ достигнутого предшественниками – сильная сторона ученого. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) стала для А. Н. Ванеева не только частью истории, но во многом сформировала его научный менталитет: уважительное, доброжелательное и деликатное отношение к человеку. В этой связи неудивительна фраза, которую Анатолий Николаевич часто повторял: библиотеки берегут смысл человеческой жизни.

В трудах А. Н. Ванеева пересекаются люди самых разных профессий с различным культурным и жизненным опытом, подлинными знатоками своего дела и восторженные, только пришедшие в профессию новички. Ученый внимательно рассматривал и анализировал позиции и тех, кто был успешен в профессии, и тех, кто пребывал в забвении. В его работах отражены мнения специалистов с порой полярными, взглядами на книгу, библиотеку и библиотечную науку – Б. С. Боднарского, Д. А. Балаика, Н. М. Лисовского, Б. В. Банка, В. И. Горовиц, Т. В. Крюгер, З. И. Ривлина, М. А. Смушковой, Э. М. Шершевской, В. Ф. Сахарова, И. М. Цареградского, М. И. Слуховского, О. С. Чубарьяна, В. И. Терешина, И. М. Фрумина и др.

Большое достоинство данной монографии А. Н. Ванеева – в том, что автор не игнорирует многочисленные и разнообразные труды теоретиков и практиков, а опирается на них, понимая губительность однозначности в оценке взглядов, взвешенно подходит к критическому анализу идей. При этом всегда старается внимательно взглянуть в личность специалистов – разных по характеру мыслей и концепций, а также показывает их готовность к полемике, умение не соглашаться с мнением других и корректно отстаивать свою точку зрения. Неслучайно, в изданных в последующие годы статьях о многих представителях библиотечной профессии, упоминаемых в данной книге, ученый деликатно оценивает их взгляды в контексте реалий профессионального и жизненного пути.

Обращает на себя внимание проведенный автором анализ повесток дня совещаний по библиотечному делу, организованных в советские годы. Экскурс в научное противоборство тех лет познавателен. Автор подробно останавливается на острой полемике о роли марксистско-ленинской теории и принципа партийности в развитии библиотековедения, об историзме библиотековедения, его социальности и классовости и др.

В своих последующих научных трудах А. Н. Ванеев показал процесс преодоления идеологической составляющей в библиотечной науке и практике. При этом ученый убедительно показывает, что именно в советский период – в 1960–1970 гг. XX в. науковедческий подход становится базовым в развитии библиотековедения. Множественные усилия библиотечных специалистов обусловили переход с библиотековедения от эмпирического этапа своего развития к теоретическому. В эти годы разрабатывается проблема объекта и предмета библиотековедения, развивается профессиональная терминсистема, активизируется разработка сложнейших теоретико-методологических проблем.

Увлеченность А. Н. Ванеева научной проблематикой, умение отмежеваться от политической конъюнктуры, личностные качества вызывали уважение коллег. Он умел заинтересовать профессией и показать, к каким вершинам следует стремить-

ся, умел научить свободно думать и творить, был надежен и последователен в поддержке перспективных идей.

А. Н. Ванеев воспитал учеников, каждый из которых вносит посильный – организационный или научный вклад в библиотечное дело. Примечательно, что учениками считают себя, в том числе и те специалисты, у которых ученый не был научным руководителем кандидатских и докторских диссертаций, но которые разделяют его взгляды и воплощают его идеи.

Научные труды А. Н. Ванеева дают импульс для поддержания и развития интереса к истории библиотечной науки, поиска новых путей для открытия еще неизвестных и хранящих тайны страниц.

Введение

Коммунистическая партия Советского Союза, определяя направления развития страны, всегда обращала особое внимание на усиление роли науки в коммунистическом строительстве. В решениях XXV съезда партии сказано о необходимости дальнейшего расширения и углубления, повышения эффективности и качества научных исследований, обеспечения форм их связи с практической деятельностью.

Формулируя задачи библиотечной работы в развитом социалистическом обществе, ЦК КПСС в постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) указал на важность неразрывной связи теории и практики, тем самым подтвердив необходимость развития библиотечной науки.

Совершенствование советского библиотечного дела, усиление его социальной роли требуют проведения специального анализа развития библиотечной теории. Это обусловливается тем, что процессы развития теории и практики, хотя и взаимосвязаны, но не совпадают. Развитие библиотекведения на различных этапах или опережало библиотечную практику, или отставало от нее. При этом отдельные научные положения оказывали влияние на библиотечное дело лишь в последующие периоды. Н. К. Крупская писала: «Для того, чтобы по-настоящему поставить дело в данный момент, надо изучить то, что делалось в те труднейшие годы, когда в огне борьбы зарождались ценные мысли, интересные формы работы, которые нельзя было осуществить потому, что не было предпосылок для их осуществления» [80, с. 462]¹.

Историко-теоретические исследования приобрели особое значение в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции. Библиотековеды анализировали пройденный наукой путь, подводили итоги ее развития, с тем чтобы в соответствии с решениями XXV съезда КПСС наметить задачи дальнейшего расширения и углубления исследования закономерностей библиотечного процесса, повышения вклада теории в решение актуальных вопросов библиотечного строительства.

Однако историческому аспекту исследования теории уделяется пока еще недостаточно внимания. Отсутствуют обобщающие труды, посвященные истории библиотековедения в СССР. В имеющихся работах взгляды библиотековедов по изучаемым проблемам, как правило, освещаются неполно или вообще не рассматриваются. Более того, во многих работах даже не упоминаются имена тех, кто создавал теорию, не говорится об их вкладе в развитие теории, методики и практики.

Исследование же истории библиотековедения имеет большое методологическое значение, так как позволяет проследить основные линии его развития, формирования как науки, движение теоретической мысли от догадок к научному познанию. Недостаточное внимание к изучению истории библиотечной науки приводит к тому, что далеко не всегда учитываются достижения теории за прошедшие годы, заново обосновываются идеи и мысли, правильность или несостоятельность которых в свое время уже была подтверждена практикой.

¹ Здесь и далее даются ссылки на номера списка источников, приведенного в конце книги.

Марксистско-ленинская методология общественных наук требует исследовать каждое явление в становлении, развитии, в его связях и опосредованиях, с учетом исторического опыта и его уроков. Изучение прошлого библиотечной теории позволяет глубже понять настоящее, яснее видеть перспективы будущего. Анализ проблемы в историческом аспекте дает возможность выявить типичные, характерные ее стороны, тенденции развития.

Привлечение исторического материала важно не только для изучения истории библиотековедения, но и для решения его современных проблем. Новые идеи, мысли, предположения в науке не рождаются на пустом месте, а являются следствием поступательного развития. Изучение взглядов предшественников обогащает исследование, позволяет использовать все теоретическое богатство, делает выводы более глубокими и содержательными.

Изучение истории советского библиотековедения принципиально важно и для критики буржуазных теорий, отрицающих библиотековедение как науку, рассматривающих его как конгломерат вопросов, лишенных внутренней связи, как предмет, основанный «скорее на собрании технических навыков, чем на организованном комплексе отвлеченных принципов» [487].

Одним из главных направлений истории библиотековедения, почти не разработанным в настоящее время, является изучение истории идей, истории теоретической мысли. Задача заключается в том, чтобы дать оценку взглядов, их сравнительно-историческую характеристику, показать истоки и тенденции их развития; значение для прошлого, настоящего и будущего, воплощение в библиотечной практике.

Первая попытка изложить историю теоретических взглядов была предпринята Я. В. Ривлиным в статье «Методические течения в области библиотековедения» [344]. Однако в этой работе, написанной в 1925 г. и посвященной анализу задач и сущности библиотеки, основное внимание уделено идеям русских библиотековедов дореволюционного периода и иностранных. Оценка же взглядов советских исследователей дана с буржуазно-объективистских позиций.

В 1933 г. была опубликована статья Д. А. Балики «Несколько предварительных замечаний по поводу советского библиотековедения к XV годовщине Октября» [354], в которой рассматривалась его социально-педагогическая теория, основанная на принципе партийности. Однако в этой работе отсутствовало последовательное изложение истории библиотечной науки в СССР, а лишь подводились ее итоги к 15-летию Советской власти.

Следующая попытка такого плана принадлежит В. А. Артисевич. В 1942 г. она выступила на конференции в Научной библиотеке Саратовского университета с докладом «К вопросу об итогах советского библиотековедения за 25 лет» [110]. В докладе рассмотрены методологические принципы, структура и связи с другими науками. Однако исторический аспект сводился, по существу, к характеристике организационной стороны развития библиотечной науки: создание научно-исследовательских учреждений, проведение научных конференций и т. д.

Краткая характеристика основных этапов развития советского библиотековедения содержится также в тезисах доклада Н. И. Карклиной «Тридцать лет советского библиотековедения» на научной конференции, проведенной Государственной

библиотекой СССР им. В. И. Ленина в 1947 г. [295], а также в самом докладе [239]. В нем основное внимание уделено становлению советского библиотековедения в 1917–1925 гг., а последующие годы представлены важнейшими, с точки зрения автора, событиями. Причем излагается не история идей и мыслей, а опять же история организации науки (съезды, конференции, научные сессии, издания и т. п.).

По существу первой серьезной попыткой изложить развитие советской библиотечной науки и наиболее крупной по объему работой является рукопись Н. И. Карклиной «Очерки по истории советского библиотековедения в РСФСР за 30 лет» [238]. В ней дана характеристика постановлений по библиотечному делу, съездов и конференций, основной литературы, включая специальные периодические издания.

В очерках Н. И. Карклиной научная работа по библиотековедению рассматривалась по направлениям деятельности библиотек: организация библиотечной сети, библиотечное обслуживание населения, работа с читателями, комплектование, организация фондов и каталогов, учет и отчетность, строительство и оборудование библиотечных зданий и т. п. Но при этом главное внимание сосредоточивалось на анализе не столько теоретических проблем, сколько методики библиотечной работы. Н. И. Карклиной не касалась взглядов на библиотековедение как науку, его предмет и объект, место в системе наук, его связей с другими науками.

В 60-х гг. вопросам развития библиотечной науки были посвящены статьи Ю. В. Григорьева «К изучению истории советского библиотековедения» [190] и «Основные этапы развития советского библиотековедения» [193]. В первой из них говорилось о необходимости изучения дореволюционных взглядов и советской теории и характеризовались основные источники.

Во второй статье Ю. В. Григорьев наметил периодизацию истории библиотековедения в СССР и дал краткую характеристику его развития за 50 лет Советской власти. Главное внимание было уделено не развитию общетеоретических и методологических проблем, а характеристике работ советских библиотековедов по отдельным направлениям библиотечного дела. При этом анализ взглядов, как правило, отсутствовал, а давался в основном перечень съездов и конференций и опубликованных трудов. Неоправданно большое место уделялось проблемам комплектования и организации библиотечных фондов в ущерб другим направлениям научно-исследовательской работы.

Краткая характеристика развития библиотековедения в СССР содержится также в учебнике К. И. Абрамова «История библиотечного дела в СССР» [98]. В главах, посвященных истории библиотечного дела в отдельные периоды, выделены параграфы, характеризующие состояние и развитие библиотековедения. В них затрагивается и ряд общетеоретических вопросов: роль Н. К. Крупской в развитии советского библиотековедения, борьба с буржуазными теориями и т. п. Однако и здесь основное место занимает характеристика организационной стороны: рассказывается о библиотечных съездах и конференциях, называются главные направления научно-исследовательской работы по библиотековедению. В 1976 г. была опубликована статья К. И. Абрамова «Становление советского библиотековедения» [104], в которой рассматривались и общетеоретические проблемы, однако материал статьи охватывает начальный период – 1917–1920 гг.

Краткая характеристика основных этапов развития советского библиотековедения содержится также в учебнике О. С. Чубарьяна «Общее библиотековедение» [455] и в статье Н. М. Сикорского «Советское библиотековедение: основные направления развития, неотложные задачи» [359].

Таким образом, даже в наиболее крупных работах содержится лишь самая общая характеристика состояния библиотечной науки в тот или иной период, приводится перечень научных учреждений и основной тематики их работ, называются программы библиотечных съездов и конференций, перечисляются основные издания по библиотечному делу и т. п.

Целью данной монографии является анализ истории развития основных общетеоретических и методологических проблем советского библиотековедения как науки. К ним относятся: сущность, предмет и объект библиотековедения; его структура; основополагающие принципы; роль библиотек в жизни общества и их социальные функции; соотношение библиотековедения с другими научными дисциплинами и место его в системе наук; методология и методика библиотековедческих исследований.

Подчеркнем, что в работе не ставится задача рассмотреть взгляды по всем вопросам библиотечной теории и практики или дать характеристику вклада отдельных библиотековедов в теорию. И то и другое является предметом специальных исследований. Отдельные высказывания советских библиотековедов по вопросам практической деятельности библиотек используются лишь для доказательства применимости общих теоретических положений к различным сторонам библиотечной работы.

Развитие советской библиотековедческой мысли в целом соответствует основным этапам истории библиотечного дела. Но вместе с тем оно имеет и относительную самостоятельность. Следует выделить, с одной стороны, теории, систему идей, научные методы, а с другой, факты, описание состояния библиотечного дела на различных этапах развития общества. Академик М. В. Нечкина писала, что было бы ошибкой механически воспроизводить в истории науки общую периодизацию истории, что «критерии для выделения фактов, знаменующих переход от одного периода к другому, должны быть почерпнуты в собственном развитии науки, внутренне принадлежать ему» [305, с. 81].

Нами в развитии советской библиотековедческой мысли выделены четыре крупных периода. Первый из них охватывает время от начала Великой Октябрьской социалистической революции до конца 20-х гг. и может рассматриваться как период становления советского библиотековедения.

Начало нового периода в развитии библиотечной науки ознаменовано постановлением ЦК партии «Об улучшении библиотечной работы» (1929 г.), а также дискуссиями по теоретическим проблемам общественных наук, в том числе и библиотековедения, сыгравшими большую роль в разработке его теоретических и методологических основ.

Границы следующего периода определяются принятыми в первые послевоенные годы постановлениями ЦК КПСС по идеологическим вопросам, которые послужили программой дальнейшего развития теории и практики библиотечного дела.

Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» (1959 г.), наметившее перспективы совершенствования библиотечной теории и практики в период построения развитого социалистического общества, определило начало современного периода развития советского библиотековедения.

Методологической базой научного анализа развития библиотековедческой мысли в СССР явились марксистско-ленинское учение о культуре и культурной революции, основополагающие идеи и принципы программы библиотечного строительства, выдвинутые и сформулированные в работах В. И. Ленина, в постановлениях партии и правительства по библиотечному делу.

Несмотря на обилие публикаций по библиотечному делу за годы Советской власти, среди них найдется, как уже отмечалось, лишь незначительное количество работ, специально посвященных теоретическим проблемам. Подавляющее большинство теоретических мыслей высказывалось авторами попутно, в связи с освещением тех или иных вопросов методики или практики.

В связи с этим автор монографии столкнулся с определенными трудностями. Потребовалось изучить не только существующие теоретические работы, но и многочисленные пособия и статьи практического характера, чтобы выявить в них теоретические положения, т. е. обследованию был подвергнут весьма широкий круг источников.

В основу данной работы положены прежде всего труды В. И. Ленина и Н. К. Крупской; постановления Коммунистической партии и Советского правительства и документы других руководящих органов по библиотечному делу; материалы библиотечных съездов, конференций и совещаний. В необходимых случаях, особенно при характеристике взаимосвязей библиотековедения с другими науками и его места в системе наук, учитывались мнения представителей книговедения, библиографоведения, педагогики, психологии, информатики и др.

Наряду с опубликованными работами использованы материалы архивов: Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР), Ленинградского государственного архива литературы и искусства (ЛГАЛИ), архивов и отделов рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), архивов Московского (МГИК) и Ленинградского (ЛГИК) государственных институтов культуры, а также неопубликованные материалы из фондов Научной библиотеки МГИК, фондов библиотековедения ГБЛ и ГПБ и др.

Автор глубоко благодарен В. А. Артисевич, Б. В. Банку, Е. А. Горш, К. Г. Мавричевой, З. И. Ривлину, В. Ф. Сахарову, Г. Г. Фирсову, Н. Я. Фридьевой, И. М. Фрумину и другим товарищам, помогавшим советами и критикой и предоставившим в его распоряжение ряд неопубликованных документов.

Глава 1. Формирование социалистической библиотечной теории в 1917–1928 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила коренной переворот во всех областях общественной жизни, создала предпосылки бурного развития новой, социалистической культуры. Учение В. И. Ленина о культурной революции явилось одной из составных частей плана социалистического строительства, предусматривающей грандиозную программу экономического и культурного преобразования общества. В осуществлении задач культурной революции Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным важное место отводила библиотекам.

Цели и задачи советских библиотек, их место в социалистическом строительстве, принципы организации новой системы библиотечного обслуживания населения были определены в партийных решениях первых лет Советской власти, в статьях, документах и выступлениях В. И. Ленина.

Марксистско-ленинское учение о культуре и культурной революции, программа библиотечного строительства, выдвинутая В. И. Лениным и в дальнейшем разработанная Н. К. Крупской, явились методологической основой для построения советской библиотечной теории.

Первым этапом научных обобщений была разработка методических пособий в помощь библиотекам. Большую роль в этом сыграли центральные издания, освещавшие вопросы библиотечного дела: «Коммунистическое просвещение», «Красный библиотекарь», «Книгоноша», «Книга и профсоюзы», «Библиотечное обозрение», «Библиографические известия», «В поход за библиотеку», «Помощь самообразованию» и др.

Уже с начала 20-х гг. большое количество библиотечных журналов и бюллетеней издавалось на местах: «Листок библиотекаря Вятского края», «Известия Музея библиотековедения» (Томск), «Челябинский красный библиотекарь», «Книгарь» (Кострома), «Друг книги» (Владимир), «Офеня» (Псков), «Иркутский библиотекарь», «Материалы Поволжского библиотечного объединения» и др. На Украине выходили «Бібліологічні вісті» и «Журнал бібліотекознавства та бібліографії».

Большое значение имели проводившиеся в эти годы республиканские и губернские библиотечные съезды и совещания, на которых рассматривались вопросы библиотечного строительства в стране и намечались его перспективы. Особо важное значение имели Первый Всероссийский съезд работников красноармейских и флотских библиотек (15–24 октября 1920 г.), Первый библиотечный съезд РСФСР (1–7 июля 1924 г.), Первый библиографический съезд и Первая конференция научных библиотек (7–12 декабря 1924 г.), Первое Всесоюзное совещание профсоюзных библиотекарей (7–12 декабря 1925 г.), Вторая Всероссийская конференция научных библиотек (3–9 декабря 1926 г.), Второй Всероссийский библиографический съезд (25 ноября – 1 декабря 1926 г.), Второе Всесоюзное библиотечное совещание при ВЦСПС (10–17 ноября 1928 г.). На них предпринимались попытки решить многие спорные вопросы, обосновать ведущие теоретические положения, наметить пути научно-исследовательской работы.

Возникают первые научно-исследовательские учреждения: Институт библиотекосведения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Научно-исследовательский институт книговедения при Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, Украинский научно-исследовательский институт книговедения, научно-исследовательские группы политико-просветительных институтов и др. Они способствовали привлечению к исследовательской работе как представителей смежных наук (книговедения, педагогики, психологии и др.), так и библиотекарей-практиков.

Общее руководство научно-исследовательской деятельностью библиотечных учреждений всех типов и ее координация осуществлялись Библиотечной комиссией Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР, организованной в конце 1925 г.

Развитие ленинского принципа партийности в борьбе с буржуазным объективизмом в библиотекосведении

Для большинства советских библиотекосведов уже в первые послереволюционные годы было ясно, что библиотечное дело в нашей стране должно строиться на принципиально новых основах, коренным образом отличных от тех, что были в дореволюционной России и буржуазных странах. Поэтому разработке идейно-теоретических проблем придавалось особое значение. Она велась в непримиримой идеологической борьбе с теориями и взглядами буржуазных библиотекосведов.

Ведущим основополагающим принципом для создания советской библиотечной теории с самого начала был признан принцип партийности.

Выдвинутый В. И. Лениным еще до Великой Октябрьской социалистической революции принцип партийности литературы и всех учреждений, связанных с изданием и распространением произведений печати, неоднократно ленинские указания на тесную связь просвещения с политикой послужили методологической основой для разработки принципа партийности советского библиотекосведения.

Однако русские библиотекосведы старой школы (Б. О. Борович, А. А. Покровский, Л. Б. Хавкина и др.) еще придерживались принципа объективизма. Наиболее последовательно его отстаивала Л. Б. Хавкина, ссылаясь на якобы «положительный» в этом плане опыт американских библиотек. Принцип «беспартийности и беспристрастности» она обосновывала необходимостью бережного отношения к свободе личности. По ее мнению, влияние политики представляет собой отрицательное явление, так как придает деятельности библиотеки «тенденциозный и односторонний характер, превращает ее в орудие партийной борьбы, которой публичная библиотека по самой своей сущности должна быть чужда» [431, с. 104].

На ошибки Л. Б. Хавкиной указывала Н. К. Крупская. Отмечая, что работа Л. Б. Хавкиной «Книга и библиотека» (1918 г.) содержит ценный материал для библиотекарей, она в то же время писала, что это пособие имеет «кадетский уклон», пропитано духом недоброжелательства к Советской власти [28, с. 103].

Отрицание всякой связи библиотечной работы с политикой носило многоликий, а порою и скрытый характер. Большинство библиотечных деятелей понимало, что говорить об аполитичности библиотек в эпоху Великой пролетарской революции, вызвавшей небывалый политический подъем трудящихся масс, по меньшей

степени наивно. Поэтому, не отрицая сущности библиотеки как социального учреждения, выражающего общественные, политические взгляды, некоторые все же настоятельно подчеркивали, что они выступают против партийности библиотек. Так, Русское библиотечное общество, призывая заниматься гражданским и политическим просвещением народа, в то же время указывало, что библиотека не должна превращаться в орудие той или иной партии: «Библиотекарь может быть партийным; библиотека – беспартийна» [207, с. 31].

Не избегал ошибок в этом вопросе и один из крупнейших советских библиотековедов А. А. Покровский. Призывая «социалистов в библиотечном деле» влиять на библиотеки, чтобы их работа «вернее направлялась к воспитанию всей нации для социализма», даже предлагая построить систему особых пролетарских библиотек, на которые должно опираться развитие классовой пролетарской культуры, он в то же время утверждал, что необходима строгая беспартийность в подборе и рекомендации книг [315]. Таким образом, позиция А. А. Покровского была во многом непоследовательной, эклектической, причудливо сочетающей в себе ленинские положения, идеи Пролеткульта и теорию «беспартийности».

Принцип «беспартийности» библиотек использовался и прямыми врагами партии большевиков, засевшими в культурно-просветительных учреждениях кооперации. Ратуя за мнимую «беспристрастность» и «беспартийность» этих учреждений, в том числе и библиотек, эсеры, меньшевики и другие антисоветские элементы открыто проповедовали реакционные и антисоветские взгляды.

Они заявляли, что кооперация в состоянии и в праве во всей полноте и глубине взять на себя культурное обслуживание населения, что культурно-просветительная деятельность кооперации должна носить широкий внеклассовый характер.

Советские библиотековеды в борьбе с буржуазными откровенно враждебными взглядами, опираясь на ленинский принцип партийности, доказывали, что в классовом обществе библиотека не может не выражать политических взглядов, что в Советской России она содействует коммунистическому воспитанию трудящихся.

Особенно важную роль в разоблачении ошибочных взглядов на партийность библиотек сыграли работы Н. К. Крупской. Развивая ленинское положение о том, что «мы по всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой» [10, с. 399], Н. К. Крупская распространяла это положение на библиотечное дело, подчеркивая, что оно должно строиться под руководством партии и носить политический характер: «Это в былое время буржуазия скрывала, лицемерила и говорила, что она проводит просвещение беспартийное. Пролетариату не к чему лицемерить, он может открыто говорить, что его органы просвещения должны стать органами коммунистическими» [45, с. 36]. Библиотекарь также должен ориентироваться на политическую организацию рабочего класса – Коммунистическую партию, проводить в жизнь ее постановления. Н. К. Крупская требовала от библиотечной работы «отчетливого идеологического содержания» [56а, с. 283].

В утверждении принципа партийности важная роль принадлежала библиотечным работникам Красной Армии. В пособиях для красноармейских библиотек, авторами которых были Б. Д. Веккер, М. И. Слуховский, А. В. Цикуленко и др., подчеркивалась необходимость соблюдать принцип партийности в комплектовании

фондов и руководстве чтением, указывалось, что в библиотеки нельзя допускать книги, вредные для революционного воспитания масс.

Но представители буржуазного библиотековедения не сложили оружия. По-терпев поражение в попытках прямо отстоять принцип беспартийности, они надеялись протащить его под лозунгом объективности науки. Некоторые шли по пути примирения противоположных по своей сути материалистических и идеалистических взглядов. Наиболее четко эта позиция проявилась в работах А. А. Покровского и Я. В. Ривлина.

Например, А. А. Покровский в статье «Книга в борьбе против религии» писал: «Все сказанное выше о борьбе с религией не относится к такой религии, которая вполне свободна от суеверий насчет вмешательства высших сил в дела нашего мира, которая не ставит нигде преград или капканов для науки, которая признает принципиально весь реальный мир познаваемым, если не „до конца“, то „до бесконечности“. Такая религия (если можно назвать ее религией) действительно для нас не враг, и борьба с ней не есть задача наших библиотек» [355, с. 51].

Н. К. Крупская, критикуя эту позицию, указывала: «Тут А. А. Покровский жестоко ошибается. Такая религия не менее опасна, чем всякая другая: она так же затемняет сознание людей, как и всякая другая религия, так же, как и всякая другая, отвлекает их от борьбы за новую жизнь, от строительства реального братства людей на земле. А то, что эта новая религия рядится в мантию науки, действует прикрыто, проводит бога контрабандой, лучше втирает очки, то, что она действует более тонким и отточенным орудием, – это делает ее еще опасней» [62, с. 19–80].

Особенно ярко стремление к мнимой научной объективности проявилось при рассмотрении проблем комплектования фондов. Б. О. Борович, Е. Н. Медынский, А. А. Покровский и др. утверждали, что фонд библиотеки должен включать литературу, отражающую любые точки зрения, что ни одна книга не может быть отвергнута только потому, что ее направление не нравится библиотекарю.

Н. К. Крупская в своих рецензиях на книги А. А. Покровского и Л. Б. Хавкиной убедительно доказала, что провозглашаемое буржуазными библиотековедами требование объективности подбора книг является «чистой фикцией»: «...библиотекарь-социалист никогда не станет рекомендовать читателю книги, освещенной с точки зрения монархиста, не станет рекомендовать потому, что будет считать такую книгу вредной...» [77, с. 13].

В борьбе за принцип партийности советские библиотековеды пришли к важному методологическому выводу о его основополагающем значении для библиотечной теории и практики. Было доказано, что с точки зрения принципа партийности следует оценивать не только библиотечное дело СССР, но в такой же мере и буржуазных стран. Разоблачая ошибочные представления об «объективизме» и «беспартийности» библиотек в капиталистическом обществе, Н. К. Крупская писала: «Буржуазия довольно скоро поняла, что книга может явиться прекрасным орудием буржуазного влияния на массы, и якобы в интересах масс стала открывать всякого рода народные, окружные, коммунальные и тому подобные библиотеки для низших классов. Она сумела, не говоря этого вслух, повлиять на состав этих библиотек, подобрать их так, чтобы главная масса книг влияла вполне определенным образом на читателей, делала их слугами буржуазии не за страх, а за совесть. Американская

буржуазия особенно ценит этот „культурный“ способ обрабатывания умов масс» [75, с. 20].

На основе принципа партийности оценивал опыт зарубежных библиотек Д. А. Балака. Выступая против рабского копирования опыта американских библиотек, он призывал к партийной оценке их методов работы, с тем чтобы отделить то, что несет на себе «печать американского империализма», от достижений, которые можно использовать в пролетарском государстве [115, с. 5].

В 20-е гг. имели место попытки показать неприменимость принципа партийности к отдельным сторонам библиотечной практики. Наиболее ярко это проявилось в разработке проблем руководства чтением. Например, И. П. Жук в дискуссии об аннотированном каталоге массовой библиотеки утверждал, что аннотации на произведения художественной литературы не должны ни раскрывать идеи произведения, ни давать его прямой оценки, так как нельзя допускать положительного или отрицательного влияния на читателя [213, с. 2].

Критикуя объективистские взгляды, П. И. Гуров, А. Ф. Кухарский и др. отмечали, что с ними может согласиться только тот, кто отрицает классовую сущность литературы и принцип партийности в библиотечном деле. Они подчеркивали, что основная задача работы с художественной литературой – коммунистическое воспитание читателей и поэтому руководство чтением не может быть аполитичным [200а, с. 19].

Признавая соблюдение принципа партийности в содержании работы библиотек, некоторые практики считали его неприемлемым в вопросах библиотечной техники, включая в нее классификацию литературы, организацию каталогов и т. п. Например, И. С. Вугман утверждал, что организация каталогов научных библиотек не может преследовать воспитательных, педагогических, агитационных или философских целей. Роль каталога сводится лишь к тому, чтобы дать научному работнику нужную ему книгу [401, с. 187]. В этом высказывании заключено не только отрицание партийного подхода к каталогу, но и отчетливо выраженное сомнение в необходимости и возможности руководства чтением научных работников.

Некоторые теоретики (Б. С. Боднарский, Н. В. Здобнов, Н. Н. Орлов, Н. В. Русинов и др.) считали, что десятичная классификация является только средством организации фондов и не может и не должна отражать какую-либо идеологию или классификацию наук.

Советское библиотековедение вело решительную борьбу с подобными утверждениями. Так, А. А. Покровский подчеркивал, что В. И. Ленин всегда рассматривал вопросы библиотечной техники в тесной связи с политической и образовательной работой библиотек [324, с. 21].

Критикуя международную десятичную классификацию, С. Д. Масловский, Л. Н. Троповский, Л. Б. Хавкина, А. Д. Эйхенгольц и др. указывали, что она есть продукт буржуазного общества, отражение идеалистической философии, что она не соответствует современному научному мировоззрению. Они требовали ее коренного пересмотра или создания новой марксистской системы классификации.

В итоге советские исследователи обосновали и конкретизировали ленинский принцип партийности по отношению к библиотечной теории и практике, признав его идейно-теоретической базой советского библиотековедения.

Взгляды на библиотековедение, его границы и структуру, предмет и объект исследования

Разработка принципа партийности советского библиотековедения позволила приступить к разрешению важной и сложной теоретической задачи – определить его как научную дисциплину.

В отличие от родственных наук (например, педагогики), которые пользуются единым термином для обозначения теории и практики, в библиотечном деле уже с начала XIX в. определился специальный термин для обозначения теории – «библиотековедение» [490].

Однако к началу 20-х гг. XX в. все еще не было однозначного ответа на вопрос, что такое библиотековедение, каковы его состав и границы, какое место занимает оно в общей системе наук.

Доминировали две точки зрения. Одна из них, заключающаяся в том, что библиотековедение – самостоятельная наука, охватывающая все вопросы, связанные с книгой, была высказана еще в конце XIX в. австрийским библиотековедом Ф. Эйхлером. Он определял библиотековедение как науку, изучающую книгу, условия и историю ее возникновения, распространения и эксплуатации, т. е. ставил знак равенства между библиотековедением и книговедением [482].

Среди советских библиотековедов эту точку зрения разделяли А. И. Калишевский и И. Б. Симановский. Так, И. Б. Симановский говорил о «научном библиотековедении как особой практической дисциплине, охватывающей все виды работы с книгой, над книгой и посредством книг – книговедения» [360, с. 168].

А. И. Калишевский также расширительно толковал состав библиотековедения, включая в него: изучение письма и книги в их развитии (палеография, история книгопечатания); историю библиотек и их современное состояние; «библиотековедение в собственном смысле слова или библиотекономию, т. е. изучение организации и управления библиотекой как особого сложного организма» [391, с. 73–74].

Другая точка зрения сводилась к тому, что библиотековедение не является самостоятельной наукой, а входит в качестве вспомогательной дисциплины в более общую, комплексную науку. По вопросу, в состав какой науки должно входить библиотековедение, единства не было.

Одно из направлений во взглядах на этот вопрос вело начало от Н. М. Лисовского, который, пытаясь объединить разрозненные эмпирические знания о книге и обосновать библиологию (книговедение) как комплексную науку, делил ее на три составные части: книгопроизводство, книгораспространение и книгописание. В состав книгораспространения он включал и библиотековедение [276].

Эту теорию Н. М. Лисовского поддерживали и развивали многие советские книговеды. Они ставили своей задачей уточнить состав книговедения как комплексной науки, дать более четкую классификацию входящих в него разделов. Так, М. И. Щелкунов считал, что книга логически проходит четыре этапа: создание, регистрацию, распространение и потребление. В соответствии с этим он выделял четыре научных дисциплины, представляющие в комплексе книговедение: книгопроизводство, библиография, библиополия (книжная торговля) и библиотековедение [480].

А. М. Ловягин делил книговедение на три части: историческую или генетическую (происхождение книги и ее развитие); статистическую или морфологическую (сюда входит и библиография как книгоописание) и динамическую (книга как орудие воздействия на читателя). В последнюю часть он включал и собирание книг, т. е. библиотечное дело. Не считая библиотековедение наукой, он указывал, что специалист в области библиотечного дела может иметь «в смысле сведений наукообразного характера большое количество знаний, но в этих знаниях не будет системы, как бы мы их ни излагали». К этому можно добавить, что А. М. Ловягин рассматривал библиотековедение только как дисциплину, занимающуюся «библиотечным деломпроизводством» [278, с. 143].

Я. П. Гребенщиков в состав книговедения включал основы библиотечного дела, библиографию и библиофилию. При этом и библиотекаря и книготорговца он объединял понятием «книжник», подчеркивая общее в их деятельности: единые задачи, одинаковые приемы работы. Он считал, что для основ библиотечного дела первенствующее значение имеет техника библиотечной работы [187].

Впрочем, не все книговеды отказывали библиотечному делу в праве на теорию, научную основу. Рассматривая составные части книговедения как единое целое, М. Н. Куфаев выделял в составе книговедения специальную научную дисциплину – «философию книги», т. е. своеобразную методологию книговедения. Не вдаваясь в рассмотрение и критику «философии книги» М. Н. Куфаева, укажем, что попытка ее выделения была вызвана стремлением найти теоретическую и методологическую базу для комплекса дисциплин, объединенных в книговедении по общности объекта. М. Н. Куфаев указывал, что в тесной связи и зависимости от развития философии книги находится «общая теория библиотековедения» [270, с. 14]. Строя свою схему книжных дисциплин, он располагал в ней параллельно библиотековедение и книговедение, подчеркивая при этом, что библиотековедение не только тесно связано с книговедением, но и оказывает существенное влияние на развитие последнего [269, с. 291].

Таким образом, появилось представление об известной самостоятельности библиотекведения и книговедения, об их взаимном влиянии и взаимосвязях.

Взгляд на библиотековедение как на составную часть книговедения, помимо книговедов, поддерживали и некоторые библиотековеды, например, Л. Б. Хавкина. Но она отводила библиотековедению более важную роль в общей системе книговедения, возражала против включения библиотековедения вместе с книжной торговлей в один раздел – книгораспространение и предлагала выделить его самостоятельно как книгоиспользование. Она подчеркивала, что среди смежных книговедческих дисциплин библиотековедение по своему значению и развитию занимает наиболее видное место и, следовательно, может быть самостоятельной научной дисциплиной [430, л. 100]. На позиции признания библиотековедения самостоятельной научной дисциплиной стояла также И. Е. Чарнолуская, которая писала: «Библиотековедение – особая наука и наука сложная, соприкасающаяся с целым рядом отраслей знания» [443, с. 28].

Другое направление в определении библиотековедения как науки характеризовалось включением его в библиографию. На этой точке зрения стояли Б. С. Боднарский, Н. Н. Орлов и другие библиографы, которые широко понимали библио-

графию и отождествляли ее с книговедением. Б. С. Боднарский давал такое определение: «Библиография в широком смысле этого слова есть наука о книге вообще, книговедение» [149, с. 550]. Предполагая, что все теоретические проблемы библиотечного дела покрываются библиографией как наукой, он в составе ее выделял как отрасль только «библиотекономию», изучающую вопросы библиотечной техники.

Представители третьего направления рассматривали библиотековедение как отрасль психологии. К ним относится Н. А. Рубакин, который, исходя из разработанной им библиопсихологии, считал, что «и литература, и вообще книжное дело суть ничто иное, как один из отделов психологии» [349а, с. 16].

Методологические ошибки, присущие библиопсихологии Н. А. Рубакина, были подвергнуты критике. Подчеркивалось, что библиопсихология противоречит диалектическому материализму, что она построена на идеалистической основе. Критикуя известный тезис Н. А. Рубакина – «сколько у книги читателей, столько у нее и содержания», – советские библиотековеды и психологи справедливо называли его не только идеалистическим, но и бесплодным для теории и практики изучения читателей. Например, Д. А. Балика писал Н. А. Рубакину: «Если <...> подгонять типы книг к типам читателей, отбрасывать объективное содержание книги – мы придем в тупик» [119, л. 5]. Резко критиковал библиопсихологические взгляды Н. А. Рубакина П. И. Гуров в своей книге «Психология и библиотечная работа» [201].

Оценивая правильно библиопсихологию как продукт эклектического мировоззрения Н. А. Рубакина, в то же время зачеркивала то положительное, что внес ее автор в разработку психологических проблем библиотечного дела.

И, наконец, существовало еще одно направление, по которому библиотековедение включалось в состав педагогики. Оно было связано с представлением о библиотечном деле как о части народного и особенно внешкольного образования. Поэтому библиотековедение и относили к педагогике, в частности к теории внешкольного образования.

Внимание педагогической и библиотековедческой мысли к этой проблеме особенно усилилось в связи с развернувшейся в конце 20-х гг. дискуссией о предмете марксистской педагогики, ее основных задачах и границах. В этой дискуссии можно выделить основные точки зрения, представляющие несомненный интерес для рассмотрения вопроса о месте библиотековедения в системе наук.

Одна из них заключалась в утверждении, что объектом исследования педагогики являются лишь ребенок и школа. Некоторые сторонники этого направления даже детскую библиотеку не считали педагогическим учреждением, возлагая руководство чтением полностью на школу. Менее ортодоксальные представители этой точки зрения включали в сферу педагогики и библиотеки, но только детские и школьные.

Другая точка зрения заключалась в утверждении, что в сферу педагогики входит образование и воспитание не только детей, но и взрослых. К сожалению, это верное в своей основе положение сопровождалось и рядом неправильных утверждений.

Некоторые педагоги рассматривали термины «внешкольное образование» и «политико-просветительная работа» как синонимы. Исходя из предпосылки, что единый воспитательный процесс делится на дошкольное, школьное и внешколь-

ное образование, они считали, что внешкольное образование и есть политпросветработа. Такое толкование приводило не только к выводу, что политпросветработа должна входить в педагогику, но и к ограниченному пониманию ее содержания как общего образования взрослых.

При оценке этой точки зрения необходимо руководствоваться идеями В. И. Ленина о содержании политико-просветительной работы, развитыми Н. К. Крупской. В. И. Ленин называл партийную агитацию и пропаганду важнейшей составной частью политико-просветительной работы [10]. В декрете Совнаркома РСФСР «О Главном политико-просветительном комитете Республики», подписанном В. И. Лениным, подчеркивалось, что Главполитпросвет имеет своей целью объединение политико-просветительной и агитационно-просветительной работы [20]. Таким образом, понятием «политико-просветительная работа» обозначалась как деятельность, включающая и агитационно-пропагандистские и культурно-воспитательные функции. Неслучайно Н. К. Крупская не объединяла педагогику и политпросветработу, а рассматривала их как самостоятельные научные дисциплины [56].

Как видим, механическое включение политпросветработы в педагогику, во-первых, противоречило ленинским указаниям о задачах и содержании политпросветработы, и, во-вторых, тормозило развитие как теории политпросветработы, так и научно-теоретических проблем библиотечного дела.

Называя библиотеку в числе политпросветучреждений для взрослых, участники педагогической дискуссии ничего не говорили о библиотековедении как научной дисциплине, так как подразумевалось, что оно является составной частью теории политпросветработы. В то же время следует подчеркнуть, что участники дискуссии и не могли рассматривать библиотековедение как единую научную дисциплину, поскольку библиотечную работу со взрослыми и детьми они относили к разным разделам педагогики.

Многие исследователи считали, что далеко не все проблемы библиотековедения могут быть решены в рамках педагогики, что оно является научной дисциплиной, тесно связанной с педагогикой, но не входящей в ее состав.

Наличие разных точек зрения на библиотековедение не могло не сказаться и на определении его предмета и объекта. В библиотековедческой литературе 20-х гг. понятия «объект» и «предмет» не были строго разграничены. Часто авторы вообще не определяли принадлежность к объекту или предмету, употребляя общие формулировки типа: «книговедение изучает книгу», «библиотековедение изучает читателя» и т. п.

Поэтому анализ взглядов библиотековедов прошлых лет на предмет и объект библиотековедения может быть проведен только с помощью современных определений этих понятий. Под объектом мы будем понимать реальные явления: библиотеку, книгу, читателя и т. п. Предмет – это те специфические свойства, качества объекта, которые изучаются библиотечной наукой.

Различные точки зрения на вопрос о месте библиотековедения в системе наук повлекли за собой и разные взгляды на его предмет и объект. Книговеды и библиографы считали его объектом книгу, а предметом – библиотечную практику как одно из средств использования книги. Представители педагогического направления к

объекту библиотековедения относили читателя, а к предмету – изучение того воспитательного воздействия, которое оказывает на него книга и библиотека.

И, наконец, теоретики (Л. Б. Хавкина, Я. В. Ривлин), видевшие в библиотековедении самостоятельную научную дисциплину, считали, что его объектом является библиотека, а предметом библиотечная практика, методы работы. Так, Я. В. Ривлин указывал, что предмет библиотековедения – это «совокупность мероприятий по использованию книги в интересах читателя» [401, с. 53]. Л. Б. Хавкина писала, что объектом научного библиотековедения является «библиотека, как определенный организм», а предметом – «выяснение законов развития этого организма и его функционирования» [437, л. 21].

Наличие разных точек зрения на объект и предмет библиотековедения не могло не сказаться и на определении структуры этой научной дисциплины. В 20-х гг. продолжали еще делить библиотековедение на теоретическое и практическое. В практическое включали вопросы библиотечной техники, в теоретическое – классификацию библиотек, их историю, а также статистику.

В противовес тем, кто делил проблемы библиотечного дела на теоретические и практические, Л. Б. Хавкина утверждала, что все процессы библиотечной практики должны получать в библиотековедении теоретическое обоснование. Она указывала, что библиотековедение изучает прежде всего следующие вопросы: что такое библиотека, каковы ее цели и задачи, как она должна быть организована для решения этих задач, каковы взаимоотношения между отделами библиотеки как единого целого и между библиотеками, входящими в одну организованную сеть. Сюда же Л. Б. Хавкина относил вопросы «библиотечной политики»: управление как библиотечным делом в целом, так и отдельными библиотеками, библиотечное законодательство, финансирование и снабжение библиотек, координацию работы с другими библиотеками, организацию библиотечной общественности и т. д. Таким образом, Л. Б. Хавкиной уже был намечен примерный круг вопросов, который мы определяем сейчас как «общее библиотековедение».

Следующая часть, по мысли Л. Б. Хавкиной, – это история библиотечного дела, к которой она относилась и «социально-культурную географию библиотек», т. е. изучение состояния библиотечного дела в разных странах.

Самостоятельной частью библиотековедения Л. Б. Хавкина считала изучение функционирования библиотек, т. е. вопросов комплектования и организации фондов, а также «способов» обслуживания читателей. Рассматривая все вопросы функционирования как единый комплекс, она выделяла в нем формирование фондов в качестве «подготовительного шага» к осуществлению конечной цели – наилучшего обслуживания читателей, распространения науки и знания в массах. Функционирование библиотеки и, в частности, «способы» обслуживания читателей рассматривались Л. Б. Хавкиной в большей мере как организационная проблема.

Вопросы массовой и индивидуальной работы с читателями выделялись ею в самостоятельную часть, которую она называла «методологией библиотечной работы». Под ней понималось «сближение книги с читателем», раскрытие перед ним фонда библиотеки (выставки, открытый доступ, каталоги, справочная работа и т. д.).

В качестве самостоятельных частей библиотековедения Л. Б. Хавкина выделяла также библиотечную статистику, библиотечные здания и оборудование, изуче-

ние профессии библиотекаря, изучение развития библиотекведения как науки [401, с. 30–32].

Недостатком структуры библиотекведения, разработанной Л. Б. Хавкиной, являлось явно преувеличенное внимание к организационным проблемам. Именно организационные вопросы, по ее мнению, и были предметом изучения ряда частей библиотекведения. В то же время вопросы содержания и методики работы с читателями повторялись по ее схеме в разных частях библиотечной науки. Однако, несмотря на отдельные недостатки, предложенная Л. Б. Хавкиной структура в целом охватывала все основные проблемы теории и практики.

Попытка дифференцировать библиотекведение была предпринята также В. А. Штейном, который, однако, указывал, что оно еще находится в процессе отпочкования отдельных самостоятельных частей со своими предметом и методом. Сам он выделял следующие части или «учения»: организация и развитие библиотечного дела в целом и отдельных библиотек; комплектование; способы обработки книг (каталогизация и систематизация); способы их размещения и хранения в библиотеке; методы работы с читателями; строительство библиотечных зданий и их оборудование [478, с. 130]. Подчеркивая обособленность отдельных частей библиотекведения, В. А. Штейн по существу отрицал единство задач и целей его как науки.

Другое направление, по которому в 20-е гг. шло углубление и уточнение библиотекведения как науки, связано с разработкой проблем терминологии. Было предпринято несколько попыток создания терминологических словарей. В свет вышли «Словарь библиотекаря» Р. Л. Гольдарбейтера, «Словарь-справочник профсоюзного библиотекаря» Н. И. Бузиньер [183, 161]. Но в них, к сожалению, и выбор терминов, и их определения базировались на старых формулировках, заимствованных из арсенала буржуазного библиотекведения.

Поэтому в библиотекведческой литературе тех лет неоднократно выдвигалось требование разработки новой терминологии. В. Э. Банк, К. Н. Дерунов, Е. Н. Добржинский и др. подчеркивали, что в ряде дискуссий разногласия возникали только из-за отсутствия единых терминов в формулировках и определениях, которыми руководствовались участники дискуссий. Нельзя, отмечали они, «ставить и решать вопросы методологические, когда неясен сам предмет, о котором идет речь» [399, с. 182].

В тот период советское библиотекведение еще не приступило к коренному пересмотру терминологии, но первые шаги в этом направлении были сделаны. Они сводились в основном к упорядочению отдельных понятий, связанных, в частности, с передвижной работой библиотек, терминов «массовый читатель», «читательский актив» и др.

Таким образом, в 20-е гг. были сделаны первые попытки выделить библиотекведение из других наук, определить его структуру, понятийный аппарат, предмет и объект исследования, а также уточнить терминологию.

Определение социальной роли библиотеки

Разработка идейно-теоретических основ библиотекведения потребовала рассмотрения вопроса о месте советских библиотек в жизни общества. По этому вопросу есть принципиальные указания В. И. Ленина, в которых подчеркивается

огромная роль библиотек в поднятии политического и культурного уровня масс, в осуществлении задач социалистического строительства; в качестве одного из условий перехода к социализму называется достаточная степень «приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками» [15, с. 372].

В. И. Ленин видел в библиотеке важное социальное учреждение, оказывающее существенное влияние на духовную жизнь общества, на осуществление задач культурной революции. Н. К. Крупская писала: «По тому, насколько налажено библиотечное дело, судил Ильич об уровне культуры; состояние библиотечного дела было для него показателем общей культурности» [74, с. 363].

В. И. Ленин относил библиотечное дело к общественному явлению и подчеркивал, что социальная роль библиотеки проявляется в конкретных исторических условиях. В советском обществе библиотека превращается в идеологическое учреждение, оказывающее путем пропаганды книги активное влияние на коммунистическое воспитание трудящихся.

Важнейшее значение для определений социальной роли библиотек имели указания VIII съезда партии о тесной связи просвещения с политикой, об общности целей всех политико-просветительных учреждений и подчинении их хозяйственно-политическим задачам страны. В резолюции «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» съезд подчеркнул, что общее образование – школьное и внешкольное – «должно тесно примыкать к коммунистической пропаганде» [18, с. 82].

Вопрос о социальной роли библиотек был предметом активного обсуждения на всех съездах и совещаниях по внешкольному образованию и библиотечному делу. Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию (1919 г.) поставил вопрос о связи внешкольного образования с политикой, о социальной работе библиотек. Н. К. Крупская, подводя итоги съезда, писала: «...съезд пришел к заключению, что весь громадный внешкольный аппарат должен служить целям углубленной коммунистической пропаганды, имеющей целью открыть массам глаза на все явления, происходящие в природе, и на структуру современного общества и его развитие» [48, с. 43].

Следовательно, уже в первые годы социалистического строительства библиотека рассматривалась как важное социальное учреждение, оказывающее существенное влияние на духовную жизнь общества, подчеркивалась социальная обусловленность содержания работы библиотек определенной общественно-экономической формации. Именно с этих позиций предпринимались первые попытки оценить роль библиотек на различных исторических этапах, осветить вопросы библиотекovedения с социально-исторической точки зрения.

Автор одного из первых исследований исторического характера Я. В. Ривлин, оценивая состояние данной проблемы, указывал, что по истории библиотек нет ни одной работы, которая раскрывала бы видоизменение форм библиотек, их организации и содержания деятельности в общей исторической, не говоря уже о социологической перспективе. Он подчеркивал необходимость дать целостное представление о внутренней связи и преемственности между формами организации библиотек и социальными причинами изменения содержания их работы.

В статье «Методические течения в области истории библиотековедения» [344] Я. В. Ривлин попытался систематизировать существовавшие взгляды на задачи библиотеки и на средства их решения. Он выделил три точки зрения: библиофильскую, образовательно-утилитарную и социально-педагогическую.

С библиофильской точки зрения, выразителями которой Я. В. Ривлин называл Ф. Эйхлера (Австрия) и А. Грезеля (Германия), задача библиотеки заключается в охране и использовании книг. Их взгляды он обобщал в формулировке «Библиотека – это книги, а не читатели» и указывал, что такая позиция еще не утратила своих приверженцев, особенно среди работников научных библиотек.

Образовательно-утилитарную точку зрения Я. В. Ривлин связывал с развитием производства в буржуазном обществе. Потребность в квалифицированных рабочих, имеющих определенные знания, вызвала необходимость приблизить книгу к читателю, научить извлекать из нее полезные сведения. Следовательно центром библиотечной работы становится читатель. По мысли представителей этой точки зрения, к характерным из которых автор относил немецких библиотековедов Э. Цоллера, П. Ладевига и нашу Л. Б. Хавкину, библиотека – главнейшее орудие распространения знаний.

Критикуя образовательно-утилитарную точку зрения, Я. В. Ривлин указывал, что она не ведет дальше приближения книги к читателю в практических целях и оказания ему в этом плане библиографической помощи: «Вопросы индивидуализации книги, вопросы руководства чтением и содействия сознательному отношению читателей к окружающему – все это не существует для американских библиотек. Больше того: они считают эту сторону методической работы библиотеки принципиально недопустимой, ибо личность взрослого автономна и никто не в праве ее опекать».

Однако, казалось бы, критически излагая буржуазно-объективистскую точку зрения на задачи библиотек, Я. В. Ривлин в то же время упускал существенную деталь: на практике библиотеки капиталистических стран далеко не объективны и оказывают свое влияние на содержание и характер чтения.

В противовес библиофильской и образовательно-утилитарной точкам зрения Я. В. Ривлин выдвигал социально-педагогическую. Ее представителями в советском библиотековедении он считал А. А. Покровского, Б. О. Боровича, Д. А. Балику, В. А. Невского, Е. Н. Медынского, М. А. Смушкову, Я. Е. Кипермана, Е. И. Хлебцевича, И. М. Цареградского, а также немецкого библиотековеда В. Гофмана. В их взглядах он видел одно общее положение: «всеми ими выдвинут читатель на первый план; для них всех и книга, и знание – не самоцель, а лишь средство для воспитания трудовых масс».

Таким образом, принципиальное отличие социально-педагогической точки зрения от двух предыдущих Я. В. Ривлин определил правильно: оно состоит в признании воспитательной работы и руководства чтением главной задачей библиотеки. Но эклектическое объединение мыслей сторонников воспитательной работы библиотек, без учета их взглядов на цели воспитания, не могло быть, конечно, плодотворным. Я. В. Ривлин рассматривал в одном ряду и стоящих на объективистских позициях и тех, кто допускал колебания в оценке значения принципа партийности, и тех, кто твердо следовал этому принципу. В результате, новая по форме точка зре-

ния на деле оставалась той же старой и не могла способствовать выявлению социальной сущности советской библиотеки.

Другой попыткой показать в историческом плане социальную роль библиотеки был культурно-исторический очерк Д. А. Балики «Библиотека в минулому» [115]. Автор поставил задачу изложить историю библиотечного дела в тесной связи с развитием производительных сил и производственных отношений. Книгу Д. А. Балики можно с полным основанием рассматривать как первый опыт марксистской истории библиотечного дела.

Д. А. Балика считал, что научная постановка библиотечной работы в пролетарском государстве требует изучения и анализа как истории, так и современного состояния библиотек. Однако сам он, к сожалению, ограничился прошлым и не довел историю до современности.

Дальнейшие исследования социальных функций библиотек базировались на основных положениях учения В. И. Ленина о культурной революции как составной части революции социалистической: о единстве социальных функций всех политико-просветительных учреждений, необходимости тесного сотрудничества между ними для решения общих задач, о библиотеке как самостоятельном типе политико-просветительного учреждения.

Развивая эти ленинские положения, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, Л. Р. Менжинская, О. И. Чачина, В. Я. Брюсов и другие руководители Наркомпроса, подчеркивая общность социальных функций всех политико-просветительных учреждений, в то же время говорили о специфичности осуществления их в условиях учреждений разных типов. Так, А. В. Луначарский отмечал, что внешкольное просвещение есть «одна из боевых частей нашего просветительного фронта», а библиотека – орган внешкольного образования [91, с. 45].

Н. К. Крупская подчеркивала необходимость связать работу всех политико-просветительных учреждений «с общей политикой Советской власти, идти нога в ногу с ней, участвовать в разрешении тех конкретных задач, которые встают перед Советской властью» [38, с. 71]. Она указывала, что библиотеки не могут выполнять свои социальные функции в отрыве от других учреждений, призванных решать задачи коммунистического воспитания, что «нельзя библиотеку рассматривать как что-то самодовлеющее, как нечто существующее вне зависимости от развития других областей политпросветработы» [52, с. 156].

Рассматривая с этой точки зрения систему политико-просветительных учреждений в стране, советские библиотековеды стремились определить в ней место библиотек. Многие ставили библиотеку в ряд важнейших политико-просветительных учреждений, так как она оказывает влияние через книгу – основной источник идей и знаний.

Вместе с тем роль библиотеки в духовной жизни общества преувеличивалась некоторыми библиотековедами. Так, Н. А. Рубакин уверял, что «библиотека – это результат и причина духовной жизни, следствие ее возбуждения и причина новых возбуждений» [349, л. 6].

Отсюда пошла тенденция помещать библиотеку в центр всей политико-просветительной и агитационно-пропагандистской работы. Например, Б. Д. Веккер выдвигал задачу поднять роль библиотеки до такого культурного органа, вокруг

которого объединялись бы все остальные агитационно-пропагандистские ячейки, так как в ней заложены «все виды и все источники духовного воздействия на окружающую ее среду» [171, с. 7]. В этих высказываниях Б. Д. Веккера ценным является понимание того огромного влияния, которое оказывает библиотека на духовную жизнь общества, однако в те годы, как и сейчас, библиотека не располагала и не будет располагать «всеми видами и источниками» такого влияния.

А. Я. Виленкин, например, считал, что задача внешкольных учреждений – возбуждать вопросы и интересы, которые удовлетворяет с помощью книги библиотека. Поэтому внешкольные учреждения смогут достигнуть максимальных результатов только тогда, когда тесно связаны с библиотекой. Но так как все внешкольные учреждения должны быть связаны и между собой, то он графически предлагал изображать сеть внешкольных учреждений в виде окружности, в центре которой находится библиотека [174, с. 21]. Такое преувеличение роли библиотек объяснялось во многом тем, что сеть других учреждений культуры в то время была еще очень мала, а их работа налажена недостаточно.

Наряду со стремлением преувеличить значение библиотеки, поставить ее в центр круга политико-просветительных учреждений разных типов, делались попытки и противоположного характера, а именно низведение ее к роли вспомогательного органа по отношению к другим политико-просветительным учреждениям. Возражая против такой позиции, Л. Б. Хавкина подчеркивала, что широкая доступность библиотеки делает ее чрезвычайно важным просветительным учреждением, имеющим совершенно самостоятельное, а не только подсобное значение [432, с. 12].

Обоснование роли и места библиотек в духовной жизни советского общества помогало и в определении их социальных функций. При этом активно завершался процесс преодоления буржуазно-объективистских взглядов на библиотеку лишь как на учреждение культуры, не ставящее перед собой идеологических задач. Одновременно велась борьба с попытками противопоставить идеологические задачи культурным, рассматривать их изолированно, вне связи друг с другом.

Важное методологическое значение имел теоретический вывод Н. К. Крупской о единстве социальных функций библиотек всех типов и видов, так как в первые годы Советской власти еще был распространен взгляд о коренном различии назначения массовых и научных библиотек, о неприменимости к научной библиотеке тех требований, которые предъявляются к библиотеке массовой. Если учесть, что научные библиотеки все еще были замкнутыми учреждениями, то подчеркивание их «специфики», «особых задач» и т. п. было объективно вредным, ибо мешало установлению единства целей и задач советских библиотек.

По вопросу о задачах научных библиотек развернулась широкая дискуссия на Первой конференции научных библиотек УССР (1925 г.) и Второй Всероссийской конференции научных библиотек (1926 г.). Некоторые участники (И. С. Вугман, Ю. А. Меженко и др.) возражали против выполнения научными библиотеками воспитательных, политико-просветительных функций. Так, И. С. Вугман полагал, что связь научной библиотеки с политико-просветительной работой – это «связь неправильная, искусственная, шитая белыми нитками». Он считал принципиально неверным лозунг «Науку – в массы», так как «если мы станем всерьез говорить о

движении науки в массы, то мы можем сделать только одно: понизить науку до масс». Признавая, что всякое просвещение является просвещением политическим, И. С. Вугман относил его к работе массовых, а не научных библиотек. Возражая, Я. В. Ривлин подчеркивал, что в Советской стране нет резкой грани между массовой и научной библиотекой, что они обе «должны быть и не могут не быть политическими, ибо и раньше они никогда не были не политическими» [399, с. 160–162].

Коммунистическая партия в решениях VIII съезда выделила три основных направления партийной пропаганды и политикопросветительной работы: коммунистическая пропаганда, общее образование, производственное просвещение [18, с. 81]. Библиотечковедческая мысль была сосредоточена, во-первых, на определении места каждого из этих направлений в общей системе библиотечной работы, и, во-вторых, на конкретизации их применительно к библиотечной практике.

В обосновании социальных функций советской библиотеки выдающаяся роль принадлежит Н. К. Крупской. Исходя из выдвинутого В. И. Лениным требования развивать самую широкую пропаганду коммунистических идей [6, с. 96], она ставила конкретные задачи перед библиотеками. На первое место в их идеологической работе она выделяла задачу пропаганды «основных идей программы РКП (большевиков) как программы, наиболее правильно оценивающей переживаемый исторический момент, правильно указывающей путь дальнейшего развития и правильно намечающей основные задачи, подлежащие разрешению» [65, с. 64].

Следовательно, Н. К. Крупская рассматривала воспитательную работу советской библиотеки, прежде всего, как воспитание политическое. Такое определение воспитательной функции подсказало важный вывод о первостепенном значении пропаганды в библиотеках политической литературы.

М. А. Смушковой были определены конкретные задачи работы библиотек по политическому просвещению трудящихся и выделены два основных направления этой работы: непосредственное политическое воспитание, т. е. ознакомление с задачами советского строительства, с ролью рабочих и крестьян в революции, с революцией и революционной борьбой; общее развитие читателя на основе коммунистического воспитания – борьба с религиозными предрассудками, воспитание чувства гражданственности, коллективизма, выработка научного мировоззрения [375, с. 43].

Нетрудно заметить, что оба эти направления соответствуют двум составным частям идеологической работы партии – агитации и пропаганде. Это говорит о том, что уже в те годы делались попытки обосновать связь библиотечковедения с теорией и методикой партийной пропаганды и агитации, доказать пропагандистский характер библиотечной работы. Н. К. Крупская отмечала, что после окончания гражданской войны центр тяжести переносится с агитации на пропаганду, и подчеркивала, что при этом особое значение получает библиотека как учреждение, ведущее пропаганду [49, с. 6].

Таким образом были выдвинуты и обоснованы два принципиальных положения работы библиотек по политическому просвещению трудящихся. Первое – пропаганда книги в библиотеках является составной частью агитационно-пропагандистской работы партии. Второе – агитационно-пропагандистская деятельность библиотеки, являясь частью идеологической работы партии, в то же время зани-

мает в этой работе относительно самостоятельное место с присущими ей формами и методами.

В разработке методов деятельности библиотек советские исследователи широко опирались на богатый опыт коммунистической партии в деле массовой агитации и пропаганды. При этом они использовали опыт политико-просветительной работы партии не только советского, но и дореволюционного периодов, в частности, методы работы с книгой в революционных рабочих организациях. Ценные традиции пропаганды революционной книги были унаследованы и получили развитие в советском библиотековедении.

Вместе с тем встречалось и недостаточное четкое понимание воспитательной функции библиотек. Так, А. А. Покровский выделял в их работе три основные функции: «помощь игре» (воспитательная), «помощь учебе» (образовательная), «помощь работе» (практическая) [329а, с. 12]. Совершенно очевидно, что определение воспитательной функции как «помощь игре» было глубоко ошибочным и свидетельствовало о еще непреодоленной автором объективистской точке зрения на социальные функции библиотеки.

Важной социальной функцией, к обоснованию которой приступили советские библиотековеды, было производственное просвещение. При этом они руководствовались ленинским принципом связи политико-просветительной работы с жизнью, практикой социалистического строительства, исходили из требований В. И. Ленина к производственной пропаганде: «...еще более усилить связь школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности» [14, с. 337].

В. И. Ленин рассматривал проблему широко, не ограничивая ее пропагандой чисто производственных знаний. Он подчеркивал: «Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства» [10, с. 407]. Важнейшее значение для определения содержания этой функции библиотек имело указание В. И. Ленина: «...надо, чтобы наша пропаганда, наши руководства, наши брошюры были восприняты народом на деле и чтобы результатом этого явилось улучшение народного хозяйства» [13, с. 175].

Особенно возросло значение производственной пропаганды в связи с окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству. В. И. Ленин в «Тезисах о производственной пропаганде» подчеркивал: «...производственная пропаганда должна быть снова выдвинута на первый план, усилена и организационно укреплена». Он поставил задачу распространения профессионально-технического и политического образования, особо подчеркнув роль библиотек в производственной пропаганде [11, с. 14].

Выдающаяся роль в разработке функции содействия социалистическому строительству принадлежит Н. К. Крупской, которая считала необходимым «приспособление библиотечной работы для целей производственной пропаганды» [71, с. 81].

Конкретизируя тезис Н. К. Крупской, советские библиотековеды определяли конкретные задачи участия библиотек в социалистическом строительстве. На Первом Всесоюзном совещании профсоюзных библиотекарей (1925 г.) было подчеркнуто, что задача библиотеки состоит в том, чтобы научить рабочего пользоваться

книгой в интересах производства, показать ему, как книга, особенно техническая, может стать помощником в его трудовой деятельности [317, с. 28].

Однако само по себе признание социальной полезности библиотеки вообще, необходимость помогать читателям в их повседневной трудовой деятельности еще было далеко тогда от выявления характерных черт советской библиотеки в этом плане. Напомним, что «социальная полезность» – один из основных тезисов буржуазного библиотековедения, получивший особенно широкое применение в практике американских библиотек. Как раз это – та положительная сторона практики буржуазных библиотек, которая не теряла своего значения и для советского библиотечного дела. Но наше библиотековедение влило в это положение совершенно новое социальное содержание: помогать читателям получать полезные и нужные в жизни знания, чтобы способствовать их активному участию в строительстве социализма.

Вместе с тем наблюдалось и преувеличение значения «деловой», «практической» книги. Так, В. А. Невский, справедливо указывая, что производственная пропаганда не может быть выделена в какую-то особую отрасль, противопоставленную всем другим, а должна охватывать собой всю работу библиотеки, делал, однако, неверный вывод, что основной и главной задачей библиотеки является помощь развитию производства: «...книга для производственной работы, а не для приобретения знаний, не для выработки „законченного и цельного“ миросозерцания» [302, с. 6].

Подобные высказывания принижали политическую роль библиотеки, ее место в коммунистическом воспитании трудящихся, в то время как Н. К. Крупская неоднократно подчеркивала тесную связь последнего с оказанием помощи социалистическому строительству. Она говорила, что две задачи – воспитание революционного миросозерцания и стремления к революционному действию – неразрывно связаны между собой, постоянно перерастают одна в другую [63, с. 341].

Исходя из Программы партии, принятой VIII съездом, и указаний В. И. Ленина, важной социальной функцией библиотек советские исследователи считали общеобразовательную деятельность. Ее основная цель, как писал В. И. Ленин, – «всесторонняя помощь Советской власти самообразованию и саморазвитию рабочих и трудовых крестьян» [6, с. 96].

Н. К. Крупская рассматривала эту функцию библиотеки не только как преподнесение суммы общеобразовательных знаний, но и ставила задачу «подводить базу знания, базу культуры под всю жизнь и борьбу трудящихся» [63, с. 298]. Она подчеркивала, что образовательная работа – не самоцель, что она подчинена задачам политическим. Н. К. Крупская указывала на связь образовательной работы не только с воспитательной, но и с функцией содействия социалистическому строительству: «...втягивание масс в социалистическую экономическую стройку требует громадного повышения культурного уровня масс» [90, с. 445].

Особое значение Н. К. Крупская придавала роли библиотек в ликвидации неграмотности как одной из главнейших задач культурной революции: «Неграмотность уменьшает напор масс на библиотечное дело, отсутствие книг питает рецидив безграмотности» [53, с. 260]. Вместе с тем она рассматривала участие библиотек в ликвидации неграмотности лишь как первый этап работы. Второй этап заключал-

ся, по ее мнению, в том, чтобы «обученные грамоте кадры вести дальше по пути культурно-политического роста» [41, с. 395].

В связи с этим Н. К. Крупская отводила большую роль самообразованию, в котором должны помочь библиотеки: «Самостоятельная мысль, самостоятельная работа над опытом человечества, приобретенным в течение веков, – эта самостоятельная работа идет и должна идти в библиотеке, должна идти с книгой» [79, с. 359]. Таким образом, библиотека рассматривалась ею как центр работы по самообразованию, а средством этой работы она считала руководство чтением.

Советские библиотековеды (Б. В. Банк, П. И. Гуров, Я. Е. Киперман, Е. И. Хлебцевич и др.), разрабатывая проблемы руководства самообразовательным чтением, считали, что главным является определение его идеологических, воспитательных задач. Ими были высказаны также весьма плодотворные мысли о планомерном руководстве самообразовательным чтением, роли в нем библиографии, комплексном подходе к пропаганде литературы. Все эти положения получили развитие и в дальнейшем все более углублялись и конкретизировались.

Следовательно в 20-е гг. в советском библиотековедении на основе ленинского принципа партийности были определены важнейшие социальные функции советской библиотеки, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Принцип активности советской библиотеки

Обоснование принципа партийности, определение социальных функций советской библиотеки привело к необходимости углубленной разработки принципа ее активности, что явилось одним из важнейших теоретических достижений библиотековедения первых лет Советской власти.

В разработке этого принципа советские библиотековеды исходили из указаний В. И. Ленина об активном, наступательном характере коммунистической агитации и пропаганды, направленных на революционное преобразование общества, на привлечение трудящихся масс к активному участию в социалистическом строительстве.

В обосновании всеобъемлющего значения принципа активности для библиотечного дела и путей его практического осуществления советские библиотековеды руководствовались указаниями В. И. Ленина о соединении методов пропаганды и агитации с методами культурно-просветительной деятельности: «В партийной работе мы выработали свои навыки широкого воздействия на массы, но их нужно соединить с методами культурно-просветительными, в частности, школьными и особенно внешкольными...» [4, с. 463–464]. Развивая эту ленинскую мысль, Н. К. Крупская подчеркивала, что внешкольная работа должна носить пропагандистский характер, что внешкольное образование представляет собой «систематически организованную пропаганду» [39, с. 30].

Следует отметить, что некоторые библиотековеды (А. А. Покровский, Л. Б. Хавкина, В. А. Штейн) считали принцип активности заимствованным из американского библиотековедения. Например, А. А. Покровский в статье «Директивы Ленина» (1924 г.) писал: «Не ждать читателя, а искать его, идти к нему, привлекать его, активно проводить хорошую книгу», – эта формулировка *принципа активности* библиотеки дана не Лениным, а американцами, но Ленин то же самое говорил, или подразумевал, когда касался библиотечного дела» [324, с. 20].

В. И. Ленин действительно неоднократно отмечал активный характер работы библиотек в передовых капиталистических странах. Так, в статье «Что можно сделать для народного образования» (1913 г.) он противопоставлял отсталое библиотечное обслуживание в царской России активной работе американских библиотек, стремящихся к широкому привлечению населения [2]. Позднее, уже после революции, в записке «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде» (1917 г.) он указывал, что «немедленно и безусловно необходимы <...> основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки» [3, с. 132].

Однако В. И. Ленин видел, что активность буржуазных библиотек носит односторонний, утилитарный характер. Активность советской библиотеки В. И. Ленин связывал с задачами пролетарской революции. В том же документе он подчеркивал, что правильная постановка библиотечного дела состоит в том, чтобы помочь народным массам «разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции».

Представители либерально-буржуазного направления рассматривали ленинские оценки активной работы американских библиотек вне связи с мыслями В. И. Ленина о партийности просвещения, что вело к разобщению этих двух важнейших принципов советского библиотековедения.

В более поздних своих работах А. А. Покровский, постепенно освобождаясь от объективистских взглядов и исходя из ленинского понимания активного, наступательного характера партийно-политической и культурно-просветительной работы, указывал, что принцип активности возник в советском библиотековедении из сочетания и переработки старых культурнических и кружковых форм содействия самообразованию, американских методов широкого продвижения книги в жизнь и работу масс и новых, взятых от революционной работы форм массовой агитации [327, с. 143]. Он подчеркивал, что принцип активности – это не просто приближение книги к читателю, а «*активная работа* со всей массой, со всеми слоями и группами рабочего класса, содействие его социальному развитию: воспитание, просвещение и вооружение рабочих для классовой борьбы за социализм, для классовой диктатуры, для строительства социализма» [329, с.21].

Таким образом, принцип активности понимался, прежде всего, как активное участие библиотек в политической жизни страны, как привлечение читателей к активному участию в решении задач социалистического строительства. Идеологическая активность библиотеки рассматривалась как активное влияние на содержание и характер чтения.

В 20-е гг. утвердился взгляд на всеобъемлющий характер принципа активности. Так, Я. Е. Киперман считал, что при определении любого компонента библиотечной работы активность должна подчеркиваться как отличительный признак [400, с. 32].

Однако теоретическое положение о всеобъемлющем значении принципа активности не было бесспорным для того времени. Одни (в первую очередь, те, кто сотрудничал в научных библиотеках) считали, что этот принцип имеет отношение только к работе массовых библиотек, а задача научных библиотек сводится к удовлетворению запросов читателей.

Другие вообще отрицали принцип активного влияния на чтение. Такая позиция особенно ярко проявилась во взглядах Г. А. Брылова и И. И. Осьмакова, которые объявили «фиктивность руководства чтением, вследствие перерастания читателем библиотекаря» [158, с. 12].

Эта «теория» вызвала резкие и обоснованные возражения. Большинство теоретиков и практиков отстаивали принцип активности в работе с читателями, указывали на его всеобъемлющее значение, обосновывали пути осуществления.

Проблема активности рассматривалась, прежде всего, как активное влияние на содержание чтения. Ее разработке способствовали дискуссии о роли библиотеки в руководстве чтением, о значении изучения читательских интересов в целях влияния на их содержание. Советские библиотековеды подчеркивали, что изучение интересов читателей и руководство их чтением – это две неразрывные и взаимосвязанные стороны одного процесса. Руководство чтением дает богатый материал для изучения читателей и, в свою очередь, базируется на их изучении.

Подчеркивая важность изучения интересов читателей, специалисты обращали внимание на то, что оно, к сожалению, не всегда использовалось для активного руководства чтением. Так, А. А. Покровский предостерегал библиотекарей как от невнимания к интересам читателей, так и от подчинения им, рекомендовал *«отвечать на них, но так отвечать, чтобы эти интересы изменялись, чтобы интересы, нам мало желательные, превращались в интересы более желательные с точки зрения культурного и политического подъема масс»* [326, с. 12].

Это предостережение было нелишним, так как некоторые теоретики из правильного положения о необходимости воздействия на чтение делали неправильный вывод, сводящийся к тому, что библиотека может вообще не считаться с интересами и запросами читателей. Например, В. А. Невский уверял, что основная задача библиотеки – интенсивно проводить различные кампании, в результате чего «читатель попадает в их водоворот и начинает читать *не то, что диктуется его „интересами“ и „запросами“, а то, что диктует ему библиотека»* [299, с. 80].

Активное влияние библиотеки должно выражаться в формировании не только содержания чтения, но и его системы. Поэтому большое значение в практической реализации принципа активности отводилось воспитанию культуры чтения; подчеркивалось, что библиотекарь должен не только учить, как читать книгу, но и помогать в усвоении прочитанного.

Разработка принципа активного влияния на содержание и характер чтения потребовала и ответа на вопрос о степени такого влияния. Н. К. Крупская предупреждала, чтобы библиотекарь не опекал читателя. Важно создавать такие условия, при которых сам читатель мог бы ориентироваться в каталоге и выбирать нужные книги. Выступая на Втором Всесоюзном совещании профсоюзных библиотечек, она говорила: «Вопрос свободы выбора для рабочего имеет большое значение. Это несколько не уменьшает роли библиотекаря, как руководителя чтением в том смысле, что он рекомендует определенные списки, определенным образом показывает литературу, определенным образом подбирает эту литературу, но важно, чтобы это руководство не превратилось в нечто такое навязчивое, что отталкивает читателя» [44, л. 9].

Именно с принципиальных позиций, выдвинутых Н. К. Крупской, рассматривали советские библиотековеды проблемы открытого доступа к книжным фондам. Однако были и противники этой системы, которые считали, что выбор книг непосредственно с полки ведет к несистематическому, случайному чтению. Возражая против такого мнения, Г. А. Брылов, Ф. Э. Доблер, В. Ф. Сахаров, Л. Б. Хавкина, А. В. Цикулenco и др. подчеркивали преимущество открытого доступа: он повышает активность читателя, прививает навыки самостоятельного выбора книг. Они рассматривали переход к открытому доступу как «революцию в библиотечном деле» и отмечали, что в нем сочетаются два наиболее эффективных метода: показ и живое слово [158, с. 31].

В результате принцип активности был развит в 20-е гг. советским библиотековедением на передовой идеологической основе и получил тем самым совершенно новое содержание, явившись базой разработки теоретических и практических проблем руководства чтением в последующие периоды.

Обоснование принципов дифференцированного и индивидуального подходов

Крупным достижением библиотековедения первых лет Советской власти была разработка принципа дифференцированного подхода на базе основополагающего принципа партийности. Выдающаяся роль в обосновании этого принципа принадлежит Н. К. Крупской, которая называла его принципом «индивидуализации». Она подчеркивала необходимость дифференцированного определения целей и методов библиотечной работы в зависимости, во-первых, от местных условий и особенностей и, во-вторых, от состава читателей и их запросов. Она отмечала, что учет местных условий позволит дифференцированно строить библиотечную работу, приспособлять ее содержание и методы к окружающим условиям, правильно комплектовать книжные фонды и дифференцированно решать проблемы организации библиотечного обслуживания населения [52].

Развивая выдвинутый Н. К. Крупской принцип «индивидуализации», Б. В. Банк, В. Е. Васильченко, А. Я. Виленкин, Я. П. Гребенщиков, А. А. Покровский, Л. Б. Хавкина и др. подчеркивали его важное значение для определения задач и содержания работы библиотек, для всех сторон библиотечного дела: разработки проблем обслуживания населения книгой, комплектования фондов, руководства чтением и т. д. Например, Я. П. Гребенщиков считал принцип «локализации» (еще один термин, применявшийся в те годы наряду с термином «индивидуализация» для обозначения принципа дифференцированного подхода) основным в библиотечной работе [399, с. 259].

Важным теоретическим положением был вывод о том, что общность социальных функций всех советских библиотек не упраздняет, а наоборот, выдвигает проблему дифференциации их задач в зависимости от их типов и видов, а также условий работы. На основе принципа дифференцированного подхода были предприняты первые попытки типизации библиотек. Большое значение этой проблемы обуславливалось необходимостью определить место библиотек различных типов и видов в единой системе библиотечного обслуживания населения, а также задачи и направления их деятельности, особенности осуществления социальных функций.

Одна из первых попыток в этом направлении принадлежала К. И. Дерунову, который выделял три типа библиотек: народная, общественная и академическая. Общественные библиотеки он рассматривал как промежуточное звено между народными и академическими. Задача общественной библиотеки как средней ступени – обслуживать подготовленного, квалифицированного читателя, и комплектуется она по преимуществу общеобразовательной литературой [206, с. 102].

Таким образом, в построениях К. И. Дерунова отчетливо проступала старая точка зрения о необходимости специальных библиотек «для народа», которую не разделяли даже многие представители буржуазно-либерального библиотековедения. Например, Л. Б. Хавкина решительно высказывалась против «народных» библиотек, рассчитанных на «очень низкий умственный уровень невзыскательной публики», против проведения границ между тем, «что читать народу и что – образованным людям». Она подчеркивала, что публичная библиотека должна быть «единая для всего населения» [431, с. 109–110].

Более правильно к проблеме типизации библиотек подошел В. Я. Брюсов, который выделял три их типа: просветительные, научные и школьные. Он подчеркивал специфические задачи научных библиотек, отличающие их от массовых. Задача просветительных библиотек, по его мнению, заключалась в содействии образованию и самообразованию самых широких кругов населения. Первоочередная задача научных библиотек – содействие развитию науки в Советском государстве.

Характерной чертой научной библиотеки, как считал В. Я. Брюсов, является содействие серьезной научной работе. В то же время он подчеркивал другую важную их функцию – хранение произведений печати. В этом он видел одно из основных отличий научной библиотеки от библиотеки просветительного типа, фонды которой должны постоянно быть в обращении. Развивая типологию библиотек, В. Я. Брюсов говорил о необходимости организации специальных научных библиотек по отдельным отраслям знания. В то же время он боролся против их замкнутости и ставил задачу расширения круга читателей, упрощения их доступа к книжным богатствам [160].

В. Я. Брюсов в основу типизации библиотек положил главное – целевую установку деятельности библиотек определенного типа, что позволило ему правильно решить вопрос и о задачах их работы, составе читателей и фондов.

Наиболее интересная попытка типизации библиотек принадлежит Е. Ф. Прокураковой, которая на Первом библиотечном съезде РСФСР (1924 г.) предложила выделить три их группы: научные, массовые, губернские и уездные как промежуточный тип, имеющий своей главной целью обслуживание массового читателя, но в то же время выполняющий часть функций научной библиотеки [385а, с. 43–44].

И хотя в рассматриваемый период еще не была выработана система признаков, на основе которых следовало строить типизацию, предпринятые попытки определения задач и отличительных черт библиотек отдельных типов послужили в дальнейшем основой для более глубокого подхода к проблемам их типологии.

Большое внимание обращалось на проблему дифференцированного обслуживания читателей. Н. К. Крупская требовала приспособления библиотечной работы «к особенностям и запросам различных групп трудящихся» [41, с. 396], указывала на необходимость особого внимания к наиболее важным читательским группам.

Ориентация на определенные читательские группы получила в те годы термин «социальной установкой».

Одной из важных проблем было обоснование типологии читательских групп, с тем чтобы иметь возможность глубоко и всесторонне исследовать читательские интересы отдельных групп и разрабатывать методику работы с каждой из них. М. А. Смушкова считала, что необходимо установить основные категории читательских типов, на основе чего можно выработать и типовые методы подхода к читателям [373, с. 58].

Некоторые исследователи пытались выделить категории читателей по степени важности руководства их чтением. Например, А. А. Покровский предлагал расположить читательские группы городского населения в следующем порядке: рабочие, кустари и ремесленники, служащие, учащиеся, прочие. К большой категории «прочих» он относил советских и торговых служащих, домашних хозяек, «нетрудовые элементы», объединяя их общим термином «городские обыватели». Общим для них он считал то, что «они пассивны в Советском государстве и ненадежны или безнадежны в борьбе за социализм» [329, с. 19]. Объединение в одну читательскую категорию разных социальных групп и недифференцированная их политическая оценка были, конечно, ошибочными.

Другие авторы, не ставя целью перечислить последовательно все группы, стремились выделить лишь те, на руководство чтением которых следовало, по их мнению, обратить особое внимание. Анализ многочисленных высказываний по этому вопросу показывает, что в основе выделения групп лежал чаще всего признак «классового предпочтения». Разъясняя его, М. А. Смушкова указывала, что задача библиотеки заключается не просто в том, чтобы выдать книгу, а в том, чтобы выдать хорошую книгу и выдать ее социально-ценной группе читателей [374, с. 126].

Наиболее социально важными группами чаще всего назывались в те годы рабочие, крестьяне, красноармейцы. Но поскольку по своему составу эти группы были неоднородны, библиотековеды стремились к дальнейшей, более глубокой их дифференциации на основе социальных признаков. Так, Н. К. Крупская обращала внимание библиотек на необходимость «культурно поднять самые отсталые, самые затоптанные жизнью слои рабочего класса и крестьянства» [85, с. 312]. Она считала также важной дифференциацию читателей по производственному признаку: «По одному надо ставить работу среди рабочих-металлистов, по-другому – среди рабочих-текстильщиков; по-одному – среди крестьян, занимающихся только сельским хозяйством, по-другому – среди крестьян, уходящих на лето на отхожие промыслы» [70, с. 284].

В качестве ведущего признака типизации предлагались также цели чтения, уровень культуры чтения, преобладающие читательские интересы. Например, В. В. Звездин выделял группы читателей по отношению их к книге и к чтению: для развлечения и отдыха, с учебной целью, с практической целью, для самообразования, с научной целью [217]. Б. О. Борович [152] и Я. Е. Киперман [246] делили читателей на четыре категории: ничего не читавшие и только приступающие к самообразованию; имеющие начальное образование и небольшое развитие; более развитые, прошедшие «высшую начальную школу»; вполне подготовленные читатели, работающие над серьезной научной книгой. Я. М. Шафир считал, что задача клас-

сификации читателей может быть решена только на основе формулировки психограмм читателей типов и предлагал типизацию групп читателей в зависимости от выявленного преобладающего интереса [473, с. 242].

Большое значение имели попытки построить типологию читательских групп на основе учета целого ряда разнообразных признаков. Эта проблема активно обсуждалась на Втором Всероссийском библиографическом съезде (1926 г.) в связи с докладом Д. А. Балики «О классификации печатных произведений по социальному признаку» [398]. Идея такой классификации заключалась в том, чтобы определить целевую установку книги и читательские категории, на которые она рассчитана. В связи с этим возникла задача дифференциации читателей на определенные группы по социальному положению, возрасту, образованию, профессии и т. д.

С. И. Успенский, развивая взгляды Д. А. Балики, предложил свою типизацию читательских групп. По социальному положению он выделял крестьян, рабочих, кустарей, красноармейцев, и внутри этих групп – более детальные подгруппы по уровню подготовки и профессии. Дифференциацию по профессии С. И. Успенский считал необходимой лишь для квалифицированных читателей, выделяя специалистов и практических работников. Последних он разбивал на более дробные группы: партийные, профессиональные, кооперативные, военные, технически. производственные, педагогические работники. При этом он подчеркивал, что основным является деление по социальному положению и возрасту, а второстепенным – по образованию и профессии [409, с. 33–34].

Анализируя эту типизацию, нетрудно заметить, что, во-первых, в ней упущено значительное число читательских групп. Отсутствует, например, такая социальная группа, как интеллигенция. В то же время вызывает сомнение правомочность выделения красноармейцев как особой группы, так как по своему социальному положению они были и рабочими, и крестьянами, и представителями интеллигенции. Вряд ли оправдано выделение в возрастные группы только детей и юношества, тем более что сам С. И. Успенский считал возраст одним из основных признаков при определении групп. Нельзя также согласиться с тем, что образование и профессия считались автором второстепенными признаками. Он не учитывал в своей классификации пол, партийность, участие в общественной работе, учебу и другие данные, характеризующие читателей.

Другую типизацию читателей предложила Н. Я. Фридьева, взяв за основу четыре признака: социальное происхождение (рабочие, крестьяне, интеллигенция), место в производстве, степень подготовки (неподготовленные, малоподготовленные, среднеподготовленные, подготовленные), отношение к руководству чтением. При определении читательских групп по последнему признаку Н. Я. Фридьева выделяла читателей, для которых руководство чтением необходимо (чтение для самообразования, развлечения, с практической целью), и тех, для которых руководство чтением желательно (чтение с учебной или научной целью) [416].

Некоторые указания на принципы многоплановой типизации читателей мы находим также в работах Е. И. Хлебцевича, который кроме названных признаков считал необходимым учитывать «степень общей одаренности, нервную конституцию и т. д.» [398, с. 216], т. е. стремился включить в типизацию и психологические характеристики читателей.

Рассмотренные типизации читателей были далеко не совершенны. За основу деления чаще всего брался только один, зачастую не самый существенный признак, а если учитывался ряд признаков, то они лишь перечислялись, не дифференцировались, не выделялись главные, имеющие первостепенное значение для типизации.

В тесной связи с обоснованием принципа дифференцированного подхода стояла в советском библиотековедении разработка принципа индивидуального подхода. Большое значение этому принципу придавала Н. К. Крупская. В рецензии на книгу Н. А. Рубакина «Письма к читателям о самообразовании» она подчеркнула: «Если библиотекарь хочет прийти на помощь читателю, он должен знать и индивидуальность каждой рекомендуемой им книги, и индивидуальность читателя, берущего эту книгу» [76, с. 23].

Уже в те годы подчеркивалась взаимосвязь принципов дифференцированного и индивидуального подходов. Это направление особенно усилилось с развертыванием работы библиотек в помощь самообразованию. Стало очевидным, что требуется переход от группового руководства чтением к индивидуальному.

Эта мысль была обоснована Б. В. Банком следующим образом: «...библиотека должна, конечно, уметь учесть все характерные местные условия, запросы и интересы тех читательских групп, с которыми она работает, но она должна уметь работать и с каждым читателем в отдельности, так как индивидуальный подход, подразумеваемый с этим специфический, приспособленный для данного читателя, подбор книг, в деле самообразования совершенно необходим. Через укрепление группового руководства чтением и изучение групповых читательских интересов – к руководству индивидуальным самообразовательным чтением, такова текущая задача политпросветских библиотек» [126, с. 101].

Во взглядах на вопрос о применении принципа индивидуального подхода можно выделить три направления. Одно из них сводилось к абсолютизации этого принципа. Его сторонники (В. В. Звездин, Л. Р. Коган, М. И. Слуховский) указывали, что наилучшее библиотечное обслуживание есть обслуживание индивидуальное. За этим следовало, в частности, отрицание массовой работы библиотек. Так, В. В. Звездин считал, что «библиотека должна держать курс на обслуживание одиночек», а массовая работа может быть в библиотеке лишь как исключение, а не как правило [283, с. 52].

Другое направление характеризовалось ограниченным пониманием принципа индивидуального подхода. Так, Б. О. Борович, Я. Е. Киперман, Е. Н. Медынский считали, что индивидуальное руководство чтением требуется только для читателей с низким уровнем подготовки, что подготовленные читатели в нем не нуждаются. Возражая, Ф. Э. Доблер указывала, что необходимо руководить чтением и подготовленного читателя, который ищет книги на определенную тему и для которого требуется установить систему в чтении [209, с. 18].

И, наконец, представители третьего направления вообще отрицали принцип индивидуального подхода. Они критиковали его приверженцев, объявляли его буржуазным, доказывали, что советским библиотекам нет нужды заниматься с читателями-одиночками, что их задача – обслуживать социальные группы, производственные коллективы и т. п. Следует отметить, что этой точки зрения придержива-

лась довольно многочисленная группа библиотекосоведов: В. Э. Банк, А. Я. Виленкин, П. И. Гуров, А. Ф. Кухарский, В. А. Невский, Н. Л. Херсонская, А. В. Цикуленко и др. Например, В. А. Невский призывал отказаться от работы с отдельными читателями: «...не слишком ли безнадежна, мещански-узка и утопически-бесплодна вся эта кропотливая „индивидуализация“ библиотечной работы, о которой написано столько слов большими и малыми народолюбцами рубакинского типа? Нам кажется, что настала уже пора решительно отмахнуться от этой ремесленно-ювелирной возни с отдельным читателем» [297, с. 18].

Такое резко отрицательное отношение к индивидуальному подходу в руководстве чтением вызвало на практике увлечение массовыми формами работы, пренебрежение к запросам и интересам отдельных читателей, противопоставление массовой и индивидуальной работы. Для многих библиотекосоведов тех лет термин «активная политико-просветительная работа» стал синонимом термина «массовая работа». Индивидуальная работа с читателями или вообще отрицалась, или считалась подсобной по отношению к массовой.

Подобную точку зрения развивал, например, Я. Е. Киперман, который указывал, что «активность библиотеки мы понимаем как активность идеологическую, педагогическую, но отнюдь не формальную. В этом смысле она должна быть вполне созвучна коллективистическим тенденциям советской общественности. Интересами коллектива определяется ее работа». Однако из этих совершенно правильных положений он делал односторонний вывод: «основной метод осуществления этой работы есть метод массовый, как наиболее эффективный, как метод по природе своей коллективистический» [245, с. 53–54].

Однако эта точка зрения, хотя и имела широкое хождение, подвергалась критике, особенно в развернувшейся дискуссии о библиотечных кампаниях. Наиболее обоснованную критику кампаний дала Н. К. Крупская. Она подчеркивала, что «нагромождение кампаний, нагромождение задач превращают политпросветработу в своеобразный китайский рисунок – рисунок без перспективы» [88, с. 289], и призывала заниматься ею систематически, а не от праздника к празднику, от кампании к кампании. Н. К. Крупская отмечала, что нужна повседневная планомерная пропагандистская и организаторская работа.

Критику библиотечных кампаний мы находим в работах Б. В. Банка, П. И. Гурова, Ф. Э. Доблера, М. А. Смушковой, И. М. Цареградского и др. Все они довольно единодушно заявляли, что речь должна идти не об одновременных кампаниях, а о серьезной, длительной и углубленной работе с читателями.

Вместе с тем многие не отрицали кампаний вообще как форму пропаганды книги, указывая только на излишнее увлечение ими. Например, А. Я. Виленкин отмечал, что «в вихре кампанийности мы забыли о том, для кого мы существуем, мы забыли о читателе» [172, с. 51]. Он подчеркивал, что опыт проведения библиотечных кампаний показал чрезвычайно слабое их влияние на развитие библиотечной работы, что кампании противоречат задаче руководства чтением, отвлекают силы и средства библиотек на внешнюю показную работу в ущерб работе углубленной. Признавая недочеты кампаний, он считал, что надо не отказываться от них, а устранять недостатки их проведения. Отказ от кампаний, как он утверждал, равносителен отказу от связи библиотеки с жизнью.

Преувеличенная оценка библиотечных кампаний показывает, как иногда сила традиции не давала возможности сделать правильные выводы даже крупным библиотековедам. Однако совершенно очевидно, что связь библиотеки с жизнью осуществляется не только и не столько через библиотечные кампании, а всем комплексом повседневной работы библиотеки.

Нечеткость определения задач индивидуальной и массовой работы объяснялась также неупорядоченностью терминологии. Если одни понимали под массовой работой влияние библиотеки различными методами на массу читателей, то для других термин «массовая работа» был синонимом термина «массовые мероприятия». Такое толкование массовой работы Н. К. Крупская называла предрассудком и подчеркивала, что индивидуальная работа может быть массовой, т. е. охватывать широкие массы [59, с. 414].

Н. К. Крупская в эти годы обосновала важное методологическое положение о взаимосвязи и взаимообусловленности индивидуальной и массовой работы. Она указывала, что «твердой грани между тем, что такое массовая и что такое углубленная работа – нет <...> Массовая работа должна идти ширь, охватывать все более широкие слои, стремиться к охвату всего населения... Но в то же время массовая работа непрерывно должна идти вглубь. Без этого она не будет достигать своей цели» [54, с. 45].

Ошибки библиотекоедов, одни из которых отрицали принцип индивидуального подхода, а другие, наоборот, абсолютизировали его, объясняются тем, что отдельные стороны библиотечной деятельности рассматривались ими самостоятельно, изолированно друг от друга, т. е. отсутствовал системный анализ библиотечной жизни.

Однако уже в те годы можно обнаружить первые попытки системного подхода к оценке методов руководства чтением. Так, А. В. Котельников правильно подчеркивал, что руководство чтением осуществляется как непосредственно, так и заочно. В первом случае библиотекарь непосредственно соприкасается с отдельными читателями или группами их. Во втором он подготавливает внутри библиотеки условия, которые содействуют выбору книг читателями без непосредственного общения с библиотекарем. Он выделял два вида руководства чтением: индивидуальное и коллективное [260]. Однако на первое место А. В. Котельников ставил коллективное «заочное» руководство, основным методом которого считал открытый доступ к книжным полкам.

Внимание библиотекоедов было направлено также на разработку «способов воздействия на читателя», т. е. методов руководства чтением. Многие справедливо указывали, что надо установить «определенное взаимодействие и последовательность применения этих способов воздействия, которые в зависимости от уровня развития, социального происхождения, жизненного опыта и прочих особенностей читателя будут различны» [293, с. 45].

Важное значение в руководстве чтением имела выдвинутая и обоснованная А. А. Покровским так называемая «теория мостиков». Суть индивидуального руководства чтением он видел в том, чтобы «повышать» вкусы и запросы читателя, стараться, чтобы он переходил от чтения пустого, легкого – к серьезному, от беллетристики – к научным книгам: но и здесь нужно действовать очень осторожно,

применять систему „ступенек“, „мостиков“, „переходов“ [322, с. 40]. Вместе с тем он считал возможным для «приманки» читателя использовать на первых порах низкопробную и малохудожественную литературу.

Это последнее обстоятельство привело к отрицательной оценке «теории мостиков». Однако идея А. А. Покровского переходить в руководстве чтением от более простой литературы к более сложной, от художественных произведений к научно-популярным и т. д., т. е. устанавливать своеобразные «ступени», «переходы» в чтении, является весьма плодотворной и широко используется в наши дни.

Разработка принципа дифференцированного подхода в 20-е гг. имела важное практическое значение. Она позволяла сосредоточить внимание на руководстве чтением тех групп (рабочих, крестьян, красноармейцев), воспитательная работа среди которых имела наибольшее значение. Как этот принцип, так и вытекающие из него частные положения (о формировании читательских групп, их дифференцированном обслуживании, изучении их интересов и др.) прочно вошли в советское библиотековедение.

В рассматриваемый период были созданы определенные положительные шаги в разработке принципа индивидуального подхода, но отрицательное отношение к этому принципу значительной части теоретиков и практиков тормозило его полное и всестороннее обоснование.

Организационные принципы советского библиотечного дела

Для развития организационных принципов советского библиотечного дела первостепенное значение имели такие программные положения, как ведущая роль Коммунистической партии и Советского государства в строительстве социализма, участие народных масс в управлении страной. Советские библиотековеды опирались на ленинскую программу строительства системы библиотечного обслуживания населения, в основе которой лежат принципы общедоступности библиотек, централизации и планомерной организации библиотечной сети, привлечения к участию в библиотечном строительстве самого населения.

Н. К. Крупская обосновала принципиально важное положение о том, что применение ленинских принципов организации библиотечного дела является всеобщим, имеющим основополагающее значение не только для решения частных вопросов библиотечного дела, но и для советского библиотековедения в целом.

Особое внимание Н. К. Крупская уделяла ленинскому принципу централизации. Она выделила основные направления его реализации в советском библиотечном строительстве: государственное руководство библиотечным делом, организация единой библиотечной сети на основе координации и кооперирования, построение централизованных систем библиотек. При этом она подчеркивала, что в централизацию входят не только сугубо организационные проблемы, но и вопросы содержания работы библиотек. Н. К. Крупская не раз говорила, что организационные принципы библиотечного дела имеют не только техническое, но и политическое значение: «Идет вопрос о целесообразном построении „кровеносной“ системы. Но какая же именно „кровь“ будет вливаться в эту систему? Политико-просветительный отдел Наркомпроса хочет влить в эту систему коммунистическую кровь» [58, с. 57].

Принцип централизации лег в основу руководства политико-просветительной работой в стране, в том числе и библиотечным делом. Так, Второе совещание заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования (1919 г.) указало, что «библиотечная политика губернских отделов народного образования должна быть строго согласована с политикой центральных правительственных библиотечных органов» [338, с. 94], т. е. решительно выступило против местничества.

В противоположность этой установке эсеровские, меньшевистские и другие антисоветские элементы, проникавшие в учреждения культуры, выступили с лозунгом «автономии» культурно-просветительных учреждений. Они заявляли, что Советское правительство не имеет права вмешиваться в их деятельность, требовали передать всю культурно-просветительную работу частным просветительным организациям.

Лозунг «автономии» поддерживался в эти годы и некоторыми работниками академических библиотек, стоящими на позициях буржуазного объективизма. Они требовали независимости академических библиотек от политики, даже высшую школу стремились поставить вне влияния Советского государства.

Острая борьба за утверждение принципа централизованного руководства библиотеками развернулась также в связи с навязанной партии дискуссией о профсоюзах. Правооппортунистические элементы, засевшие в профсоюзах, хотели обособить профсоюзную сеть библиотек, изолировать ее от общей сети, вывести из-под влияния Главполитпросвета, что, в конечном счете, означало стремление изолировать библиотечную работу профсоюзов от руководства Коммунистической партии.

Коммунистическая партия, борясь с правооппортунистическим уклоном в профсоюзах, большое внимание уделяла и перестройке их культработы. Н. К. Крупская отмечала ошибочность и вредность утверждений о том, что «правильная классовая линия» заключается в максимальной обособленности профсоюзных библиотек и призывала эти библиотеки к совместной работе с политпросветскими [87].

Особое внимание Н. К. Крупская уделяла проблемам централизованного построения единой сети библиотек. При этом она руководствовалась указаниями В. И. Ленина: «соединить библиотеки России воедино <...> чтобы грамотного напоить и безграмотного научить», бороться «со смешными ведомственными спорами», «использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции» [7, с. 332]. Сознывая всю сложность организации библиотечного обслуживания населения страны, В. И. Ленин подчеркивал: «Над созданием действительно *единой* библиотечной *сети* придется еще очень и очень много и упорно поработать» [12, с. 328].

Ленинские идеи построения единой библиотечной сети нашли законодательное закрепление в декрете «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (1920 г.) [19], проект которого был составлен Н. К. Крупской. Она писала, что «нигде,

кажется, не существует такого параллелизма, как в области библиотечного дела. Пора уже выйти из периода кустарщины и организовать планомерное обслуживание населения книгой» [37, с. 18]. Для осуществления этой задачи Н. К. Крупская выдвигала идею координации работы библиотек, подчеркивала ее политическое значение: «Не уметь скоординироваться – значит вообще не уметь работать. Этот индивидуализм, заставляющий одну организацию относиться презрительно к работе другой организации, действующей в том же направлении, проводящей те же принципы, является худшим наследием капиталистического строя, и если не уметь преодолеть этого, то смешно говорить о коммунизме!» [39, с. 30]. Она считала, что «путь договорного кооперирования» – единственный путь построения единой библиотечной сети [25, с. 360].

Положение Н. К. Крупской о кооперировании имело большое теоретическое и практическое значение. В те годы существовало мнение, что единственным путем создания единой сети является объединение библиотек в рамках одного ведомства. Например, П. И. Гуров считал, что только такое решение позволит добиться единства сети. С этих позиций он, в частности, критиковал А. А. Покровского, который, по его мнению, поддался «рассуждениям от ведомственного патриотизма» [200, с. 20].

А. А. Покровский, отвечая на критические замечания П. И. Гурова, писал: «Я лично так же решительно, как и П. Гуров, стоял бы за „ленинский план“ в библиотечном деле – за централизацию всего библиотечного дела в стране» [325, с. 27], т. е. за объединение сети библиотек разных ведомств. Однако такую задачу А. А. Покровский считал практически неосуществимой и признавал возможной лишь координацию работы библиотек разных ведомств.

Если Н. К. Крупская рассматривала координацию и кооперирование деятельности библиотек разных ведомств как единственно правильный путь создания единой библиотечной сети, то А. А. Покровский считал этот путь лишь уступкой принципу единой сети.

В первые годы Советской власти активно разрабатывалась идея централизации библиотечной сети. Н. К. Крупская в статье «Централизация библиотечного дела» определила общие принципы построения библиотечной сети, среди которых важное теоретическое значение имели положения о построении единой сети библиотек, ее равномерном размещении, об открытии филиалов, создании центральных библиотек, осуществляющих методическое руководство сетью, о централизации книгоснабжения библиотек [86].

Проблемы централизации библиотечной сети были предметом обсуждения Первой библиотечной сессии Наркомпроса (1919 г.). На сессии был предложен проект, по которому в губернских центрах должны были создаваться центральные библиотеки, а на всей территории губернии филиальные отделения [312].

В. Я. Брюсов решительно выступил против такого проекта, считая его не критическим заимствованием зарубежного опыта, и предложил при организации библиотечной сети исходить, прежде всего, из условий, характерных для нашей страны. Его проект предусматривал не только создание центральных, но и укрепление местных (городских, уездных) библиотек с сетью филиалов и передвижек [93, с. 96].

Разработанные сессией «Общие положения о постановке библиотечного дела в РСФСР» предусматривали организацию центральных губернских, уездных и городских библиотек и их филиальных отделений [312].

Таким образом, уже в первые годы Советской власти были заложены теоретические основы разработки ленинского принципа централизации библиотечного дела, в том числе и построения централизованных библиотечных систем.

Большое внимание уделялось также принципу общедоступности библиотек. Его разрабатывали как русские, так и зарубежные специалисты развитых капиталистических стран, особенно США. Не случайно, В. И. Ленин еще в 1913 г. в статье «Что можно сделать для народного образования», сравнивая положение библиотечного дела в царской России и в США, указывал на общедоступность как на основное условие осуществления демократизации библиотечного дела [2].

Библиотекovedы либерально-буржуазного направления рассматривали общедоступность как сумму организационных мероприятий, облегчающих населению пользование библиотеками. В отличие от такого утилитарного подхода советские библиотекovedы, опираясь на ленинскую оценку этого принципа, выдвинули новое понимание общедоступности, основанное на выводе о его классовом, партийном содержании.

В. И. Ленин показал, что подлинное, полное осуществление принципа общедоступности возможно лишь в условиях социалистических преобразований. Характеризуя условия, обеспечивающие подлинную общедоступность советских библиотек, он раскрыл социальное значение этого принципа: «Надо добиваться и добиваться того, чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром только по библиотекам и читальням, по сети их, правильно обслуживающей всю страну, всю массу рабочих, солдат, крестьян. Тогда народ во сто раз сильнее, быстрее, успешнее потянется к грамоте, к свету, к знанию. Тогда дело просвещения двинется вперед семимильными шагами» [12, с. 330]. Таким образом были определены пути осуществления принципа общедоступности: бесплатное пользование библиотеками, планомерная организация библиотечной сети, приближение книги и библиотеки к населению. Записка В. И. Ленина «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде» положила начало борьбе за полную демократизацию научных библиотек, за превращение их из замкнутых академических учреждений в общедоступные библиотеки [3].

Исходя из этих ленинских указаний, Первый съезд по внешкольному образованию (1919 г.) определил общедоступность культурных учреждений как неотъемлемое право каждого гражданина свободно пользоваться услугами этих учреждений соответственно своим культурным потребностям и запросам [330, с. 11]. Осуществление этого принципа стало возможным лишь в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Так, А. А. Покровский почти сразу после революции писал, что до последнего времени книга была в руках господствующих классов: «Теперь новая бесплатная всенародная библиотека отдает книгу в руки рабочих классов, в руки всего населения» [321, с. 1].

Был разоблачен миф буржуазного библиотекovedения о якобы полной общедоступности, всенародности библиотеки в капиталистическом обществе. Так, Ф. Э. Доблер, характеризуя «общедоступные» библиотеки США, писала: «Но являе-

тя ли общедоступная библиотека всенародной по существу? Нет, в ней определено преобладает один класс общества, именно тот, на который опирается государство» [208].

Одним из первых условий, обеспечивших подлинную общедоступность библиотек, было установление Советской властью бесплатного пользования ими. Однако библиотековеды, придерживавшиеся буржуазных взглядов, выступили против этой меры Советского правительства, пытались «теоретически» обосновать необходимость брать плату за право пользования библиотеками. Например, Б. О. Борович высказывался следующим образом: «Так воспитан сейчас русский человек в массе своей, что еще не умеет он ценить того, что дается безо всякого труда „задаром“, и всяческого внимания отдает он больше тому, за что уплатил» [152, с. 54].

Возражая таким «теоретиком», Е. Н. Медынский отмечал: «Указания на развращающее влияние „даровщинки“ почему-то относятся только к беднейшему населению – крестьянству, а на интеллигенцию, по-видимому, эта даровщинка развращающе не действует: мы бесплатно пользуемся Публичной библиотекой» [287, с. 28]. Советские теоретики и практики считали недопустимым брать плату за пользование библиотеками, так как от нее «вред для правильного направления библиотечной работы и осуществления классовой линии несравненно значительней, чем ее возможные финансовые результаты» [408а, с. 10].

Второе условие, обеспечивающее реализацию принципа общедоступности, – создание сети библиотек и равномерное размещение их по территории страны. В обращении Главполитпросвета в связи с библиотечным походом подчеркивалось: «Надо добиться, чтобы библиотека не ждала, откуда массовый читатель придет за книгой, надо приблизить библиотечную книгу к массе, надо добиться, чтобы библиотечная книга, что называется, сама лезла в руки» [162, с. 17].

В связи с этим советские библиотековеды придавали большое значение организации передвижных библиотек. Ф. Э. Доблер, выступив в газете «Правда» с предложением об организации широкой сети передвижных библиотек, обосновывала его необходимостью создать наиболее благоприятные условия трудящимся массам для чтения [208]. Известно, что это предложение получило поддержку В. И. Ленина [17, с. 116–120].

Вместе с тем необходимо отметить, что увлечение передвижными формами приводило порой к преувеличенной оценке их роли и значения в общей системе библиотечного обслуживания, к стремлению заменить ими стационарные библиотеки. Оценивая такого рода попытки, В. Я. Брюсов подчеркивал, что для полноценного обслуживания советский читатель нуждается не в передвижных, подобранных по отдельным вопросам, а в постоянных, хорошо скомплектованных, вполне законченных библиотеках [312, с. 187].

Имели место попытки ограничить применение принципа общедоступности и распространять его лишь на отдельные типы и виды библиотек, отдельные категории читателей. Советские библиотековеды решительно отрицали подобный подход. Так Н. К. Крупская считала необходимым сделать научные библиотеки доступными «для возможно более широкого круга научно работающих лиц» [34, с. 277]. Она резко выступала против попыток предназначать партийные библио-

теки только для членов партии, называла такое положение крайне ненормальным, так как оно влечет за собой «сужение числа лиц, которые могут войти в партию» [228, с. 89].

В. Я. Брюсов подчеркивал, что все лица, нуждающиеся в книге, независимо от своего места жительства, должны иметь возможность пользоваться любым из книжных собраний, имеющихся в стране. Благодаря этому «книга приблизится к читателю и станет, действительно, общим достоянием, чем она, по существу, и должна быть» [228, с. 37].

В эти годы развернулась дискуссия о путях осуществления принципа общедоступности в научных библиотеках. На съезде по реформе академических библиотек (1919 г.) раздавались требования закрыть доступ студентам в эти библиотеки. Здесь же высказывалось мнение, что научная библиотека должна обслуживать всех, кому нужна научная книга [318].

Дискуссия об общедоступности научных библиотек велась и на Первой конференции научных библиотек Украины (1925 г.). Если одни подчеркивали, что научные библиотеки универсального профиля должны быть одновременно и общедоступными публичными, а специальные должны обслуживать всех нуждающихся в специальной литературе и не быть замкнутыми библиотеками своих ведомств, то другие выступали против общедоступности научных библиотек. Конференция приняла резолюцию об общедоступности всех научных универсальных и специальных библиотек [146].

Таким образом, в советском библиотековедении принцип общедоступности библиотек наполнился новым содержанием, тесно связанным с классовыми интересами советского общества.

Важнейшее значение для развития теории имела разработка применительно к задачам библиотечного строительства принципа самостоятельности масс в области народного просвещения, провозглашенного Программой РКП (б), принятой VIII съездом партии.

Этот принцип обосновывали, исходя из учения марксизма-ленинизма о роли революционной активности масс. В. И. Ленин, рассматривая проблемы культурной революции, подчеркивал, что «подъем к знанию массы рабочих и крестьян громадный, стремление к образованию и к созданию библиотек могучее, „народное“ в настоящем смысле слова» [12, с. 328]. Одним из важнейших принципов организации библиотечного дела он считал «привлечение к работе *самого населения*» [5, с. 474].

Большая роль в разработке принципа самостоятельности масс принадлежит Н. К. Крупской. Она считала связь с массами важнейшим условием широкого развития библиотечной работы. Обосновывая необходимость теоретической разработки этого принципа, она подчеркивала, что «еще властвует старый, народнический взгляд, что весь вопрос в „обслуживании населения“, а его самостоятельность нечто дослестепенное» [64, с. 272].

Принцип самостоятельности народных масс рассматривался в единстве с принципом руководящей роли партии и государства в библиотечном деле. В. И. Ленин указывал, что объединение всей политико-просветительной работы в стране возможно только на основе «сохранения, укрепления и расширения <...> руководяще-

го, направляющего и главенствующего положения» партии по отношению «ко всем без изъятия» областям культурно-просветительной работы [9, с. 397].

Однако в принципе партийности некоторые внешкольные деятели буржуазно-либерального толка усматривали угрозу развитию «общественной инициативы». Они утверждали, что после Великой Октябрьской социалистической революции население было отстранено от участия в разрешении общественных дел, что господство рабочих и беднейших крестьян противоречит самостоятельности всего населения.

Разоблачая эти клеветнические утверждения, советские библиотековеды подчеркивали, что принцип самостоятельности масс отражает социалистическую специфику библиотечного дела. В нашей стране библиотеки должны быть тесно связаны с массами, а массы, в свою очередь, должны быть широко связаны с библиотеками. Так, А. А. Покровский считал, что одной из отличительных черт советской библиотеки является ее демократичность и подчеркивал, что задача библиотеки – «народу служить, народу принадлежать, народом управляться» [323, с. 8].

Одной из конкретных форм участия трудящихся в общественной жизни страны считалось привлечение населения к работе библиотек. В организации актива видели не только средство помощи библиотеке со стороны читателей, но и прежде всего один из конкретных путей решения важной социальной задачи – формирования новых общественных отношений. Н. К. Крупская подчеркивала, что организация актива не является самоцелью: «Актив надо организовать для того, чтобы, опираясь на него, организовать возможно более широкие массы трудящихся» [63, с. 374].

Итогом изучения ленинских принципов организации библиотечного дела явилось раскрытие их теоретического богатства, путей реализации, значения для решения многих конкретных вопросов библиотечной практики: централизации библиотечной сети, планирования библиотечного обслуживания населения, унификации форм и методов библиотечной работы, организации деятельности актива библиотек и т. д.

Рассмотрение связей библиотековедения с другими науками

В 20-х гг. довольно широко обсуждался вопрос о взаимосвязях библиотековедения и других научных дисциплин. Это серьезная и принципиальная проблема: любая наука имеет право на самостоятельное существование, если использует данные и методы других наук и, в свою очередь, располагает такими данными и методами, которые могут быть применены другими науками. И. В. Владиславлев считал, что «библиотековедческая наука, как и всякая другая, не есть, если не мыслить метафизически, отрубленное, законченное в своей данности целое. Она перекрещивается, она переплетается с разными другими дисциплинами, органически в нее входящими, с ней неразрывными» [398, с. 34].

Попытки установления взаимосвязей библиотековедения с другими науками явились по существу первым шагом на пути определения его как самостоятельной научной дисциплины. При этом особое внимание уделялось рассмотрению связей библиотековедения с социологией, педагогикой, психологией и библиографией.

Путь обоснования связей библиотековедения и социологии идет от работ ряда книговедов и библиографов (Б. М. Городецкого, М. Н. Куфаева, А. М. Ловягина и др.),

которые рассматривали библиологию как отрасль социологии. Например, М. Н. Куфаев предлагал выделить в составе книговедения отдельную научную дисциплину – библиосоциологию, в которой «библиотека – как социальный факт найдет свое объяснение, как всякий исторический факт должен быть объяснен законами социологии» [286, с. 28].

Исходя из определения библиотеки как социального учреждения, многие исследователи выдвигали требование пересмотреть с этой точки зрения основы библиотекведения. Например, Д. А. Балика полагал, что библиотекведческие выводы могут иметь действительно научный характер лишь тогда, когда будут опираться на философию, психологию и социологию. Одной из теоретических основ библиотекведения он считал социологию [116].

Вместе с тем библиотекведы стремились показать и значение библиотекведческих исследований для развития социологии. Д. А. Балика, Ю. А. Меженко, Я. В. Ривлин и др. говорили о библиотечном или «библио-социологическом» изучении читателей как важной отрасли конкретно-социологических исследований, дающих возможность узнать духовную жизнь человека и общества, духовные запросы и интересы советских людей.

Важным теоретическим положением был вывод о необходимости изучения интересов определенных социальных групп. Так, Д. А. Балика считал наиболее целесообразным разделить читателей на более или менее устойчивые группы, обусловленные «социально-классовым» и «производственно-техническим расслоением» читателей. Индивидуальный читатель должен изучаться «на фоне свойств той группы, к которой он относится». Д. А. Балика писал: «Индивидуальные отличия выступают значительно ярче, руководство же чтением, наоборот, – облегчается, раз известны особенности групповые». Такое изучение читателей он называл «библио-социологическим» или «социально-техническим», понимая под последним изучение читателей в связи с местом той или иной группы в обществе и на производстве [120, с. 105].

В 20-е гг. довольно широко развитие получили конкретносоциологические исследования читательских интересов с целью изучения духовных запросов советских людей и более полного их удовлетворения. Значение этих исследований возрастало по мере расширения их сферы: от изучения интересов отдельных посетителей библиотек до нечитающих в них слоев населения.

Некоторые книговеды и библиотекведы (Н. М. Лисовский, Ю. А. Меженко, В. А. Штейн и др.) подчеркивали, что важную роль для социологии играет статистическое изучение деятельности библиотек. Рассматривая библиотечную статистику как один из подвидов статистики культуры, они указывали, что она дает ценный материал для изучения духовной жизни общества. По словам Ю. А. Меженко, «статистика духовной культуры должна быть ничем иным, как статистикой книг».

Среди различных «фазисов существования книги» Ю. А. Меженко особо выделял ее «библиотечный фазис», так как он дает наиболее ценный и надежный материал об отношении к ней читателя, который можно подвергнуть подсчету, чего нельзя сделать в фазисах издательском и книготорговом. Поэтому Ю. А. Меженко считал, что единственным видом статистики психической стороны жизни человека является библиотечная статистика [254а].

В этих рассуждениях содержится, без сомнения, немалая доля преувеличения. Понятно, что чтение литературы в библиотеках не является единственным источником оценки духовной жизни человека и общества. Очевидно также, что статистическому учету, анализу и оценке должны и могут подвергаться и другие факторы, характеризующие духовные запросы и интересы советских людей. Однако основная мысль о значении библиотечных показателей для конкретно-социологических исследований, высказанная Ю. А. Меженко, была правильной.

В результате рассмотрения связей библиотековедения и социологии было показано, с одной стороны, влияние социологии и ее методов на разработку проблем теории и практики библиотечного дела, с другой, использование данных библиотечных исследований для теоретических и практических выводов социологии.

Как уже было сказано выше, в 20-х гг. исследователи занимались обоснованием правомерности существования специальной научной дисциплины, находящейся на стыке библиотековедения и педагогики – библиотечной педагогики. Определяя эту научную дисциплину, Н. М. Сомов писал: «Библиотечная педагогика излагает методы культурно-просветительной работы библиотеки и определяет роль в этом отношении самого библиотекаря, который вместо пассивного механического подателя книг должен быть активным руководителем чтения» [381, с. 12].

На этой точке зрения стояли многие советские библиотековеды, в том числе Д. А. Балика, В. В. Звездин, Я. Е. Киперман, Я. В. Ривлин, Е. И. Хлебцевич. Их позиция получила настолько широкое распространение, что на книжно-библиотечном факультете Ленинградского политико-просветительного института им. Н. К. Крупской была организована специальная кафедра библиотечной педагогики.

Советские исследователи считали, что библиотека имеет самостоятельную педагогическую функцию и что этой функцией является руководство чтением. Так, Д. А. Балика, много сделавший для разработки библиотечной педагогики, называл работу библиотеки с читателем «социально-педагогической». Под этим термином он понимал воспитание читателя путем рекомендации лучших книг, помощь в усвоении и использовании прочитанного [120]. В то же время подчеркивалось, что работа библиотеки не просто педагогическая, а сочетается с политико-просветительными задачами. Так, Е. И. Хлебцевич отмечал, что руководство чтением является «педагогическим и политико-просветительным процессом» [398, с. 216].

Отнесение руководства чтением к таким важным функциям, как политико-просветительная и педагогическая, было весьма плодотворным. Этот взгляд способствовал установлению тесной связи библиотековедения с педагогикой и в то же время признанию библиотеки самостоятельным воспитательным учреждением. Он позволял не только опираться на принципы и методы советской педагогики, но и создавать специальную педагогику библиотечной работы в рамках единой науки – библиотековедения.

20-е гг. характеризуются разработкой библиотечной психологии, определением ее места в системе психологических и библиотечных дисциплин. Этими вопросами занимались, с одной стороны, психологи – А. А. Гайворонский, А. П. Нечаев, Я. М. Шафир, с другой, библиотековеды – Д. А. Балика, П. И. Гуров, В. А. Невский, А. А. Покровский, Я. В. Ривлин, М. А. Смушкова, Л. Б. Хавкина и др.

Однако взаимосвязи этих наук разрабатывались еще весьма слабо. Более того, предпринимались попытки их противопоставления. Психологи полагали, что изучать проблемы библиотечной психологии могут только они, так как вооружены обширными теоретическими знаниями в своей области. Библиотековеды же считали разработку психологических проблем библиотечной работы неотъемлемой частью своей науки. Они критиковали психологов за отрыв от нужд библиотечной практики, за углубление в «дебри психологизма» вместо того, чтобы давать конкретные рекомендации библиотечной практике. Подчеркивая известную изолированность этих точек зрения, А. А. Покровский писал, что изучение психологии читателя должно быть поставлено не только силами специалистов-психологов, что здесь необходимо сотрудничество науки и практики, соучастие психологов и библиотекарей [355, с. 35].

Критика библиопсихологии Н. А. Рубакина сопровождалась попытками марксистского определения методологических основ библиотечной психологии. Главную ее задачу видели в обосновании «марксистского читателеведения» [136, с. 8]. Так, Я. М. Шафир сделал важный теоретический вывод о том, что «изучение читательства есть, прежде всего, проблема социальной психологии», так как интересы людей прежде всего интересы классовые, групповые и обусловлены комплексом общественных условий [472, с. 69]. Основанием для такого вывода являлось положение о необходимости рассматривать чтение, прежде всего, как социальное явление, говорить о нем как о социальной функции.

Д. А. Балика, П. И. Гуров, В. А. Невский, Н. Я. Фридьева и др. подчеркивали, что задача библиотечной психологии не сводится к изучению интересов читателей, что сфера ее значительно шире. Вся система библиотечной работы – привлечение читателей, пропаганда книги, руководство чтением и т. п. – опирается на психологию.

Наиболее развернутую характеристику библиотечной психологии дал в эти годы А. А. Гайворонский, который выделял в ней разделы психологии читателей, чтения, книги, техники библиотечного дела, библиотечного работника, библиотечного воздействия, подчеркивая их взаимосвязь.

Таким образом, А. А. Гайворонский впервые в наиболее развернутом виде представил структуру библиотечной психологии как научной дисциплины. Вместе с тем, находясь под влиянием библиопсихологии Н. А. Рубакина, он давал расширительное толкование библиотечной психологии, наделял ее целями и задачами других разделов психологической науки. Так, он считал, что целью библиотечной психологии является всестороннее изучение личности читателя: его одаренности, эмоциональной и волевой сферы, различных типов характера и темперамента и т. д. [180].

Одним из направлений библиотечной психологии было психотехническое изучение читателя, которое разрабатывал в основном В. А. Невский. При изучении читателя главное внимание должно быть обращено, по мысли В. А. Невского, на изучение вопросов, связанных с его профессией: к какой работе стремится, для какой деятельности наиболее подходит, не имеет ли смысла переменить профессию и т. п. [298]. В данном случае цель библиотечной психологии – изучение человека как читателя – подменялась психологическим изучением его личности. В результате задача этой дисциплины отождествлялась с задачами психологии в целом, а

библиотековедению навязывалась несвойственная ему функция определения профессиональной пригодности читателей.

В целом библиотечная психология как научная дисциплина не имела еще в 20-е гг. точных границ. Можно согласиться с выводом, сделанным Я. В. Ривлиным: «В теории по этому вопросу полный разброд. Кто тащит в психологию, кто в рефлексологию, кто в биологию, кто в психотехнику, а большинство руководствуется здравым смыслом и житейским чутьем» [345, с. 29].

«Здравый смысл» позволил выявить существенный недостаток психологических исследований тех лет – слабую связь с практикой. Д. А. Балака совершенно справедливо отмечал, что преобладает «увлечение психологией, теоретизирование, работа на психологию вместо того, чтобы психологию „потреблять“ для библиотечного дела» [116, с. 33].

Многие советские библиотековеды и библиографы (В. Э. Банк, Е. К. Бетгер, М. Н. Куфаев, И. Б. Симановский, Е. И. Шамурин и др.) рассматривали библиотековедение и библиографию как самостоятельные, но тесно переплетенные и взаимопроницающие научные дисциплины, характеризующиеся общностью происхождения и развития, наличием общих теоретических проблем.

Большое значение для разработки проблемы взаимосвязи библиотековедения и библиографии имел Второй Всероссийский библиографический съезд (1926 г.), на котором были предприняты попытки обосновать место библиографии в системе наук. При этом указывалось на взаимосвязи библиографии с книговедением, библиотековедением, археографией, палеографией и другими науками. Так, Н. Ю. Ульянинский отмечал, что все упомянутые дисциплины связаны с библиографией, равно как и библиография связана с каждой из них. Он подчеркивал, что библиография является вспомогательной наукой по отношению к библиотековедению, а библиотековедение, в свою очередь, вспомогательной по отношению к библиографии [398, с. 19].

Вместе с тем имела своих приверженцев и иная позиция. Библиография рассматривалась как научная дисциплина, не связанная с библиотечным делом; включение библиографии в библиотечную работу считалось навязыванием библиотеке несвойственных ей функций. Возражая против подобных утверждений, Н. К. Крупская указывала, что «библиография у нас в Советской Республике должна быть коренным, органическим образом связана с библиотечным делом» [109, с. 31].

Попытки изолировать библиографию от библиотековедения мешали четкому определению их места в системе наук и, по существу, тормозили развитие как той, так и другой научной дисциплины.

Первые шаги в обосновании связей библиотековедения с рядом смежных наук и практическими проблемами библиотечного дела имели положительное значение для развития библиотечной теории в целом.

Разработка методов изучения читателей и библиотечной практики

Формирование основных принципов советского библиотековедения, стремление определить его предмет и объект закономерно обострили интерес к разработке системы методов библиотечных исследований. Первая попытка рассмотреть эту систему принадлежала Л. Б. Хавкиной.

В библиотекведении, как считала Л. Б. Хавкина, следует применять разнообразно разнообразные методы в зависимости от проблем, которые изучаются. Она подчеркивала, что один метод должен контролироваться и дополняться другим. Особое внимание Л. Б. Хавкина, обращала на экспериментально-лабораторный, статистический, психотехнический, сравнительный методы [401, с. 32].

К сожалению, Л. Б. Хавкина ограничилась в основном перечислением методов, не дав большинству из них оценки и характеристики. Ею широко пропагандировались лишь статистический и сравнительный методы, которые она активно использовала в своих работах. В одном ряду с действительно научными методами Л. Б. Хавкина называла и такие, которые не могли быть методами исследования проблем библиотечной практики (лекционный, выставочно-музейный).

Отсутствие единого взгляда на предмет и объект библиотекведения как науки приводило к тому, что, разрабатывая методику библиотекведческих исследований, разные авторы выдвигали различные методы, зачастую признавая приоритет за каким-нибудь одним из них.

Например, И. Б. Симановский, исходя из концепции, что предметом библиотекведения являются «все виды работы с книгой, над книгой и посредством книг», считал основным его методом библиографический [142, с. 40]. М. Н. Куфаев полагал, что к изучению проблем как книговедения в целом, так и отдельных научных дисциплин, входящих в него, и конструируемых по типу истории, применимы только исторический и статистический методы. Он писал, что «несводимый к истории в дисциплинах книговедения материал – современное издательское, типографское, библиотечное дело – всегда сомнительный для научных выводов» [268, с. 26]. Таким образом, М. Н. Куфаев сводил изучение библиотечного дела к историческому методу, а статистический предлагал использовать только для исторических сравнений и аналогий.

Безусловно нельзя отрицать важного значения исторического метода для исследования проблем библиотекведения. Но этот метод не может быть единственным. Отрицание М. Н. Куфаевым возможности научного обобщения современной библиотечной практики или хотя бы сомнения в вероятности такого обобщения, было ошибкой.

Важное значение в этот период придавалось статистическому методу. Большое внимание ему, как уже отмечалось, уделяла Л. Б. Хавкина. Она призывала широко использовать данные библиотечной статистики, не ограничиваться лишь приведением цифр, а и пояснять их; с большой осторожностью относиться к тем скороспелым выводам, которые делаются на основании несовершенных, неполных и малочисленных статистических данных. Чтобы избежать искажения действительности и ошибочных заключений, она советовала проводить массовые наблюдения, в результате которых устраняются случайности [431, с. 140].

Д. А. Балака также подчеркивал значение математических и статистических методов в библиотекведческих исследованиях, необходимость обоснования в библиотекведении «определенных законов и определенных положений, построенных чисто математически». Он ставил задачу создать «строго математическую теорию библиотечного дела». Тогда, по его мнению, «возражения все, сводящиеся в

конечном счете к отрицанию библиотековедения как науки, удастся легко разбить» [117, с. 17].

Основательно разрабатывал статистический метод В. А. Штейн. Давая общую оценку этому методу, он указывал, что «статистическое осмысливание становится для нашего библиотечного дела, выросшего за последнее время до состояния крупнейшего фактора культурной жизни, совершенно необходимым. Статистическое изучение и обобщение блуждающего в потемках кустарничества библиотечного дела много может помочь ему выйти на широкую дорогу научно обоснованного строительства. Роль библиотечной статистики в этой исследовательской работе не может быть самодовлеющей, как думают одни, ею чрезмерно увлекающиеся, но она не должна также впадать и то жалкое, на „кустарничество“ покоящееся существование, в котором она находилась и находится до сих пор» [477, с. 83].

Важнейшей задачей библиотековедения было исследование библиотечной практики. В рассматриваемый период предпринимаются первые попытки разработки методов изучения опыта библиотек. На важность этого направления библиотековедческих исследований неоднократно указывала Н. К. Крупская. Обращая внимание библиотековедов на необходимость глубокого исследования библиотечной практики, в качестве важнейших элементов этого исследования она называла непосредственное наблюдение и статистический анализ: «...личные наблюдения имеют и всегда будут иметь громадную ценность, но надо подвести под них... научную базу, установить определенный „стандарт“ изучения. Личные наблюдения будут придавать лишь определенную красочность объективно, статистически установленным данным» [89, с. 41].

Библиотековеды придавали методу непосредственного наблюдения решающее значение. Так, В. А. Невский выступал против попыток утверждать, что непосредственное наблюдение – ненаучный метод. Он указывал, что в изучении библиотечной практики необходимо стремиться не только к тому, чтобы использовать непосредственный опыт повседневных наблюдений, но и к тому, чтобы поставить специальные наблюдения в целях получения тех или иных фактов для проверки тех или иных положений [303, с. 9].

Выдвигался также метод самонаблюдения библиотекарей за своей работой. При этом некоторые авторы явно преувеличивали его значение, указывая, что «лучшим способом нужно считать тот, который не требует специальных мероприятий для своего осуществления, а основывается на учете фактов, объективно фиксируемых техникой текущей работы библиотеки» [252, с. 7].

Ряд исследователей весьма осторожно относились к применению самонаблюдения. Так, В. А. Невский указывал, что сами библиотекари, ссылаясь на свой опыт, склонны переоценивать его или интерпретировать «в желанном для себя смысле». Поэтому лучшим методом изучения библиотечной практики он считал всестороннее обследование библиотечной работы, проведенное целым коллективом и до известной степени «со стороны [300, с. 16].

К 20-м гг. относятся и первые попытки обосновать роль эксперимента как научного метода в исследовании библиотечной практики. Этим занимались Д. А. Балика, Б. В. Банк, В. А. Невский, Н. И. Сагарда и др. Уже в самые первые годы Советской власти раздавались призывы к «экспериментальному библиотековедению». Так,

Д. А. Балаки указывал, что для развития библиотековедения как науки нужна работа не одного, а десятков исследователей, работа «в особых лабораториях экспериментального библиотековедения» [147, с. 29]. Анализируя характер тех дисциплин, которые составляют библиотековедение, Н. И. Сагарда пришел к выводу, что оно по сути своих проблем и по задачам является синтезом «экспериментальных дисциплин» и потому немислимо без экспериментальных методов [147, с. 30].

Были предприняты также первые попытки разработки методов анализа библиотечной практики, оценки эффективности библиотечной работы. Эту задачу выдвинула перед советским библиотековедением Н. К. Крупская: «Надо создать не только достаточное количество правильно функционирующих библиотек, но библиотек соответствующего качественного состава. Эта задача не менее важная, хотя и менее поддающаяся учету, чем сторона количественная. Тут надо еще установить признаки того, что такое хорошая библиотека такого-то или такого-то типа. Эти признаки важно точно зафиксировать, так как они определяют ясно цель, к которой надо стремиться в деле качественного повышения библиотеки» [54а, с. 69].

Многие советские исследователи (Б. В. Банк, Р. С. Кибрик, В. А. Невский, А. А. Покровский, М. А. Смушкова, Н. Я. Фридьева, А. Л. Хазанов, И. М. Цареградский и др.) обращали особое внимание на изучение результативности форм и методов деятельности библиотеки, в основе которого должен лежать сравнительный метод. Сравнить было необходимо: одни формы и методы работы с другими; деятельность ряда библиотек; материалы последних результатов изучения работы библиотеки с предыдущими; а также сопоставлять формы и методы библиотечной работы с ее результатами.

Наряду с вопросами сравнительного анализа форм и методов деятельности библиотек ставилась проблема углубленного изучения отдельных методов руководства чтением и пропаганды книги. Б. В. Банк, характеризуя типичное для того периода положение в советском библиотековедении, когда выводы часто делались лишь на основе теоретических рассуждений, без анализа фактов, отмечал, что это положение относится и к оценке работы библиотек.

В целях изучения эффективности библиотечной работы он рекомендовал, исходя из тезиса, что главным является анализ взаимоотношений библиотеки и читателя, использовать анкеты, отчеты и дневники библиотекарей и читателей, устный опрос (индивидуальный и групповой) как библиотекарей, так и читателей, систематическое наблюдение за работой библиотек и проведение в них экспериментов [121]. Н. Я. Фридьева предложила и использовала метод изучения эффективности отдельных форм работы библиотеки на основе учета спроса читателей [424].

В специальной литературе подчеркивалась также необходимость применения методов экономического анализа деятельности библиотеки. На большое значение этого метода указывали А. Я. Виленкин, Р. С. Кибрик, А. Ф. Кухарский, В. А. Невский и др. Вместе с тем они считали, что недостаточно использовать только количественные методы, и призывали к качественному анализу работы библиотеки. Однако в эти годы еще не были выработаны критерии качественной оценки библиотечной работы.

Предпринимались и первые попытки изучения библиотечной профессии. Так, для исследования литературных представлений библиотекарей Б. В. Банком был

предложен метод «письменного избирательного теста» [125]. В этих целях использовались также в сочетании метод экспертных оценок и биографический метод [439], «трудовой метод» и хронометраж [204].

Наряду с методами исследования библиотечной практики и библиотечной профессии активно разрабатывались методы изучения читателей. Этими проблемами занимались многие библиотековеды и, в частности, Д. А. Балика, Б. В. Банк, В. А. Невский, Я. В. Ривлин, М. А. Смушкова, Н. Я. Фридьева, Е. И. Хлебцевич. В своих исследованиях они частично использовали опыт, накопленный в дореволюционной России, когда были разработаны и применены на практике многие методы изучения читателей. В 20-х гг. велась активная работа как по использованию этих методов в советских условиях, так и по разработке новых.

Попытку классификации методов изучения читателей предпринял Д. А. Балика, который выделял четыре направления: публицистическое, психологическое, библиопсихологическое, педагогическое (изучение читательских интересов) [118, с. 11]. Касаясь библиопсихологии, он писал, что ее идеалистическая сущность не должна означать отказа от использования в советском библиотековедении ее методов. Он справедливо отмечал, что необходимо не огульное осуждение, а исследование этих методов и полагал, что «при всей своей парадоксальности и идеалистически-махистском уклоне, библиопсихология обладает ценными в *техническом отношении* способами изучать читателя» [112, с. 63]. Е. И. Хлебцевич считал необходимым комбинирование методов: библиотечно-статистического, систематических наблюдений, отзывов читателей, тестов, характеристик, естественного эксперимента, устного и письменного опроса [438].

Характерным для данного периода был критический анализ отдельных методов изучения читателей. В частности, споры вызывал анкетный метод. Некоторые вообще отвергали анкету как метод изучения. Другие же, не исключая этого метода, призывали к более осторожному его применению, искали пути преодоления субъективизма анкетного опроса. Н. К. Крупская в эти годы предостерегала: «Не следует увлекаться учетом при помощи анкет. Анкета слишком много навязывает и предreshает <...>. Ответы на анкеты случайны, а их усердно разрабатывают, тратят на это силы, время, деньги. Может быть, иногда анкеты и не бесполезны, но они должны быть очень кратки, обдуманы, преследовать определенную узкую цель» [50, с. 83–84].

Е. И. Хлебцевич считал, что субъективизм анкеты может быть преодолен, если обеспечить массовость материала, собранного по единообразным инструкциям. Он совершенно справедливо указывал, что вопрос заключается не в том, чтобы совсем отвергнуть анкету или признать ее исключительное значение, а в том, чтобы использовать ее результаты, проверив их «объективным методом». В качестве объективного метода он выдвигал учет социальной обстановки и тех условий, в которых живет и трудится читатель. Выделяя определенные социальные группы, он предлагал устанавливать между ними и их читательскими интересами корреляцию.

Именно в предложении использовать корреляционный анализ и состоит прежде всего ценность высказываний Е. И. Хлебцевича. При этом он подчеркивал, что обработка анкетных ответов и корреляция главного признака (возраст, профессия, образование) с изучаемой функцией (читательские интересы) должна быть допол-

нена непосредственным изучением самих анкет и выделением реальных читательских типов [398].

Критике подвергались и такие методы, как анализ читательских и книжных формуляров. Г. А. Брылов и В. Ф. Сахаров считали, что в основу изучения читателя не может быть положено изучение читательских формуляров, так как выдача книг, помимо запросов читателей, обусловлена книжным составом библиотеки и степенью активности библиотекаря [159].

Споры о целесообразности применения тех или иных методов изучения читателя, о степени репрезентативности и объективности получаемых данных являлись следствием неразработанности методики изучения интересов читателей. Почти не проводились и не анализировались методы и приемы этого изучения. Н. Я. Фридычева указывала, что вопрос изучения читателя вырос из требований библиотечной практики и поэтому его рост и развитие были стихийны: «Теперь очередь за теорией, за анализом тех приемов, которые усвоены практикой, за обоснованием их, за выбором тех из них, которые действительно пригодны, жизненны, действительно помогают библиотекарю руководить читателем» [422, с. 31].

Разработка методов изучения читателя оказала положительное влияние и на общее развитие методики библиотекведческих исследований. Ряд методов (например, анкетный), выработанных при изучении интересов читателей, стал использоваться и при исследовании других сторон библиотечного дела.

В развитии методов библиотекведческих исследований в первые годы Советской власти были достигнуты заметные успехи. При этом, ввиду недостаточной собственной методической базы, советское библиотековедение изучало с целью использования методы других наук (социологии, статистики, педагогики, психологии и др.).

Разнообразие применявшихся методических приемов во многом обуславливалось тем, что объектами исследования библиотековедения были и библиотека, и читатель, и книга. Особенности этих объектов требовали применения разных методов изучения. Поиски методов изучения разных объектов обогащали методику исследования разнообразными средствами и приемами, способствовали выработке библиотековедением своих методов. Особенно заметные успехи были достигнуты в развитии, применительно к задачам советского библиотековедения, статистического метода и методов изучения читательских интересов. Однако, еще слабо выявлялась специфика использования методов других наук в исследовании библиотечных проблем.

В 20-е гг. почти не рассматривался вопрос о частных или специальных методах исследования, специфичных для библиотековедения, если не считать декларативного и малоубедительного вывода И. Б. Симановского о главенствующем значении библиографического метода.

* * *

Становление советского библиотековедения в первые годы Советской власти проходило под непосредственным воздействием идей и указаний В. И. Ленина, который определил основные задачи библиотечного строительства первого в мире социалистического государства.

Выдающаяся роль в разработке теоретического наследия В. И. Ленина по библиотечному делу принадлежит Н. К. Крупской. Она первая выявила ленинские документы по данному вопросу, объединив их в сборнике «Что писал и говорил Ленин о библиотеках» (издан в 1929 г.). В предисловии к сборнику Н. К. Крупская подчеркнула важность и жизненность установок В. И. Ленина. Все ее последующие работы – это всесторонний теоретический анализ ленинских взглядов на библиотечное дело.

Свой вклад в изучение ленинского наследия в области библиотечного дела внесли П. И. Гуров, А. А. Покровский, М. А. Смушкова, И. М. Цареградский и др. Они характеризовали отдельные работы и высказывания В. И. Ленина о библиотеках и библиотечном деле; пытались дать им целостный анализ; подчеркивали не только их историческое, но основополагающее значение для библиотечной теории и практики. Советские библиотековеды отмечали, что указания В. И. Ленина следует рассматривать как *«программу библиотечного строительства в социалистической республике»* [324, с 24].

Опираясь на ленинское теоретическое наследие, советские исследователи приступили к разработке общетеоретических и методологических проблем библиотечной науки. В формировании советского библиотековедения, его становлении как науки выдающаяся роль принадлежит Н. К. Крупской. В ее теоретическом наследии содержится развернутая программа социалистических преобразований в библиотечном деле, основанная на марксистско-ленинском учении о культуре и культурной революции и обобщении практики культурного строительства в Советском государстве.

Социалистические преобразования в области культуры, частью которой является библиотечное дело, требовали управления и, прежде всего, научного обоснования. Перед советским библиотековедением встала историческая задача – пересмотреть все основные положения библиотечной теории.

Н. К. Крупская выдвинула ряд методологических положений, имеющих принципиальное значение для теоретического обоснования советской библиотечной науки. Прежде всего, это положение о том, что проблемы библиотечного дела следует рассматривать не изолированно, а как важную и неотъемлемую часть программы культурной революции. В основе этой установки лежит взгляд В. И. Ленина на библиотеку как на важное социальное учреждение, оказывающее существенное влияние на духовную жизнь общества, на осуществление задач культурной революции как составной части революции социалистической.

Для формирования советского библиотековедения как общественной науки особое значение имело обоснование Н. К. Крупской широкого круга теоретических проблем культурной революции: о ее движущих силах, задачах в условиях социалистического общества, участии трудящихся в культурном строительстве, изучении запросов и интересов масс, учете конкретных условий, в которых живут и работают массы, теоретических основах коммунистической агитации и пропаганды, принципах организации культурного, в том числе и библиотечного обслуживания населения.

Подчеркивая общетеоретическое и методологическое значение марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции для развития теории и

практики библиотечного дела, Н. К. Крупская в то же время указывала на его специфические черты по сравнению с другими отраслями культуры, требующие специального теоретического обоснования.

Краеугольным камнем общетеоретической концепции советского библиотековедения явилась разработка Н. К. Крупской учения о социальных функциях советской библиотеки. Ею были сформулированы и обоснованы положения о единстве социальных функций всех учреждений культуры и просвещения в социалистическом обществе; классовом характере социальных функций библиотек; единстве социальных функций библиотек всех типов и видов; осуществлении их на основе принципов партийности, активности и дифференцированного подхода.

В 20-е гг. в качестве первоочередной стояла практическая задача – коренным образом перестроить библиотечное дело на социалистических началах. Необходимо было противопоставить социалистическую организацию библиотек буржуазной, а для этого требовалось пересмотреть и заново сформулировать все основные положения библиотечной теории и практики. Главным итогом развития библиотековедческой мысли этого периода явилась теоретическая разработка основополагающего принципа партийности, а также других важнейших принципов теории и практики.

В эти годы еще недостаточно исследовались науковедческие проблемы. Поэтому в определении библиотековедения как науки еще в значительной степени сохранились прежние взгляды, характерные для буржуазного библиотековедения. К тому же часть исследователей придерживалась мнения, отчетливо выраженного Л. Б. Хавкиной: «Русское библиотековедение еще так молодо, что нам приходится в значительной степени опираться на достижения западных стран, заимствуя у них и приспособляя для наших библиотек то, что является подходящим и приемлемым в наших условиях» [432, с. 3]. Теория «приспособления» буржуазного библиотековедения к условиям социалистического строя являлась основным тормозом в построении и развитии советского библиотековедения как науки.

Глава 2

Разработка теоретических основ библиотековедения в 1929–1945 гг.

В 30-е гг. советский народ под руководством Коммунистической партии претворял в жизнь план построения социализма в СССР. Усиленными темпами проводилась индустриализация страны, шла коллективизация сельского хозяйства. Программа развернутого наступления социализма по всему фронту, разработанная XVI съездом партии (1930 г.), включала и задачи культурного строительства.

В осуществлении культурной революции Коммунистическая партия большое значение придавала библиотечному делу. Основные задачи библиотек в условиях развернутого строительства социализма были определены в постановлении ЦК партии «Об улучшении библиотечной работы» (1929 г.). Это постановление явилось тем рубежом для организации библиотечного дела в СССР, с которого начинается новый период развития его теории.

Научно-исследовательскую работу в области библиотековедения в первые годы рассматриваемого периода вел Институт библиотековедения при Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. В 1935 г. был организован самостоятельный Научно-исследовательский институт библиотековедения и рекомендательной библиографии. Теоретическими исследованиями занимались также Ленинградский коммунистический политико-просветительный институт, Московский и Харьковский библиотечные институты.

В 1933 г. при Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте был создан научно-исследовательский сектор с целью изучения актуальных проблем политико-просветительной работы и библиотечного дела. В 1936 г. научно-исследовательский сектор был организован и при Московском библиотечном институте. Научные исследования вузов были направлены в основном на совершенствование учебного процесса, на разработку библиотековедения как учебной дисциплины. В процессе работы над программами и учебными курсами уточнялся предмет библиотековедения, его состав и структура, основные понятия и термины.

Московский и Харьковский институты в конце 30-х гг. приступили к изданию своих «Трудов». Проблемы советского библиотековедения рассматривались также на страницах периодических изданий: «Красный библиотекарь», «Советская библиография», «Помощь самообразованию», «Книга и пролетарская революция», «Культурная работа профсоюзов», «Техническая книга», «Техническая пропаганда» и др. На Украине выходили журналы «Бібліотека у соціалістичному будівництві» и «Радянська бібліотека».

Научно-исследовательская работа велась и в центральных научных библиотеках (Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Научной библиотеке Наркомтяжпрома СССР и др.).

Большое значение для активизации научно-исследовательской работы имели конференции и совещания библиотечных специалистов, на которых детально обсуждались проблемы теории и практики библиотечного дела. Ценный вклад в разработку ряда проблем внесло Всесоюзное совещание по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (1936 г.).

Исследования научных проблем библиотековедения не прекращались и в годы Великой Отечественной войны, хотя, разумеется, объем работы резко сократился. В 1942 г. Московский библиотечный институт провел научную сессию по вопросам библиотечной работы в дни Великой Отечественной войны. Ряд научных сессий состоялся в Москве, Ленинграде, Саратове и других городах в связи с 25-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. В тяжелейших условиях блокады Кабинет библиотековедения Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина проводил заседания своих секций, на которых обсуждались насущные проблемы теории и практики.

В нашей стране была организована планомерная подготовка научных кадров в области библиотековедения. По инициативе Н. К. Крупской в 1930 г. был открыт сектор аспирантуры при Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте. В 1934 г. организована аспирантура при Московском библиотечном институте и Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в 1935 г. при Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в 1936 г. в Харьковском библиотечном институте. По настоянию Н. К. Крупской в 1939 г. Московскому библиотечному институту, а затем и Ленинградскому политико-просветительному институту было предоставлено право присуждения ученых степеней.

В 1938 г. была защищена Д. М. Лекаренко первая кандидатская диссертация по библиотековедению на тему «Изучение читателей в дореволюционной России», а всего с 1938 по 1945 г. было защищено 20 кандидатских диссертаций, в том числе шесть – в годы Великой Отечественной войны. В 1944 г. Е. И. Шамурин защитил докторскую диссертацию «Библиотечно-библиографические классификации за границей и в дореволюционной России».

Таким образом, в рассматриваемый период были созданы широкие возможности для развития советского библиотековедения.

Дискуссия по теоретическим проблемам библиотековедения и ее роль в развитии советской библиотечной науки

В начале 30-х гг. проходила широкая дискуссия по проблемам марксистско-ленинской философии, в ходе которой были подвергнуты острой и принципиальной критике ошибочные взгляды и концепции философов, ревизовавших и извращавших марксизм-ленинизм. Дискуссия сыграла положительную роль в развитии философской науки, раскрытии значения ленинского этапа в философии марксизма, помогла ликвидировать раз-

рыв между теоретической деятельностью и практикой социалистического строительства.

За этой дискуссией последовали дискуссии по теоретическим проблемам различных общественных наук, в том числе педагогики, книговедения, библиографии и т. п. В 1931–1933 гг. развернулась дискуссия по теоретическим проблемам советского библиотековедения.

Начало дискуссии было положено статьей В. А. Невского «Книжно-библиотечное дело на путях к будущему» [301], которая содержала тезисы его «предварительной платформы» для обсуждения на предполагавшемся Всесоюзном библиотечном съезде. Теоретическая платформа В. А. Невского, содержавшая ряд ошибочных и путаных положений, вызвала резкую, в основном справедливую критику на страницах библиотечной печати. Одновременно обращалось внимание на идеологические ошибки в работах Б. С. Боднарского, К. Н. Дерунова, Е. Н. Добржинского, Ю. А. Меженко, А. А. Покровского, Я. В. Ривлина, Л. Б. Хавкиной и др.

Критиковалась неверная оценка В. А. Невским достижений советского библиотековедения за годы Советской власти и такое его высказывание, что книжно-библиотечное дело «своей революции <...> у нас еще не переживало». Участники дискуссии утверждали, что революция в области культуры, в частности в библиотечном деле, явилась неотъемлемой частью социалистической революции и поэтому говорить о том, что библиотечное дело в СССР своей революции еще не переживало значит противоречить историческим фактам. В ходе дискуссии подчеркивалось, что в нашей стране на основе марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции, на основе руководящих указаний В. И. Ленина и Коммунистической партии было создано и развивается советское библиотечное дело. Отмечая, что библиотечное дело еще отстает от задач социалистического строительства, авторы статей в то же время признавали достижения советских библиотек, их принципиальное отличие от библиотек царской России и капиталистических стран.

Особенно резкие возражения вызвал следующий тезис В. А. Невского: книжно-библиотечное дело в СССР «идеологически тормозится из-за отсутствия достаточно четких и широких перспектив его развития».

Участники дискуссии решительно выступили против принципиально ошибочного тезиса о существовании идеологических тормозов и отсутствии перспектив развития библиотечного дела в нашей стране. Они говорили, что социалистический строй создает такие широкие перспективы и возможности развития библиотечной работы, которые не может иметь ни одна капиталистическая страна.

Основающей критике подверглась в дискуссии недооценка принципа партийности. В эти годы шла решительная борьба с остатками буржуазных теорий объективизма и аполитичности библиотек; подчеркивалось, что библиотеки являются учреждениями, выражающими политические взгляды опреде-

ленного класса. Так, Б. М. Левинтов писал: «Строится ли библиотека классом буржуазии или пролетариатом, она является одним из элементов, формирующих идеологию масс, а следовательно и влияющих на их поведение в политике и хозяйстве». С этих позиций он критиковал, в частности, определение библиотековедения, данное в 1927 г. В. А. Штейном в шестом томе Большой Советской Энциклопедии [478], и подчеркивал, что «не существует единого библиотековедения, общего для буржуазии и для пролетариата» [271, с. 36–37]. В утверждении Л. Б. Хавкиной, что как «мы берем от буржуазных стран их высокие достижения в промышленной технике и т. п., так же точно их библиотечные достижения мы должны брать как готовый строительный материал» [433, с. 6], Б. М. Левинтов видел не критический подход к усвоению зарубежного библиотечного опыта.

Объективистские позиции Л. Б. Хавкиной критиковали также И. Л. Крипе и М. Г. Фишман. По поводу тезиса Л. Б. Хавкиной о том, что в библиотечном деле есть три стороны: организация, методика и техника, они справедливо писали: «Как же могла выпасть *идеология* из библиотечного дела, определяющая все содержание – и теорию, и практику?» [266, с. 13].

В ходе дискуссии критиковался также механистический подход к исследованию библиотековедческих проблем. Так, Д. А. Балика отмечал, что библиотечная педагогика и психология представляют собой «эклектическую смесь рефлексологических, биологических, фрейдистских, биосоциальных и социобиологических трактовок <...> смесь наивного реализма и ползучего эмпиризма с диалектической фразеологией». Он подчеркивал, что серьезная разработка марксистско-ленинских теоретических основ советского библиотечного дела иногда подменяется подбором высказываний из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Незавершенность теории приводит к одностороннему и упрощенному изучению библиотечной практики, без постижения ее классовой сущности и исторических этапов развития, без учета всех связей и опосредствований.

Участники дискуссии понимали, что построение теории советского библиотечного дела возможно лишь на основе марксистско-ленинского диалектического метода. Д. А. Балика писал: «Ленинизм, как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, представляет собою новую ступень развития решительно во всех областях марксистской теории, в том числе и в вопросах книговедения и библиотековедения». Он считал, что диалектическое единство библиотечной теории и практики – важнейший принцип в изучении вопросов библиотековедения. Д. А. Балика подчеркивал, что речь идет о том, чтобы преодолеть буржуазное наследие, освободиться от идеалистических и механистических трактовок и «в своих библиотековедческих, теоретических конструкциях отразить сущность изучаемого явления, вскрыть логику развития библиопедагогического процесса переходного периода», пользуясь методом диалектического материализма. Он отмечал, что «социально-педагоги-

ческая теория библиотечного дела, партийность библиотековедения, диалектико-материалистическая методология библиотековедения СССР – коренным образом отличают наше советское библиотековедение от теории библиотечного дела за границей» [354].

Был подвергнут критике и отказ от разработки теории библиотечного дела, явившийся следствием известной точки зрения на библиотечную работу, как на процесс выдачи книг, который не требует никаких особых принципиальных установок, никаких особых теоретических знаний. Наблюдалась и другая крайность: библиотечная теория не может существовать, так как есть марксизм-ленинизм, который и надо применять к библиотечной работе. Следует заметить, что нигилистическое отношение к теории библиотечного дела имело место не только в начале 30-х гг., но и в последующие годы. Так, в 1940 г. Я. В. Ривлин констатировал, что, по мнению многих, библиотековедение не является наукой, и сам утверждал, что научность библиотечной теории находится под большим сомнением, признавал бесспорной лишь научность истории библиотечного дела [343].

В острой идеологической борьбе, разгоревшейся в период дискуссии, были допущены и перегибы. Критика ошибок некоторых советских библиотечников была в немалой степени субъективной и тенденциозной. Просчеты теоретического характера объявлялись, как правило, политическими ошибками. Авторы статей в критическом пылу часто проходили мимо того ценного, что было внесено библиотековедами в теорию, методику и практику, оперировали цитатами из их ранних работ, замалчивая последние, в которых намечался отход от ошибочных взглядов.

В целом дискуссия сыграла положительную роль в развитии советского библиотековедения, в защите и обосновании его ленинских принципов, в борьбе с буржуазными теориями в библиотечном деле. Были предприняты попытки дать позитивную программу дальнейшего развития советского библиотековедения. Красной нитью через все выступления проходила мысль о том, что теория советского библиотечного дела может быть построена только на основах марксизма-ленинизма, в борьбе со всеми буржуазными и оппортунистическими течениями, что его основополагающим принципом является принцип партийности.

Предстояло глубокое освоение теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, внимательное изучение опыта, накопленного библиотеками за годы Советской власти, исследование библиотечной практики во всем ее многообразии. Перед советским библиотековедением были поставлены задачи разработать ленинское наследие в области библиотечного дела и определить принципы библиотечной деятельности на основе марксистско-ленинской методологии. Только на этой базе можно было создавать теорию библиотечного дела периода социалистического строительства, намечать четкие перспективы его развития [261].

В решении этих задач особое значение имела теоретическая деятельность Н. К. Крупской. Она решительно выступала против попыток отрицать необходимость теории библиотечного дела, подчеркивая, что «актуальнейшая задача вообще всю теорию библиотековедения поднять на уровень науки. И тут нужна большая и серьезная работа» [47, с. 149].

Н. К. Крупская писала: «Библиотечное дело, как и другие отрасли практической работы на культурном фронте, требует своего теоретического, научного обоснования. Тут мало усвоить опыт буржуазных стран, надо его проанализировать с коммунистической точки зрения...» [68, с. 450], «пропускать через призму нашего, коммунистического мировоззрения» [55, с. 549]. Она указывала, что библиотечное дело в нашей стране «должно быть поднято и в теоретическом и в практическом отношении на очень большую высоту» [33, с. 700].

Исходя из марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции и основываясь на ленинском принципе партийности, советские библиотековеды (Д. А. Балика, С. Л. Вальдгард, П. И. Гуров, А. А. Покровский, Б. Ю. Эйдельман) предприняли в эти годы первые попытки обосновать библиотековедение как общественную, партийную науку. Например, С. Л. Вальдгард говорил о библиотековедении как социальной науке, которая является «своего рода главой из исторического материализма» [163, с. 7]. Д. А. Балика отмечал историзм библиотековедения, его социальность и классовость: «Библиотековедение – партийная наука» [354, с. 100]. Б. Ю. Эйдельман рассматривал его как идеологическую науку, науку об идеологических надстройках, изучающую одну из конкретных форм общественной деятельности – библиотечное дело [389, л. 24–24 об.].

А. А. Покровский ставил задачу создать «свою специальную науку – библиотечную науку с ее социологическими и психологическими основами» и рассматривал ее как отрасль обществоведения. Теоретическим разделом обществоведения, определяющим библиотековедение как науку, он считал такой комплекс знаний, в который входит «анализ социальной обусловленности конкретных форм поведения людей в широком смысле слова, форм трудовой и общественной деятельности, быта, социальной психики, идеологий и т. п., анализ путей изменения установок и навыков социального поведения, научное обоснование рациональных методов организованного воздействия на поведение». Он полагал, что такой комплекс, являющийся «общим введением» в библиотековедение, может рассматриваться как часть конкретной социологии или прикладной социальной психологии [328].

П. И. Гуров, рассматривая марксистско-ленинскую теорию библиотечного дела, выделял те задачи советского библиотековедения, которые определяют его как общественную науку: установить место библиотеки в системе классового воздействия пролетарского государства; выявить специфические ее особенности в ряду других средств пропаганды и агитации; определить содержание библиотечной работы как «приводного ремня» культурной революции и

социалистического строительства; установить и обосновать наиболее эффективные методы библиотечной работы; указать место библиотечной педагогики в общей педагогике; создать марксистский фундамент психологии в применении к библиотечной работе [199].

Таким образом, в 30-е гг. сложилось представление о советском библиотековедении как о самостоятельной общественной науке, были сформулированы его основные теоретические задачи.

Как понимали советские исследователи предмет библиотековедения как общественной науки? Ответить на этот вопрос, анализируя специальную литературу тех лет, не легко. В работах библиотековедов, как правило, по-прежнему не разграничивались, а зачастую и вообще не выделялись понятия «предмет» и «объект». Если одни пользовались определением библиотековедения как науки о библиотеке, выработанным еще в 20-е гг., то другие стремились его уточнить. Они подчеркивали, что библиотековедение – это «наука об организации и методах библиотечной работы» [336, с. 80], выделяя тем самым его предмет. Однако в данном определении предмета не нашла отражения специфика советского библиотековедения как общественной науки.

Наиболее близко к правильному пониманию предмета подошел, с нашей точки зрения, И. И. Осьмаков, который указал, что советское библиотековедение имеет своей целью изучение наиболее эффективных способов использования книги в классовых целях [310, с. 13]. Однако и это определение имело свои недостатки. Подчеркивая сущность библиотековедения как общественной науки, автор в то же время неполно выявлял его специфику, так как «использование книги в классовых целях» является предметом исследования и других наук (книговедения, библиографии).

Существовали и другие точки зрения на этот вопрос. Так, Ю. А. Меженко полагал, что основным и единственным предметом библиотековедения является «проблема читательства», остальные же его разделы подчинены этой проблеме.

Не менее сложно обстояло дело с определением объекта библиотековедения. Большинство авторов называли его объектом только библиотеку. Например, Н. М. Сомов полагал, что читателя и методы руководства чтением изучает другая наука – библиотечная педагогика, которая «имеет своим предметом библиотечное читательство, изучая его с точки зрения педагогического подхода к чтению читателя со стороны библиотекаря». В данном случае, полагаем, правильнее было бы говорить не о предмете, а об объекте библиотечной педагогики. Что же касается предмета ее исследования, то его, вероятно, надо видеть в высказываниях Н. М. Сомова о том, что библиотечная педагогика занимается «оптимальными способами распространения книг через библиотеки» [382, с. 58].

Ю. А. Меженко, исходя из своей концепции о предмете библиотековедения как проблеме читательства, считал объектом комплекс «книга – читатель», исключив тем самым из сферы исследования библиотеку. Следовательно, в

30-е гг. еще не было четкого представления о предмете и объекте библиотековедения.

Отнесение советского библиотековедения к общественной науке отразилось и на предпринятых в те годы попытках определить его состав. Некоторые по-прежнему понимали его расширительно. Наиболее отчетливо эта позиция выразилась во взглядах В. А. Артисевич, которая включала в состав библиотековедения историю книги, библиотечного дела, библиотековедения в целом и его отдельных разделов; изучение взаимовлияния стран в области библиотековедения, обобщение опыта библиотек и разработку новых теорий; общие вопросы организации библиотечного дела в стране; комплекс вопросов о роли библиотек в политическом просвещении и культурном развитии трудящихся масс; изучение роли книги в жизни людей, читательских интересов, методов работы с читателями; изучение влияния литературы на различные слои общества и в отдельные периоды его истории; изучение частных книжных коллекций, раскрывающих интересы видных представителей человеческого общества на различных этапах его развития; библиографическую работу всех видов; комплектование библиотек; каталогизацию и классификацию; строительство и оборудование библиотек; подготовку кадров [110].

Этот перечень свидетельствует, что В. А. Артисевич включала в библиотековедение и общие проблемы книговедения, и библиографию, и даже библиофилию.

С более правильных позиций подошел к определению состава библиотековедения А. И. Литинский, который выделял в нем учения: об организации и структуре библиотеки; о методах изучения книг, читателей и процесса чтения; о методах работы с читателями и руководства чтением; о комплектовании библиотек; об организации библиотечных фондов. Хотя автор замечал, что условно употребляет термин «учение», с нашей точки зрения, он наиболее точно подчеркивал теоретический характер каждой из частей. А. И. Литинский указывал, что библиотековедение помимо вышеназванных составных частей занимается разработкой общих проблем: изучением его состояния в прошлом и настоящем, типологии и терминологии [277].

Вместе с тем следует отметить, что автор неоправданно отделял учение о методах изучения книг, читателей и процесса чтения от учения о методах работы с читателями и руководства чтением. Такое разделение объективно вело к известной изоляции этих тесно взаимосвязанных сторон библиотечной теории и практики.

В 30-е гг. советские исследователи на основе марксистско-ленинской методологии подошли к принципиально важному выводу о том, что библиотековедение является общественной наукой. Это, в свою очередь, помогло в основном правильно наметить состав библиотековедения, способствовало его дифференциации, выделению и разработке составляющих его научных дисциплин. Но дальнейшее развитие науки тормозилось нечеткими представлениями о ее предмете и объекте.

Обоснование агитационно-пропагандистской, культурно-образовательной и информационной функций советской библиотеки

Определение библиотековедения как общественной науки было связано с другой проблемой – выявлением сущности библиотеки как социального учреждения, ее места и функций в жизни советского общества. Поставленная и частично разрешенная в 20-е гг., в рассматриваемый период эта проблема разрабатывалась с точки зрения новых задач, и был получен ряд важных теоретических выводов.

Прежде всего важен вывод о классовой сущности библиотеки, принципиально отличии библиотеки социалистической от буржуазной. Положение о коренном отличии постановки библиотечного дела в условиях социалистического строительства от капиталистической было сформулировано Н. К. Крупской. Она указывала, что «мы должны использовать опыт заграницы по техническому обслуживанию читателя <...> *Но нам надо строить свою, по сути дела совершенно другого типа, библиотеку, другую систему взять, гораздо более актуальную и соответствующую нашему социалистическому строю*» [42, с. 628–629].

В работах Б. Р. Зельцле, А. И. Литинского, Л. М. Потаповой (Рабинович) и др. отмечалась неправомерность рассмотрения библиотек капиталистических стран как аполитичных и беспартийных учреждений. Например, Б. Р. Зельцле обращал внимание на характерную для них тенденцию, которая выразилась в откровенном призыве ряда американских библиотековедов к библиотекарям «демократической» страны сбросить маску внепартийности и объективности и поставить себя прямо на службу капитализму [218].

Другой важный теоретический вывод заключался в том, что советская библиотека является опорной базой партии в политико-просветительной работе среди населения. Содержание деятельности библиотек должно определяться «социальным заказом», т. е. теми задачами, которые ставят перед ними Коммунистическая партия и Советское правительство [127, с. 4].

ЦК партии в постановлении «Об улучшении библиотечной работы» (1929 г.) предложил «решительно перестроить библиотечную работу в соответствии с возрастающим ее политическим значением, превратить библиотеки в культурные центры, активно содействующие мобилизации масс на выполнение пятилетнего плана социалистического строительства» [21, с. 97]. Руководящие указания партии направили дальнейшее развитие библиотечной теории и практики.

В литературе тех лет подчеркивалось, что содержание и формы работы библиотеки определяются на каждом историческом этапе конкретными задачами хозяйственно-политического и культурного строительства. Большое значение имел вывод Н. К. Крупской, что работа библиотек конкретного региона должна строиться с учетом его хозяйственно-политических задач и условий. Н. К. Крупская писала библиотекарям Дальневосточного края: «По разным областям и краям работу надо ставить не по шаблону, а руководст-

вуюсь общими установками – учитывать все местные условия, использовать все особенности культуры в каждой местности» [32, с. 548]. В этих целях, подчеркивала она, библиотека должна «хорошо знать лицо обслуживаемого населения, его основное занятие, национальный состав, прошлое своего района, бытовые особенности, культурный уровень основной массы населения» [81, с. 560].

Такое понимание сущности советской библиотеки помогло углубить и расширить обоснование ее социальных функций, которые характерны для всех политико-просветительных учреждений. Н. К. Крупская не раз указывала, что библиотечное дело является важнейшей частью политпросветработы [68, с. 449], что характерная черта советской библиотеки заключается в ее тесной связи со всеми культурными, партийными, хозяйственными и профсоюзными организациями [69, с. 669].

Широкое использование в библиотечной практике опыта агитационно-пропагандистской работы партии утвердилось в советском библиотековедении как одно из условий успешного осуществления библиотеками своих социальных функций. Подчеркивалось, что библиотека является одним из важнейших рычагов партийной агитации и пропаганды, что она представляет собой, как отмечал П. И. Гуров, «гибкий, чрезвычайно тонкий и сильный пункт агитационно-пропагандистской работы» [203, с. 3].

Библиотековеды теоретически обосновывали агитационно-пропагандистскую функцию советских библиотек и те главные цели, которые ставятся перед ними для ее выполнения. Выдающаяся роль в определении этих целей принадлежит Н. К. Крупской, которая требовала максимально увязывать библиотечную работу с задачами социалистического строительства, призывала «превратить библиотеку, даже самую маленькую, в идеологический центр, помогающий делу строительства социализма» [69, с. 669].

Были определены основные требования к осуществлению агитационно-пропагандистской функции библиотек. Подчеркивалась постоянная связь текущей работы библиотек с пропагандой марксистско-ленинской теории и основ наук; критиковалось стремление свести содержание агитационно-пропагандистской функции к распространению массовой политической книги, к проведению текущих хозяйственно-политических кампаний. Конференция политпросветских библиотек Ленинграда (1933 г.) указала на необходимость системы в агитационно-пропагандистской работе. В эту систему должна входить пропаганда литературы, во-первых, по актуальным хозяйственно-политическим вопросам и, во-вторых, для углубленного изучения марксистско-ленинской теории. Эти два направления не только дополняют друг друга, но и вытекают одно из другого [307].

Н. К. Крупская писала, что «надо сделать библиотеку гораздо более боевой в политическом отношении» [82, с. 484]. Осуществление агитационно-пропагандистской функции – это воздействие не только на сознание, но и по-

ведение читателей, т. е. работа библиотек в этом направлении должна быть действенной.

Важным требованием агитационно-пропагандистской функции библиотеки признавалась оперативность: внимательно следить, какие задачи ставит партия на каждом участке социалистического строительства, оперативно доводить их до сознания трудящихся и способствовать активному проведению в жизнь.

Вместе с тем отмечалась и специфика агитационно-пропагандистской функции библиотеки: она выполняется путем пропаганды книги, путем привлечения населения к чтению литературы и пользованию библиотеками. Н. К. Крупская писала: «Нам уже нужно поголовное обслуживание населения и необходима гораздо более широкая постановка дела. Нам надо весь этот вопрос теснейшим образом связывать с вопросами политики» [73, с. 309].

С позиций принципа партийности рассматривали библиотековеды и культурно-образовательную функцию библиотек. Особое значение для ее обоснования имели указания Н. К. Крупской о том, что культурно-образовательная работа библиотеки должна быть неразрывно связана с задачами коммунистического воспитания: «Сейчас нет только вопросов культурных, которые могли бы не быть связанными с вопросами политики <...> Сейчас немислим разрыв между политической и культурной работой...» [73, с. 309].

Н. К. Крупская тесно связывала культурно-образовательную работу библиотек с практическими задачами социалистического строительства. Она писала, что суть культурной революции заключается не только в том, что массы овладевают техникой, достижениями наук, но и в том, что они «научаются применять их к перестройке всей жизни на социалистических началах» [46, с. 492].

Свою культурно-образовательную функцию, как отмечала Н. К. Крупская, советская библиотека осуществляет путем всесторонней помощи самообразованию читателей. Она считала, что «самообразования по-настоящему без укрепления библиотечного дела не поставишь. Этот вопрос упирается в организацию наиболее целесообразного использования книжных богатств, в вопрос развертывания широкой сети библиотек» [29, с. 403].

Подчеркивая важное значение культурно-образовательной функции, библиотековеды в то же время выступали против преувеличения ее значения, противопоставления ее агитационно-пропагандистской и информационной функциям. Так, П. И. Гуров отмечал недостатки в библиотечной работе, выражающиеся в недооценке политической и производственной пропаганды, «перегибе в сторону культурного отдыха» [203, с. 5].

Если агитационно-пропагандистская и культурно-образовательная функции довольно активно разрабатывались с первых лет Советской власти и в дальнейшем все более уточнялись и углублялись, то информационной функцией библиотек начали заниматься по существу лишь в 30-е гг.

Это было обусловлено теми задачами, которые Коммунистическая партия поставила перед библиотеками в связи с индустриализацией страны. В организации информационного обслуживания социалистической промышленности особое место отводилось библиотекам, перед которыми ставилась задача «ведения технической информации в ее *библиотечных формах*» [436, с. 147].

В разработку информационной функции советской библиотеки значительный вклад внесли А. Н. Барабанов, М. П. Гастфер, Ф. И. Каратыгин, Н. И. Карклина, И. А. Мохов, Л. Б. Хавкина, О. С. Чубарьян и др. Они подчеркивали, что ее выполнение возможно лишь при неуклонном соблюдении принципа партийности. А постановка информационно-библиографической работы в библиотеке является важнейшим показателем ее политической и производственной активности.

Информационная деятельность библиотек должна охватывать проблемы не только техники и производства, но и всех отраслей знания, являться средством всемерной помощи дальнейшему строительству социализма в нашей стране, содействуя росту идейно-политического и культурно-технического уровня народных масс.

Библиотекам следует обеспечивать информацией не только квалифицированных читателей, но и все другие категории. Н. К. Крупская считала неправильным, что информационная работа ведется только для «высшего технического персонала» [84, с. 369–370]. Перед специальными библиотеками ставилась также задача широкого привлечения массового читателя.

Информационная деятельность библиотек должна носить активный характер. Библиотека не может обслуживать только небольшую, сравнительно со всей массой читателей, группу людей, обращающихся по своей инициативе за информацией. Она должна широко использовать библиографическую информацию в целях активного продвижения литературы к читателю. Информационно-библиографическая работа рассматривалась как метод активного доведения до читателя сведений о новой литературе.

Информационная функция присуща любой библиотеке, а не только специальной, хотя, разумеется, в деятельности последней она занимает более важное место. Н. И. Карклина считала, что вся библиотечная сеть страны, начиная от специальных научных библиотек и кончая сельскими, в том или ином объеме должна вести информационную работу. В частности, она отмечала, что информационное обслуживание начинает занимать все большее место в работе массовых библиотек [237].

Однако не все библиотековеды придерживались изложенной точки зрения. Так А. И. Литинский ошибочно утверждал, что предоставление читателям-специалистам литературы по специальности – это задача только научных и специальных библиотек. Что же касается массовых библиотек, то их задача – предоставление читателям общедоступной и учебной литературы, а также художественных произведений [277].

В свою очередь деятельность специальных библиотек не может ограничиваться, как полагали в те годы лишь отдельные библиотековеды, выполнением только информационной функции. Эти библиотеки, как и все остальные, призваны осуществлять, наряду с информационной, и агитационно-пропагандистскую, и культурно-образовательную функции. П. И. Гуров, рассматривая информационную функцию библиотеки как «практическую социальную службу» [199, с. 26], подчеркивал, что только пронизанная ленинской теорией деятельность библиотек будет отвечать задачам социалистического строительства. Он считал, что «узко техническая пропаганда может повести к отрыву производственного процесса от политики, от основных задач рабочего класса» [199, с. 24].

Разработанные советским библиотековедением 30-х гг. на основе ленинского принципа партийности три важнейшие функции советских библиотек – агитационно-пропагандистская, культурно-образовательная, информационная – выявили принципиальное отличие их от библиотек капиталистических стран.

Принцип активности как научно-методологическая основа руководства чтением

Принцип активности библиотеки, как один из основополагающих принципов советской библиотечной теории и практики, составил научно-методологическую основу советской теории руководства чтением.

В создании этой теории выдающаяся роль принадлежит Н. К. Крупской, которая подчеркивала, что «книга играет большую организующую роль. Она может организовать и в нашем направлении, и в чуждом нам направлении. Прочитанная книжка может организовать человека в направлении, которое как раз желательно нашему классовому врагу» [30, с. 394]. Руководство чтением в нашей стране должно быть коммунистическим: «В наших руках издательство, в наших руках пресса, снабжение библиотек, в наших руках <...> журналы – у нас тысячи путей влиять на <...> чтение» [26, с. 490].

Большой вклад в развитие принципа активности применительно к руководству чтением внесли Б. В. Банк, А. Я. Виленкин, В. И. Горовиц, Е. А. Горш, Р. Б. Гуревич, В. Н. Денисьев, Л. М. Потапова, В. Ф. Сахаров, А. В. Усов и др.

Наиболее полное обоснование руководства чтением как «плановой социальной функции» дал А. Я. Виленкин. Он отмечал, что каждый класс стремится использовать мощное оружие идеологического воздействия, каким является книга, для своих классовых целей, добываясь путем «регулируемого чтения» выработки у широких масс тех черт поведения и сознания, которые соответствуют политическим целям данного класса. Регулирование чтения осуществляется в основном по трем линиям: издание книг; поступление их в библиотеки; пользование ими в библиотеках. А. Я. Виленкин считал, что открытое признание классовых целей библиотечной работы, ведущей роли в ней партии, является «первым, основным, краеугольным камнем советской концепции руководства чтением» [175, с. 9].

Учитывая необходимость подчинения чтения задачам социалистического общества, библиотековеды определяли руководство чтением как процесс активного, организованного вмешательства в процесс чтения. Руководство чтением не является «монополией» библиотеки: «Вовлекать и регулировать чтение должен весь воспитательный процесс в целом, используя для этого все орудия и средства, находящиеся в распоряжении воспитывающего класса» [122, с. 14].

Советская библиотека рассматривалась как специальный аппарат, с помощью которого государство регулирует чтение масс, добываясь сознательного и активного участия их в строительстве социализма. Руководство чтением в библиотеке – это «продуманная, обоснованная научной теорией марксизма-ленинизма методика политической работы по пропаганде книги среди отдельных групп читателей» [333, с. 9].

В рассматриваемый период существовали различные оценки принципа активности библиотек, его основополагающего значения для их деятельности. Некоторые вообще отрицали активное влияние библиотеки в любых его формах. Например, М. И. Слуховский считал, что необходимость руководства чтением можно признать лишь в том случае, если «под читателем подразумевается нечто не ученое, не умное, не знающее, которым надо руководить, которого нужно обработать» [366, л. 66].

Другая позиция сводилась к утверждению, что принцип активности распространяется только на руководство чтением и не касается удовлетворения запросов читателей. На Всесоюзном совещании по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (1936 г.) возникла дискуссия по вопросу о том, помогает ли библиотека читателям или и руководит их чтением. В. Г. Горовиц в докладе «Основные вопросы обслуживания читателей в библиотеках СССР» выдвинула тезис, что обслуживание читателей является активной квалифицированной помощью библиотеки читателю [185, л. 55].

Критикуя этот тезис, Е. А. Горш подчеркивала значение руководства чтением как воспитательного процесса. Вместе с тем она признавала, что воспитательная работа библиотеки идет в двух направлениях: удовлетворение читательских запросов и «высшая степень обслуживания читателя – активное руководство чтением» [389, л. 44 об.].

Более правильной была концепция тех библиотековедов, которые рассматривали руководство чтением как систему работы с читателями в библиотеках. Эту концепцию активно разрабатывала Н. К. Крупская, которая видела в руководстве чтением процесс систематического и целенаправленного влияния на содержание и характер чтения. Она определила и обосновала два основных направления библиотечной работы в этом плане.

Одно направление заключалось в том, чтобы помочь читателю в организации систематического чтения. Н. К. Крупская указывала: «Помощь в самообразовательной работе, которая налаживается при библиотеках, сделает само чтение гораздо более систематическим и углубленным» [72, с. 465].

Другое направление имеет целью помочь читателям в самостоятельной работе над книгой. Эту специфическую сторону процесса руководства чтением в библиотековедческой литературе 30-х гг. называли «углубленной работой» с читателями. На первое место в этой части процесса руководства чтением выдвигалась помощь читателям в усвоении прочитанного.

Н. К. Крупская отмечала, что задача библиотеки заключается, прежде всего, в том, чтобы помочь читателю в деле «политического понимания каждой книжки» [30, с. 395]. Это же принципиальное положение имел в виду Л. Р. Коган, когда указывал, что есть две функции библиотечной работы: политическая и педагогическая: *«Нужно научить читателя читать – это задача педагогическая... Но научить читателя читать – значит научить его воспринимать читаемый текст в определенном направлении. Это – задача политическая»* [255, с. 4].

Задача руководства чтением – не простое удовлетворение читательских запросов, а формирование на их основе новых читательских интересов. Н. К. Крупская считала необходимым, опираясь на повседневные производственные и бытовые нужды читателей, вести их к более значимым общественным, политическим интересам. Она писала: «Один читатель интересуется больше всего животноводством – вот и надо уметь его от тельенка подвести к коммунизму, другой интересуется техникой – тут надо начинать со жнейки, с трактора и уметь это связать с учением Ленина. Третьего интересует будущность его детей – тут надо начинать с детского сада, со школы и вести к социализму...» [82, с. 485].

В то же время Н. К. Крупская подчеркивала, что активная работа библиотекаря по руководству чтением не означает администрирования, навязывания читателю «принудительного ассортимента» книг. Она писала: «Мы должны руководить, но руководить умело, мы не должны подменять руководство опекой... Нужен умелый подход к читателю, умение его заинтересовать, увлечь. Читатель приходит в библиотеку с известными запросами. Иногда эти запросы носят нежелательный характер, надо уметь их переключить, ухватиться за здоровое зернышко в этих запросах, направить интерес в другое русло» [223, с. 4].

В результате теоретической разработки принципа активности были сформулированы важные теоретические выводы: руководство чтением осуществляется всей системой работы библиотеки; принцип активности является основополагающим не только для работы с читателями, но и для всех сторон деятельности библиотеки. Б. В. Банк, В. И. Горовиц, В. В. Звездин, А. В. Усов и др. подчеркивали, что вся организация ее работы должна быть направлена на максимальное обеспечение руководства чтением. При этом они выделяли две взаимосвязанные стороны: непосредственное руководство чтением, осуществляемое библиотекарем, и косвенное – через весь аппарат библиотеки (комплектование, каталоги, выставки и т. д.).

Непосредственное руководство чтением со стороны библиотекаря считалось главным, рассматривалось как особый педагогический процесс, имеющий специфические особенности и задачи. Так, Б. В. Банк полагал, что наиболее результативной формой руководства чтением является живое слово библиотекаря, индивидуальная беседа его с читателем, подкрепляемая показом соответствующих книг. И, наоборот, там, где на первый план выдвигается использование справочно-библиографического аппарата, а живое слово библиотекаря рассматривается лишь как вспомогательный прием руководства чтением, его эффективность сильно снижается [128].

Вместе с тем библиотековеды предостерегали от недооценки роли так называемой «библиотечной техники» в руководстве чтением. Н. К. Крупская писала: «От вопросов *библиотечной техники* зависит очень многое – сохранность книг, максимальное использование книжного богатства, удовлетворение запросов читателей и даже политическое лицо библиотеки» [36, с. 416]. С этих принципиальных позиций она рассматривала значение каталогов, рекомендательной библиографии, открытого доступа в руководстве чтением.

Проблемы открытого доступа к книжным фондам разрабатывали в эти годы Б. В. Банк, А. Я. Виленкин, Б. Р. Зельцле, В. Ф. Сахаров и др. Они отмечали, что открытый доступ – это система, необходимая для всех категорий читателей и для всех библиотек. Она устраняет разрыв между читателем и книгой, облегчает работу библиотекаря, воспитывает в читателе навыки самостоятельного выбора книг, пользования библиографией. Руководство чтением в этих условиях приобретает формы систематического воздействия на читателя всей суммой возможностей, находящихся в распоряжении библиотеки.

Но открытый доступ подвергался и критике: некоторые утверждали, что он не пригоден для малоподготовленных читателей. Возражая, В. Ф. Сахаров отмечал, что для малоподготовленных читателей при активной работе библиотекаря возможность ознакомиться с книжными богатствами библиотеки, подойти к полке и выбрать книги имеет большое значение [390].

От критики отдельных недостатков противники открытого доступа постепенно перешли к полному отрицанию этой идеи, называя ее «прожекторской теорией», «левацким опытом». Резкая критика открытого доступа привела к середине 30-х гг. к его запрещению. К проблемам этой системы обслуживания и внедрению ее в практику советское библиотековедение вновь вернулось лишь в конце 50-х – начале 60-х гг.

В 30-е гг. на основе дальнейшей разработки принципов партийности и активности был определен ряд теоретических положений, составивших в своей совокупности основы советской теории руководства чтением, которая в последующие годы развивалась и совершенствовалась, освобождаясь от ошибочных взглядов и установок.

Проблемы типологии в советском библиотековедении

Дифференцированный подход как один из основополагающих принципов советской библиотечной теории и практики явился основой для разрешения ряда типологических проблем.

Как известно, в любой науке проблемы типологии относятся к одним из ведущих. С их помощью наука упорядочивает те предметы и явления, которые составляют объект ее исследования. В советском библиотековедении 30-х гг. этим проблемам уделялось большое внимание, особенно типологии библиотек и читателей.

Было несколько попыток уточнить существующую типологию библиотек. Так, для систематизации материалов Всесоюзной переписи библиотек 1934 г. приняли схему, по которой библиотеки распределялись на четыре группы: массовые; детские; профессионально-технических училищ; научные и специальные [178]. Несколько позднее А. И. Литинский выделил три типа библиотек: универсальные и специальные; массовые; детские [277].

Однако эти предложения по типизации библиотек носили в большей мере эмпирический характер, не содержали теоретического обоснования, делались без учета и анализа предшествующего опыта.

Одно из первых мотивированных предложений типизации библиотек принадлежит М. А. Потапову. Он считал неправильным общепринятое деление библиотек на массовые и научные на том основании, что в Советском Союзе все библиотеки массовые, так как рассчитаны на широкие круги читателей, и в то же время одинаково научны, так как содействуют образованию масс. М. А. Потапов полагал, что такое деление дает основание противопоставлять научные библиотеки массовым, считать, что первые предназначены только для ученых, а вторые – для масс.

Поэтому он нашел более целесообразным разделить библиотеки на два другие типа: универсальные и специальные, положив в основу деления состав книжных фондов [331]. Классифицировать библиотеки на основе различия фондов предлагали и другие библиотековеды (И. С. Вугман, В. Н. Денисьев, Г. К. Дерман, В. Г. Киров, С. А. Комский, Л. В. Трофимов).

Теоретическое обоснование проблем типизации библиотек предпринял также И. М. Фрумин в статье «Типы и виды советских библиотек». Он критиковал, в частности, положения, выдвинутые М. А. Потаповым и поддержанные другими библиотековедами. И. М. Фрумин совершенно справедливо указывал, что за основу деления библиотек на массовые и научные взято не читательское назначение, как думал М. А. Потапов, а характер запросов: массовые библиотеки удовлетворяют общеобразовательные потребности читателей; научные – научно-исследовательские, производственные или учебные.

И. М. Фрумин подчеркивал неправомочность дифференциации библиотек только по составу книжных фондов, ибо универсальность фонда не может быть основным и единственным типологическим признаком библиотеки. Он

считал, что наиболее существенным признаком является назначение библиотеки. Именно задача дифференцированного библиотечного обслуживания населения и была основной предпосылкой возникновения различных типов и видов библиотек и библиотечных сетей. И. М. Фрумин предложил разделить все библиотеки на следующие две группы: массовые; научные и специальные.

В то же время И. М. Фрумин полагал, что при типизации необходимо учитывать не один, а все важнейшие признаки, характеризующие работу библиотек. Так, ведущими признаками массовых библиотек он называл политико-просветительную пропаганду; общеобразовательный и общедоступный характер фондов; содействие организации культурного отдыха. Важнейшими признаками научных и специальных библиотек он считал удовлетворение, помимо общеобразовательных, также и специальных запросов; научный или оперативный характер фондов; выполнение особых задач в области библиографии и книгохранения [429].

Предложенная И. М. Фруминым типизация советских библиотек на основе выделенных им существенных признаков каждого типа сохранила свое значение и в наши дни. Следует подчеркнуть, что наряду с конкретными вопросами типизации библиотек он выдвинул также ряд принципиальных методологических положений типологии в советском библиотековедении. И. М. Фрумин считал, что необходимым элементом типологизации является статистическое изучение объектов типизации, группировка их по признакам сходства и различия. При этом важнейшее значение имеют четкость исходной позиции, твердые принципы деления, предусматривающие все важнейшие признаки объектов. Он подчеркивал также важность точного (хотя бы и условного) определения основных понятий и терминов, относящихся к типизируемым объектам.

В 30-е гг. продолжалась разработка принципа дифференцированного подхода и применительно к работе с читателями.

Большое внимание этим вопросам уделяла Н. К. Крупская, неоднократно подчеркивавшая необходимость дифференцированно подходить к различным группам читателей. Она писала: «Было бы совершенно не по-ленински, не по-марксистски, если бы мы стали одинаково подходить ко всем слоям населения, если бы не выясняли, что требуется в данный момент для обслуживания каждого слоя» [67, с. 604].

Важное методологическое значение для разработки типологии читателей имели сформулированные Н. К. Крупской принципы выделения читательских групп. Она назвала важнейшие признаки для их дифференциации: социальное положение, профессия, пол и возраст, уровень подготовки, преобладающий интерес к определенной отрасли знания [31, с. 480].

Если в 20-е гг. внимание сосредоточивалось в основном на социально-демографических признаках читателей, то в данный период на первое место выдвигались собственно читательские характеристики: цели чтения, интерес к литературе определенной тематики, начитанность, уровень культуры чтения.

Например, Б. В. Банк полагал, что в качестве основного признака типологии читателей следует принять характер и установку чтения, дополняя его социально-культурными признаками [128].

Вопросы дифференцированного обслуживания читателей широко обсуждались на Всесоюзном совещании по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (1936 г.). В. И. Горовиц в своем докладе на совещании отметила, что дифференциация читателей только по социальным группам недостаточна, так как не учитывает читательских интересов. В качестве основных признаков типизации совещание определило производственную деятельность читателя, степень его подготовленности и преобладающие читательские интересы [184].

Такой подход позволил не только использовать общую дифференциацию читателей по социально-демографическим признакам, но и вести разработку их типологии дальше, в пределах интереса к определенной отрасли знания. Так, А. Н. Барабанов, выступая на совещании, говорил о выделении групп читателей технической книги. Он критиковал, в частности, за примитивность деление их по широким группам: инженерно-технические работники, рабочие, служащие, учащиеся и т. д. Он считал, что основой для типизации читателей технической литературы должна быть их «производственная функция»: специальность, квалификация, должность [129].

Ценность предложения А. Н. Барабанова не ограничивалась разработкой детальной типизации читателей технической литературы. Предложенный им принципиальный подход позволял построить типизацию читателей другой научной и специальной литературы.

Рассмотрение на основе принципа дифференцированного подхода частных вопросов – типологии библиотек и типологии читателей – способствовало решению более общей задачи – разработке методологических основ типологии как важнейшей теоретической проблемы библиотечной науки.

Развитие ленинских принципов централизации и единой библиотечной сети

В данный период библиотековеды развивали и обосновывали ленинские идеи построения единой, планомерной, централизованной сети библиотек, организации библиотечного обслуживания всего населения.

На важность разработки этих проблем указывала Н. К. Крупская: «Так построить библиотечное дело в Стране Советов, чтобы густая сеть библиотек разного типа обслуживала своевременно поголовно все население нужной ему книгой, удовлетворяла все растущую потребность масс в знаниях, ширила их горизонт, отвечала на их запросы, – таков завет Ленина» [36, с. 414].

Создание сети библиотек Н. К. Крупская рассматривала не как организационно-техническую проблему, а как неперемное условие осуществления культурной революции: «Необходимо в понятие культурной революции вклю-

чить организацию хорошо продуманной широкой библиотечной сети» [30, с. 395]. При этом она указывала, что вопросы укрепления библиотечной сети приобретают исключительное значение в условиях, когда в основном ликвидирована неграмотность: «Когда читающих было несколько десятков тысяч, обслужить их книгой было сравнительно легко. Когда читают десятки миллионов, правильная организация дела обслуживания книгой приобретает особое значение» [72, с. 465].

Основную задачу построения сети библиотек Н. К. Крупская видела в том, чтобы охватить библиотеками «*поголовно все население*» [35, с. 563]. Для этого библиотечная сеть должна быть как можно более разветвленной и удобной для читателей. Она подчеркивала, что правильное построение сети предусматривает обслуживание каждого предприятия, колхоза, каждой организации, каждого жителя; важно, чтобы «библиотечная книжка буквально лезла каждому гражданину, каждой гражданке, каждому ребенку и подростку в руки» [83, с. 349].

Главным условием построения единой библиотечной сети Н. К. Крупская считала общегосударственное планирование библиотечного дела в стране. Она выдвинула важное принципиальное положение: единая библиотечная сеть может быть построена лишь в результате научно обоснованного планирования ее развития и размещения. Н. К. Крупская определила и основные методологические требования к планированию единой библиотечной сети.

В основе планирования, как указывала Н. К. Крупская, должно лежать тщательное изучение состояния библиотечного обслуживания населения. Она писала: «Нам нужно знать *библиотечное лицо каждого района*: нужно знать, сколько в районе библиотек политпросветских, профсоюзных, кооперативных, школьных, детских, районных, учебных, партийных, комсомольских, научных, специальных и пр. Сравнив библиотечное лицо района с его хозяйственным лицом, с его общекультурным лицом, мы будем в состоянии *правильно планировать*, исходя из конкретного знания собственного дела» [29, с. 400].

Большое значение Н. К. Крупская придавала вопросам количественного и качественного анализа деятельности библиотек. Она отмечала, что статистический учет – это основа всех расчетов и планов. Поэтому разработка проблем библиотечной статистики – важная задача советского библиотековедения [40, с. 503–504].

Н. К. Крупская полагала, что для воплощения идеи В. И. Ленина о единой планомерной сети библиотек необходимо объединение усилий всех организаций, ведущих работу на культурном фронте. Она подчеркивала, что в СССР имеются все объективные предпосылки для построения единой сети, так как «цели общие – строительство социализма, пути общие – Советская власть, советская организация, руководство единое – руководство партии» [67, с. 611].

Необходимым условием построения единой сети библиотек Н. К. Крупская считала определение общей линии в библиотечной деятельности различных

ведомств и организаций: «Нужно, чтобы работа развертывалась на основе каких-то общих принципов, преследовала общие цели, была проникнута одним духом, тогда участие в ней ряда ведомств и организаций будет громадным плюсом» [61, с. 494].

Н. К. Крупская подчеркивала, что решение задачи поголовного библиотечного обслуживания населения страны невозможно без активного участия самих народных масс и общественности в библиотечном деле: «...советская библиотека должна гораздо ближе стоять к массам, теснее связываться с массами и массы должны считать библиотечное дело своим кровным делом» [42, с. 628].

Развивая эти принципиальные положения, Г. К. Дерман, Ф. Э. Доблер, С. А. Комский, А. Г. Кравченко, В. И. Невский, М. П. Сафонов, А. С. Пермский, М. А. Потапов, Л. Б. Хавкина, В. А. Штейн и др. сформулировали ряд методологических требований к планированию и размещению библиотечной сети. В наиболее развернутом виде они были изложены в «Материалах к планированию библиотечной работы», подготовленных Научно-исследовательским институтом библиотековедения и рекомендательной библиографии (под редакцией М. П. Сафонова). В них отмечалось, что планирование сети библиотек должно исходить из общей задачи максимального охвата населения книгой, что при этом должен быть выдержан принцип размещения сети библиотек по территориальному, производственному и национальному признакам [285].

Каждое ведомство должно рассматривать свою библиотечную сеть как составную часть единой библиотечной сети, которая в свою очередь имеет большое значение для преодоления обособленности библиотек. Так, известный деятель партии и один из организаторов библиотечного дела В. И. Невский указывал, что главное значение создания единой сети заключается в преодолении самими библиотекарями ведомственного сепаратизма [354, с. 181].

М. А. Потапов, исходя из ленинского принципа централизации, отмечал, что в основу построения единой сети должен быть положен «принцип взаимного содействия», дифференциация и децентрализация обслуживания при максимальной централизации вспомогательных работ (каталогизация, комплектование и т. п.). Он подчеркивал, что все библиотеки должны рассматриваться как единый коллектив, призванный с максимальной полнотой удовлетворять разнообразные и всесторонние запросы всех категорий читателей, начиная от малограмотных и кончая высококвалифицированными специалистами [331].

Разъясняя ленинскую идею единой библиотечной сети, Н. К. Крупская указывала, что ее построение не означает передачи всех библиотек в одно ведомство, что наличие библиотек разных ведомств и организаций обуславливается спецификой работы с определенными группами читателей. Поэтому «нельзя стричь все библиотеки под одну гребенку, система должна быть гибка». Н. К. Крупская считала, что задача «дать вовремя наиболее нужную книгу

тому, кому она наиболее нужна, – этот библиотечный лозунг может быть осуществлен только тогда, когда об этом деле будет заботиться ряд ведомств и организаций, заинтересованных в поднятии уровня сознательности различных слоев населения» [61, с. 494].

Эта принципиальная позиция Н. К. Крупской способствовала постановке в советском библиотековедении вопросов координации и кооперирования деятельности библиотек с целью создания единой библиотечной сети, библиотечного обслуживания всего населения страны и максимального использования книжных фондов. Так, Л. Б. Хавкина писала, что «кооперирование мобилизует всю библиотечную сеть СССР на совместное обслуживание *всеми* библиотечными фондами страны *все* ее населения», что оно «детище Октября, и инициатором его был великий Ленин» [434, с. 11].

В качестве одного из конкретных путей осуществления единой библиотечной сети выдвигалась централизация. В конце 20-х – начале 30-х гг. после перерыва, вызванного условиями нэпа, вновь начинается теоретическая и экспериментальная разработка проблем централизации сети библиотек. По инициативе Н. К. Крупской в 1930–1931 гг. был проведен эксперимент по созданию централизованной сети в г. Орехово-Зуево. Аналогичные эксперименты проводились в других местах. А. Г. Кравченко, занимавшаяся теоретическими и практическими проблемами централизации, подчеркивала, что опыт кооперирования библиотечной работы как единого крупного хозяйства есть по существу начало перестройки всех привычных форм культурной работы применительно к требованиям периода социалистической реконструкции. Она указывала, что в условиях социалистического государства возможно ставить вопрос о централизации сети библиотек в таких формах и такими методами, какие немислимы ни в одном капиталистическом государстве [263].

К сожалению, в ходе экспериментов создания централизованной сети были допущены ошибки. Анализируя ошибки орехово-зுவевского эксперимента, Л. Б. Хавкина, положительно оценивая его программу, вскрыла основную причину неудачи. Она заключалась не в порочности самой идеи централизованной сети, а в том, что была взята с первого шага программа-максимум, даже «сверхмаксимум», которую пытались осуществить в кратчайшие сроки «при самых неблагоприятных условиях хаотического состояния объединяемых библиотек» [435, с. 73].

Это объяснение получило подтверждение в наши дни, когда советские библиотековеды вновь обратились к анализу орехово-зுவевского эксперимента. Его изучение показало, что ошибки, приведшие к неудаче первого опыта, объяснялись не его сущностью, а недостатками организации, недооценкой конкретных условий.

Разработка вопросов централизации сети библиотек и опыт ее реализации в 30-е гг. послужили основой для исследования проблем построения централизованных библиотечных систем в 60–70-е гг.

Библиотековедение в системе наук и во взаимосвязях с другими научными дисциплинами

В 30-е гг. вопрос о месте библиотековедения в системе наук не получил однозначного решения. В начале периода исследователи придерживались книговедческой концепции, по которой, как уже было показано в первой главе, библиотековедение рассматривалось как одна из составных частей книговедения.

Эту концепцию продолжали разрабатывать ряд книговедов и библиографов: И. В. Владиславлев, М. Н. Куфаев, Н. М. Сомов, А. Г. Фомин. Относя библиотековедение к системе книговедческих дисциплин, они в то же время подчеркивали его самостоятельную самостоятельность в этой системе, наличие у него своей теории и методологии.

На этой позиции стояли и некоторые библиотековеды. Так, Д. А. Балака считал, что входящие в книговедение дисциплины хотя и тесно связаны между собой, но в то же время развиваются самостоятельно. Он подчеркивал: «Система книговедческих дисциплин – в сущности законченная система различных сторон и вопросов книжного процесса, подлежащих особому рассмотрению каждая, ввиду их сложности, но в их диалектической связи» [114, с. 57–58].

Некоторые книговеды вообще отрицали возможность существования библиотековедения как отдельной научной дисциплины. Так, И. В. Новосадский рассматривал его только как «прикладное, или практическое книговедение, занимающееся вопросами практического приложения выводов теоретического книговедения в общественной практике» [306, с. 43].

Разумеется, что такая точка зрения не могла способствовать развитию библиотековедения как самостоятельной науки, так как отрицала наличие у него своей теории и методологии, сводила его к роли чисто прикладной дисциплины книговедения.

Следует отметить, что книговедческая концепция не получила развития в последующие годы и вплоть до 60-х гг. не оказывала сколько-нибудь существенного влияния на разработку вопроса о месте библиотековедения в системе наук.

Широкое распространение в 30-е гг. получила другая концепция, по которой библиотековедение рассматривалось как часть педагогики. Она была зафиксирована в программах библиотечных вузов, в исследованиях ряда советских библиотековедов. Например, в работах А. И. Литинского и Б. Ю. Эйдельмана библиотековедение включалось в раздел «Культура. Народное просвещение. Педагогика» [277; 481]. С конца 30-х гг. и поныне диссертации по библиотековедению защищались и защищаются на присвоение ученой степени доктора и кандидата педагогических наук.

Однако начатая еще в 20-х гг. дискуссия о том, является ли библиотековедение частью педагогической науки, продолжалась и в рассматриваемый период. Было немало сторонников того взгляда, что библиотековедение – самостоятельная наука, тесно связанная с педагогикой, но не входящая в ее состав;

что необходимо разрабатывать специальную, библиотечную педагогику как раздел библиотековедения. Характерно, что Н. К. Крупская ввиду специфичности задач библиотековедения считала отнесение его к педагогическим наукам временным явлением и предлагала установить для работников библиотечного дела ученые степени доктора и кандидата библиотечных наук [102, с. 20].

Н. К. Крупская не отождествляла, как некоторые библиотековеды, воспитательные процессы школы и библиотеки. Критикуя эту точку зрения, она говорила: «Мне кажется, что иногда библиотекари забывают специфику своей работы и часто приравнивают свою роль к роли учителя. Это мне кажется неправильным, потому что одно дело – школа, где программа требует определенной систематики, строго продуманной, а другое дело – чтение книг, которое должно быть поставлено гораздо более свободно» [43, с. 648]. Задачу детских библиотек она видела в том, чтобы, с одной стороны, не сводить чтение детей только к изучению литературы по программам, а, с другой, – бороться против отрыва библиотеки от школы.

Изучением взаимосвязей педагогики и библиотековедения особенно активно занимался Д. А. Балика, который вкладывал в содержание библиотечного дела социально-педагогический смысл. В рассматриваемый период он продолжал разрабатывать библиотечную педагогику, под которой понимал методику работы с читателями. Д. А. Балика отмечал, что библиотечная педагогика отличается от школьной своими задачами и не следует их смешивать; на развитие библиотечной педагогики большое влияние оказали методы работы с книгой в большевистских агитационно-пропагандистских кружках и кружках самообразования [113].

Исследование взаимосвязей библиотековедения и педагогики было плодотворным, потому что способствовало разрешению проблем руководства чтением как в библиотеке, так и в школе.

В 30-е гг. уделялось внимание изучению взаимосвязей библиотековедения с психологией, определению значения последней для развития теории и практики библиотечного дела. П. И. Гуров, подчеркивая, что психологические аспекты библиотечной работы еще слабо разработаны, считал необходимым подкрепить библиотечную теорию и практику данными психологии, «поспешить с разработкой марксистской психологии библиотечной работы» [202].

Д. А. Балика также отмечал, что советское библиотековедение базируется на данных марксистской психологии. Критикуя вульгарный биологизм в построениях библиотечной психологии, он в то же время полагал, что в работе библиотекаря с читателями нельзя игнорировать строение и функции организма, роль возраста, интересов, болезней и т. п. [113].

В работах тех лет авторы предостерегали от упрощенного понимания взаимосвязей библиотековедения и психологии. Так, Л. А. Шифман считал, что между психологией и библиотечным делом нет такой прямолинейной и

простой связи, которая давала бы возможность из данных психологии непосредственно выводить методику библиотечной работы; теория библиотечного дела обладает своей структурой, своим планом, отнюдь не совпадающим со структурой и планом психологии. Поэтому библиотечная психология как «элемент теории библиотечного дела <...> должна следовать плану библиотечной работы, работать по ее заданию». С этих позиций он критиковал библиопсихологию Н. А. Рубакина, который стремился превратить теорию библиотечного дела в отрасль психологии.

Выступая против преувеличения значения психологии для библиотечной работы, Л. А. Шифман указывал, что пути воспитательных воздействий определяются задачами, которые ставит воспитательному учреждению господствующий класс. Психология помогает лучше, успешнее продвигаться по этим путям, но не определяет самих путей [476, с. 31]. С. Л. Вальдгард также писал, что библиотековедению нужна «своя» библиотечная психология, учитывающая все «качественные особенности» библиотечной работы [163, с. 6].

В этих высказываниях Л. А. Шифмана и С. Л. Вальдгарда содержалось важное теоретическое обоснование места библиотечной психологии как составной части библиотековедения.

В литературе тех лет библиотековедение и библиография назывались обычно родственными науками. Это объясняли тем, что отдельные проблемы библиотековедения и библиографии тесно соприкасаются (каталогизация, классификация, воспитание культуры чтения и т. д.) и должны разрешаться совместно. Указывалось также, что библиотековедческие методы, особенно методы изучения читателей, влияют на развитие библиографии.

Особенно большое значение для развития взаимосвязей этих научных дисциплин имело Всесоюзное совещание по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (1936 г.). Сам факт проведения такого совещания свидетельствовал о внимании к разработке проблем взаимосвязей этих наук. В то же время и на совещании, и в печати указывалось на имеющийся отрыв библиографии от работы библиотек и ставилась задача «увязать библиографический фронт с библиотечным фронтом» [248, с. 9]. Решение этой задачи привело к определению комплекса методов пропаганды книги и работы с читателями, объединенных понятием «библиотечно-библиографическое обслуживание», появившимся именно в 30-е гг.

Усиление информационной функции библиотек потребовало обеспечения ее достаточно развитой научно-теоретической базой и, в частности, решением проблем взаимосвязи библиотековедения и документации.

Одним из первых поставил вопрос о документации и ее взаимосвязях с библиотековедением и библиографией еще в 20-е гг. Б. С. Боднарский. Исходя из положения, что самый важный документ – книга, он пришел к выводу, что документация связана с библиотекой, и в поле зрения ее входит библиотековедение [398, с. 136].

В 30-е гг. Б. С. Боднарский попытался более четко определить понятие «документация», в которую он включал во-первых, совокупность действий, связанных с организацией документов (документация в узком смысле) и, во-вторых, сам объект таких действий, т. е. документы в их совокупности (документация в широком смысле).

Основной целью организации документации он считал превращение изолированных документов в единый комплекс. Отсюда наметились тенденции сближения документации со справочно-библиографической работой и с библиографией. В то же время Б. С. Боднарский предупреждал против скороспелых суждений о тождестве документации, библиографии и справочно-библиографической деятельности. Отмечая самостоятельное значение документации, он указывал на необходимость иметь специальные учреждения (институты, бюро, комитеты и пр.), главной функцией которых являлась бы документация. Вместе с тем документацией, по его мнению, должны заниматься и «вспомогательные документационные организмы», к числу которых он относил библиотеки, архивы, музеи [151].

Таким образом, Б. С. Боднарский правильно определял самостоятельное значение документации и соответственно этому необходимость организации специальных документационных центров и выделял роль библиотек в выполнении информационных функций.

Однако разделяя области деятельности информационных центров и библиотек, Б. С. Боднарский исходил из принятого им ограничения объекта документации. В него он включал лишь мелкие графические документы, специфика которых настолько своеобразна, что требует особых форм для их организации. Информационно-библиографическую работу с книгами он возлагал на библиотеки. Разделение информационных функций между учреждениями на основе вида документа, а не его содержания, было ошибочным и затрудняло четкое выявление взаимосвязей документации и библиотековедения.

В эти годы библиотековеды все чаще обращались к истории библиотечного дела. Н. К. Крупская, отмечая значение таких исследований, говорила: «И теорию библиотечного дела разработать, и нашу практическую работу как следует поставить можно только тогда, когда хорошо известно прошлое, – не только наше, советское прошлое, но и дореволюционное» [124, с. 255].

В поле зрения исследователей находилась проблема взаимосвязи истории библиотечного дела и библиотековедения. Эта проблема нашла свое отражение в работах В. А. Артисевич, Д. А. Балики, Б. В. Банка, А. А. Громовой, Н. И. Карклиной, А. И. Литинского и др.

Они полагали, что разработка вопросов истории библиотечного дела в СССР, изучение истории библиотечной науки, анализ практического опыта библиотек продвинул вперед формирование и разработку советского библиотековедения, позволят научно предвидеть пути его развития.

История библиотечного дела может быть написана только на основе использования теоретических выводов и методов исторической науки. Например, Д. А. Балаика отмечал, что использование исторического метода позволит показать, насколько «от внешних связей мы продвинулись вглубь, в сущность процессов, как открыли новые и новые стороны библиопедагогического процесса, библиотечного дела, как перешли от менее глубоких к более глубоким связям, что выразилось, очевидно, в новых понятиях, которыми обогатилось библиотечное дело» [354, с. 93]. С другой стороны, отмечалось, что изучение истории библиотечного дела имеет большое значение не только для разрешения проблем библиотековедческого порядка, но и для истории духовной культуры в целом.

Эти теоретические положения явились той методологической базой, на основе которой в рассматриваемый и последующие периоды проходило формирование истории библиотечного дела как одной из составных частей библиотековедения.

Исследование взаимосвязей библиотековедения с другими научными дисциплинами обогащало его проблематику, расширяло сферу научных изысканий, имело большое общетеоретическое и методологическое значение, так как показывало, что библиотековедение не только использует теоретические построения и данные других наук, но и само способно влиять на их развитие.

Разработка методики библиотековедческих исследований

К 30-м гг. советские библиотеки накопили достаточный опыт. Теоретически обобщить и осмыслить его с позиций марксистско-ленинской методологии, сделать достоянием всех библиотечных работников, выявить основные тенденции развития библиотечного дела в стране и на этой основе наметить перспективы его развития стало насущной задачей библиотековедения.

Н. К. Крупская писала: «Научиться изучать опыт – это значит научиться смотреть, выработать показатели, мерила качества <...> Научиться собирать – это значит научиться выбирать самое существенное, характерное, яркое. Научиться обобщать – значит научиться смотреть на факты трезво, без нытья и украшения действительности, делать из наблюдений выводы, проверять их. Знать меру количества вопросов – значит научиться выбирать самое важное, самое актуальное, самое показательное» [66, с. 580]. Эти указания послужили руководством, базой для теоретической разработки методики библиотековедческих исследований.

Развитие методики библиотековедческих исследований в 30-е гг., как и в предыдущий период, прежде всего шло в направлении изучения читателей. Причем, в отличие от прошлых лет значительно больше внимания уделялось не отдельным методам, а их системе, обоснованию общих методологических требований.

Методологические проблемы изучения читателей были сформулированы Н. К. Крупской. Она подчеркивала, что раньше изучали индивидуального чи-

тателя, а «сейчас надо выбирать тот слой, который имеет в данный момент решающее значение, изучить, как, чем он интересуется, не только на основании читательского спроса, а изучать надо одновременно и жизнь, которая будит определенные интересы у читателя» [78, с. 522]. Она ставила перед советским библиотековедением задачу марксистско-ленинского изучения читателя [57, с. 695].

Значительный вклад в исследование этой проблемы внес Д. М. Лекаренко. Он считал, что изучать читателей – это не значит фотографировать их. Исследователь должен подходить к вопросу с определенных идейных позиций и обязан в ходе изучения читателей проверять, насколько правильны его предположения. Он подчеркивал, что исследование и используемые в нем выводы не могут быть оторваны от мировоззрения, что объективность выводов обусловливается той идейной позицией, которой руководствуется исследователь [272].

Советские библиотековеды пришли к важному методологическому выводу о том, что необходимым условием получения объективных данных является наличие системы методов изучения читателей. Например, Д. М. Лекаренко и В. А. Невский указывали, что ни одно исследование, проведенное только одним каким-либо методом, не может быть достоверным. Читательские интересы, как и вся библиотечная работа, – столь сложное явление, что исследование их требует не только ознакомления с читательскими формулярами и регистрации спроса, но и достаточно глубокого изучения самого читателя с его производственным и бытовым окружением. В период обследования должны учитываться также особенности политической и хозяйственной жизни района, книжного рынка, даже больше – жизни нашей страны в целом [273].

Е. И. Хлебцевич, характеризуя анкетный метод изучения читательских интересов, также отмечал, что данные анкетного опроса требуют объективной проверки либо постановкой «добавочного опыта», либо применением других методов, позволяющих проверить полученные выводы [440, с. 158].

Эти положения имели большое методологическое значение, ибо, как указывала Н. К. Крупская, методы изучения читателей, которые использовались в библиотековедении, «весьма мало научны, первобытны, с марксизмом имеют весьма мало общего» [60, с. 395].

Однако выработанные методологические положения не оказали существенного воздействия на изучение читательских интересов, которое велось в 30-е гг., особенно во второй их половине, менее активно, чем в 20-е гг. Не проводились централизованные исследования, данные вопросы редко освещались в печати. Была по существу прекращена теоретическая разработка таких проблем, как изучение процесса чтения и восприятия прочитанного; психологическое воздействие форм и методов пропаганды книги и руководства чтением. К исследованию этих проблем советские библиотековеды обратились вновь лишь в 60–70-е гг.

Некоторое внимание уделялось методике исследования библиотечной практики. При этом особое значение придавалось непосредственному наблюдению и эксперименту. Так, А. Я. Виленкин указывал, что основным направлением изучения библиотечной практики является «широкое развертывание обследовательской работы в сочетании с <...> постановкой опытных, экспериментальных мероприятий» [173, с. 10]. Обращалось также внимание на необходимость использования в этих целях сравнительного метода. Л. Б. Хавкина отмечала, что сравнительное изучение какого-либо вопроса «не только помогает его осветить и усвоить в теории, но и выбрать для практики то, что наиболее подходит к нашим условиям» [435, с. 71].

В эти годы продолжалась разработка методов исследования эффективности библиотечной работы, что было теснейшим образом связано с попытками определить критерии оценки библиотечной деятельности. Например, М. П. Гастфер полагал, что изучение эффективности работы библиотеки должно проходить по следующим признакам в их восходящем порядке: прочитана ли указанная литература, как она усвоена, какой производственный эффект достигнут благодаря этому. М. П. Гастфер считал, что учет эффективности должен осуществляться путем анализа читательских формуляров, бесед с читателями, ведения читательских дневников, читательского рецензирования, контактов с производством, где они работают, и т. д. [181, с. 4]. Основной недостаток этой методики заключался в том, что предложенные показатели эффективности не обладали достаточной количественной определенностью и потому не поддавались точному измерению.

На совещании директоров научных библиотек Наркомпроса РСФСР (1934 г.) были предложены следующие качественные критерии оценки работы научной библиотеки: коэффициент использования книжного фонда как главный показатель; процент удовлетворенных читательских требований и процент отказов; коэффициент активности справочно-библиографической работы (соотношения количества справок к числу читателей и количеству книг); удельный вес плановой библиографии, листаж, характер и качество издаваемых научных работ [284].

Если первые три показателя обладали количественной определенностью, поддавались сравнению и в какой-то мере характеризовали качество обслуживания читателей и использования книжных фондов, то четвертый критерий не обладал такими свойствами, ибо неизвестно, чем измерить качество издаваемых научных работ, а количество печатных листов никак не может быть показателем их высокого уровня.

В рассматриваемый период, как и в 20-е гг., методы библиотековедческих исследований разрабатывались в основном для изучения читателей и библиотечной практики. При этом методы изучения читателей, как наиболее развитые, оказывали влияние и на разработку методов исследования библиотечной практики. В литературе тех лет неоднократно подчеркивалась возможность

применения методов изучения читателей в исследованиях проблем библиотечной практики.

В то же время следует отметить, что методы исследования читателей и библиотечной практики разрабатывались, как правило, самостоятельно и параллельно и почти не рассматривались как методы библиотековедческих исследований в целом. По-прежнему основное внимание уделялось методам изучения читателей. Вопросы углубленного изучения опыта библиотек, особенно проведения наблюдений и экспериментов, анализа и обобщения библиотечной практики, по существу, не получили в эти годы теоретического и методологического обоснования.

* * *

В 30-е гг. разработка общетеоретических и методологических проблем библиотековедения проходила под непосредственным влиянием ленинских идей. Н. К. Крупская писала в эти годы: «На библиотечном участке культурного фронта работа значительно облегчается тем, что мы имеем довольно подробные указания Владимира Ильича, который всегда чрезвычайно внимательно относился к библиотечному делу» [51, с. 17].

Н. К. Крупская активно продолжала работу по собиранию и изданию документов В. И. Ленина о библиотечном деле. Вышло в свет три исправленных и значительно дополненных издания ее сборника «Что писал и говорил Ленин о библиотеках» (1929, 1932, 1934 гг.), в которые впервые был включен ряд новых ленинских документов. Она ставила задачу собирания, систематизации и издания всех работ и всех высказываний В. И. Ленина по вопросам культуры и просвещения. Н. К. Крупская отмечала, что решение этой задачи очень важно, так как «вскроет все связи и опосредствования, в которых брал Владимир Ильич вопросы культуры и просвещения» [532, с. 484].

Вместе с тем Н. К. Крупская считала необходимым критически проанализировать все, что написано о взглядах В. И. Ленина на вопросы культуры и просвещения. В области библиотечного дела эта задача решалась, прежде всего, самой Надеждой Константиновной. В своих работах она глубоко анализировала идеи В. И. Ленина о библиотечном строительстве, связывая их с его учением о культуре и культурной революции. Н. К. Крупская подчеркивала, что учение В. И. Ленина о культуре и культурной революции является той научно-теоретической базой, на основе которой необходимо оценивать деятельность библиотек. Именно с этих позиций она разрабатывала теоретические вопросы советского библиотечного дела.

Рассматриваемый период отмечен новым шагом в развитии марксистско-ленинской теории библиотечного дела. С позиций ленинского принципа партийности были проанализированы роль библиотек в социальной жизни общества, их социальные функции, место в общегосударственной системе руководства чтением, и на основе этого анализа сделан важнейший теоретический вывод о том, что библиотековедение является общественной наукой.

В 30-е гг. отчетливо проявляется тенденция к формированию советского библиотековедения в самостоятельную научную дисциплину, происходит дальнейшее обоснование его марксистско-ленинской методологии, взаимосвязей с другими науками.

Неоценимый вклад в разработку основных общетеоретических и методологических проблем библиотековедения внесла Н. К. Крупская. Глубокое понимание марксизма-ленинизма, умение творчески применять его методологию позволяли Н. К. Крупской выдвигать и решать новые актуальные проблемы библиотечного дела.

В 30-е гг. Н. К. Крупской были заложены основы советской теории руководства чтением: разработаны его ведущие методологические принципы (партийность, активность, дифференцированный подход), сформулированы предъявляемые к нему методические требования. В руководстве чтением она видела сущность библиотечной работы [27]. В своих разработках Н. К. Крупская опиралась на ленинский принцип партийности, на идеи и взгляды В. И. Ленина о роли библиотек в социальной жизни общества, о библиотечной работе как активном воспитательном процессе, на опыт революционных партийных организаций по руководству массовым самообразовательным чтением.

В своей совокупности взгляды Н. К. Крупской на проблемы руководства чтением, основанные на положениях ленинского учения о культуре и культурной революции, о роли книги и чтения в духовном развитии различных слоев советского общества, явились той теоретической и методологической базой, на которой строится советское библиотековедение как общественная наука.

Общетеоретические проблемы советского библиотековедения получили в 30-е гг. дальнейшую разработку на основе марксистско-ленинской методологии.

Однако многие вопросы, в частности, о предмете и объекте библиотековедения, о его месте в системе наук, о методологических принципах библиотечных исследований, были лишь поставлены. Незавершенность этих проблем тормозила формирование библиотековедения как науки. Оно во многом еще оставалось научной дисциплиной прикладного характера.

Глава 3

Состояние библиотечной науки в 1946–1958 гг.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны позволило партии и советскому народу приступить к восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства страны. Коммунистическая партия и Советское правительство, направляя усилия народа на решение экономических задач социалистического строительства, в то же время большое внимание уделяли идеологическому воспитанию широких масс трудящихся.

Определяя задачи идеологической работы, ЦК партии принял в послевоенные годы ряд важных постановлений, в которых были отмечены достижения советской культуры и одновременно вскрыты серьезные недостатки в развитии литературы и искусства. Задачи, поставленные партией перед идеологическими учреждениями, послужили программой дальнейшего развития теории и практики библиотечного дела.

По инициативе ЦК партии были проведены теоретические дискуссии, которые способствовали преодолению недостатков в развитии науки, укрепляли принцип партийности, содействовали повышению уровня научных исследований. Теоретические дискуссии, особенно дискуссия по проблемам марксистско-ленинской философии (1947 г.), оказали значительное влияние на создание теоретических основ библиотековедения как общественной науки.

В послевоенный период прошли Всероссийское совещание библиотечных работников (1948 г.) и Совещание актива библиотечных работников по вопросам научно-методической и библиографической работы (1952 г.). Библиотечные институты и крупнейшие библиотеки регулярно проводили конференции по итогам научной работы. Среди них особое значение имели научные конференции, посвященные 30-летию (1947 г.) и 40-летию (1957 г.) Великой Октябрьской социалистической революции.

В эти годы создавались библиотечные отделения и факультеты при высших учебных заведениях в ряде союзных республик, что способствовало расширению круга исследователей, вовлечению в теоретическую работу национальных научных кадров. Активизировалась подготовка научных кадров через аспирантуру, с каждым годом увеличивалось число защищенных кандидатских диссертаций, выходили первые учебники и учебные пособия для вузов, в которых обобщались итоги развития советского библиотековедения.

Появился ряд новых изданий, освещающих проблемы теории и практики библиотечного дела, среди которых особое значение имели сборники «Библиотеки СССР. Опыт работы» и «Библиотековедение и библиография за рубежом». Московский и Харьковский библиотечные институты возобновили издание «Трудов», прерванное Великой Отечественной войной. «Труды» издавали также Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н. К. Крупской, Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук

СССР, Государственная публичная историческая библиотека, Научная библиотека Саратовского университета.

Определение закономерностей библиотековедения, его предмета и объекта

Большое значение для дальнейшего развития научно-теоретических основ советского библиотековедения имели собрание и публикация теоретических работ В. И. Ленина и Н. К. Крупской по библиотечному делу. В 1955 г. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина подготовила пятое издание сборника «Что писал и говорил Ленин о библиотеках», а в 1957 г. сборник работ Н. К. Крупской «О библиотечном деле».

В работах В. Е. Васильченко, Н. И. Карклиной, А. Г. Кравченко, З. Э. Лусс, И. М. Фрумина и др. систематизировались взгляды В. И. Ленина на проблемы библиотечного дела, назывались те основные принципиальные положения, которые были им выдвинуты и получили развитие в постановлениях партии и правительства о библиотечном деле, а также в работах Н. К. Крупской; раскрывалось их воплощение в практике библиотечного строительства в СССР.

Принципиально важным было выдвинутое еще Н. К. Крупской положение о том, что ленинское наследие по библиотечному делу необходимо рассматривать не изолированно, а как составную часть ленинской программы культурной революции. Н. И. Карклина писала в эти годы: «Указания В. И. Ленина о задачах библиотек, являющиеся неотъемлемой частью марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции, составляют принципиальные основы советского библиотековедения» [236, с. 8].

Однако большинство библиотекведов все еще ограничивало свою задачу изложением взглядов В. И. Ленина, ссылаясь на принципиальное значение выдвинутых им положений. Глубокий и всесторонний анализ ленинских идей, как правило, отсутствовал.

Это, в частности, выражалось в том, что рассматривались в основном ленинские указания по организационным вопросам библиотечного дела. Критикуя такую позицию, И. А. Месеняшин писал, что организационные принципы, несмотря на то огромное значение, которое придавал им В. И. Ленин, все же являются производными, вытекающими из его учения о коммунистическом воспитании и роли библиотек в нем [290, л. 4].

К тому же отдельные ленинские положения получили неправильное, одностороннее освещение и объяснение. Например, положение о единой библиотечной сети трактовалось Н. И. Карклиной только как требование широкого развития межбиблиотечного абонементов [236, с. 7]. В. Е. Васильченко и Н. И. Карклина считали, что ленинские указания о централизации библиотечного дела имели отношение лишь к периоду военного коммунизма. Поэтому попытки построения в нашей стране централизованной сети библиотек они расценивали как неправильное и упрощенное понимание указаний В. И. Ленина о планомерной организации библиотечного дела [170, с. 82–83; 238, л. 167].

Такое узкое понимание ленинских идей неизбежно вело к умалению их основополагающего значения для дальнейшего развития библиотечного дела.

Уделялось также известное внимание теоретической разработке наследия Н. К. Крупской. Изложением ее взглядов занимались Е. А. Горш, Н. Н. Житомирова, Е. В. Сеглин, О. С. Чубарьян. Указывая на значение трудов Н. К. Крупской для развития советского библиотековедения, эти авторы подчеркивали, что в них содержатся ценные мысли, принципиальные положения и советы по всем библиотечным вопросам, что ее принципиальные указания являются идейно-теоретическими основами советского библиотековедения. Например, О. С. Чубарьян отмечал, что значение библиотековедческих работ Н. К. Крупской заключается в том, что они содержат основы новой советской библиотечной теории, помогают борьбе с буржуазными теориями библиотечного дела, помогают тому, чтобы советское библиотековедение «заняло господствующее положение и определило пути развития библиотечного дела в СССР в соответствии с потребностями социалистического общества» [452, с. 41]. В то же время следует отметить, что разработка теоретического наследия Н. К. Крупской также сводилась, в основном, к более или менее последовательному изложению ее взглядов, а не к их теоретическому анализу и обобщению.

Однако рассмотрение в 40–50-х гг. теоретического наследия В. И. Ленина и Н. К. Крупской, несмотря на указанные недостатки, способствовало более четкому определению научно-теоретических основ советского библиотековедения.

Все более утверждается положение, что научно-теоретической основой советского библиотековедения является марксистско-ленинское учение о культуре и коммунистическом воспитании, что советское библиотековедение отражает закономерности культурного развития советского общества, так как и организация и методика библиотечного дела обусловлены развитием культуры, ее закономерностями.

Библиотековедение продолжали рассматривать как одну из общественных наук. Например, И. Г. Марков подчеркивал, что библиотековедение – это идеологическая дисциплина и ставил перед ним задачу научного обоснования его преимуществ по сравнению с буржуазным; критического освоения всего лучшего, что было достигнуто в этой области в дореволюционной России при одновременной критике всего отсталого, формального, буржуазного, ненаучного, что имело тогда место; критического преодоления буржуазного влияния [281, л. 19].

Советские библиотековеды пришли к выводу, что нет единого библиотековедения, а есть две различные его системы: социалистическая и буржуазная. Так, Б. Ю. Эйдельман считал, что принципиальная разница между буржуазным и социалистическим библиотековедением заключается в том, что первое видит в библиотечной работе «ремесло и формалистический стандарт»,

а второе рассматривает библиотеку как важный участок идеологического фронта [377, л. 3].

В изложении Б. Ю. Эйдельмана принципиальное различие социалистического библиотековедения и буржуазного выглядит упрощенным, поскольку не отражает идеологической сущности библиотечного дела капиталистических стран. Поэтому прав был Л. А. Раков, который отмечал, что буржуазное библиотековедение отличается от социалистического не только формальными моментами. Буржуазное библиотековедение активно также и политически, оно озабочено содержанием книг, их рекомендацией, их тенденциозным подбором. Он справедливо полагал, что различие социалистического библиотековедения и буржуазного заключается в том, что они основываются на противоположных мировоззрениях [377, л. 2].

Вместе с тем некоторые теоретики и практики считали невозможным заимствовать даже организационные формы работы библиотек капиталистических стран. Свое негативное отношение к зарубежному опыту они мотивировали тем, что библиотечное дело является идеологической деятельностью. Например, Н. И. Карклина считала, что советский библиотекарь, работающий в области идеологии, не может идти по пути каких-либо заимствований принципов буржуазного библиотековедения, будь то принципы организации сети, или классификации, или книгоописания, или организации фондов и каталогов [238, л. 305].

Отрицание зарубежного опыта приводило к тому, что в советской библиотечной практике зачастую не использовались организационные достижения, которыми в ряде случаев располагали библиотеки капиталистических стран.

Принципиальное отличие советского библиотековедения видели также в тесной связи с библиотечной практикой. Так, Ф. И. Каратыгин полагал, что ведущей особенностью советского библиотековедения и его коренным отличием от библиотековедения капиталистических стран является действенный характер, направленный на оказание помощи партии и государству в решении задач коммунистического строительства [230, л. 6].

В 40–50-х гг. предпринимаются новые попытки уточнить предмет советского библиотековедения. Одно из определений было сформулировано кафедрой библиотековедения Московского библиотечного института: «Предмет советского библиотековедения – изучение всей совокупности вопросов организации (в широком смысле слова) общественного пользования книгами» [231, л. 20–21]. Аналогичное определение предлагал И. Г. Марков, который писал, что библиотековедение занимается теорией организации, функционирования и ведения библиотек [282, с. 109].

Эти определения предмета библиотечной науки нельзя признать удачными, так как они ограничивают его проблемами организации. Стремясь расширить определение предмета, Ф. И. Каратыгин предлагал дополнить его *«методами общественного пользования книгами»* [231, л. 21]. Определение такого

же плана дала Н. Я. Фридьева, которая работая полагала, что библиотекведение – это наука о принципах построения работы советских библиотек и библиотечного дела в СССР, об организации и методах работы [421, с. 7].

Дополнение о методах работы библиотек было весьма существенным в этих определениях, но оно по-прежнему не выявляло сущности, содержания библиотечной деятельности.

Более полно предмет библиотекведения был выражен Ю. В. Григорьевым, который характеризовал его как научное обоснование всех вопросов организации и содержания работы библиотек [189, с. 154–155]. Однако и в этом определении оставалась не раскрытой суть их работы.

Правильнее, с нашей точки зрения, подошла к определению советского библиотекведения Т. В. Крюгер, которая рассматривала его как науку о руководстве чтением в целях коммунистического воспитания читателей. Определяя таким образом его предмет, она исходила из положения, что руководство чтением является основным содержанием работы библиотеки [267, л. 21].

В какой-то мере близким к определению Т. В. Крюгер было определение И. А. Месеняшина. Он считал, что библиотекведение – это наука о развитии библиотечно-воспитательного процесса, о сущности и закономерностях этого процесса в социалистическом обществе [289, л. 63]. В библиотеке осуществляется, как он полагал, целостный воспитательный процесс в результате объективно происходящих взаимодействий между произведениями печати, определенным образом организованными, библиотекарем и читателем. Поэтому предметом библиотечной науки является раскрытие закономерных связей между явлениями библиотечно-воспитательного процесса [290, л. 12].

Положительная сторона определений Т. В. Крюгер и И. А. Месеняшина заключалась в том, что в них подчеркивалось основное содержание библиотечно-воспитательного процесса, исследование которого и должно являться предметом советского библиотекведения. В то же время и эти определения не были свободны от недостатков. В них, как и в других определениях предмета, данных в эти годы, задача библиотечной теории ограничивалась изучением библиотеки и игнорировалась такая важнейшая проблема, как исследование связей библиотеки с социальной и культурной жизнью общества.

Узкое понимание предмета библиотекведения было тесно связано с ограниченным определением его объекта. Следует сразу же отметить, что единого взгляда на объект библиотекведения в эти годы также не было.

Как и в предыдущие периоды, многие авторы не разделяли предмет и объект, зачастую называя объект предметом. Так, Ю. В. Григорьев считал, что предмет советского библиотекведения – советская библиотека [189, с. 155]. В. А. Артисевич полагала, что книга, библиотека и читатель – и есть та «триада», которая является предметом библиотекведения [111, л. 1].

И. А. Месеняшин, принимая за объект библиотекведения библиотеку, включал в него три взаимосвязанных элемента: библиотекаря, определенным

образом организованные фонды и соответствующий аппарат для их использования; читателя. Он подчеркивал, что библиотечку составляет не каждый из этих элементов в отдельности, а лишь их совокупность, цельность и единство. В библиотеке происходит не механическое объединение трех элементов, а создаются определенные отношения между ними [289, л. 10].

Нетрудно заметить, что авторы названных определений, хотя и говорили о предмете библиотековедения, но фактически обосновывали его объект. Что же касается определений объекта, данных В. А. Артисевич и И. А. Месеняшиным, то они были наиболее перспективными. Именно представления этих авторов получили дальнейшее развитие в советском библиотековедении и явились предметом теоретических дискуссий.

Для становления советского библиотековедения как науки важнейшее значение имела также разработка его законов и закономерностей. В 50-е гг. их исследованием занимался И. А. Месеняшин. Рассматривая библиотечную деятельность как целостный воспитательный процесс, он попытался раскрыть его закономерности и сформулировать законы, которые, по его мнению, должны отражать воспитательные функции, выполняемые библиотекой в ходе отношений между книгой, библиотекарем и читателем.

Важнейший закон библиотековедения, как пишет И. А. Месеняшин, открыл В. И. Ленин. Его суть заключена в известной ленинской формуле: «...видеть гордость и славу публичной библиотеки <...> в том, *как широко* обращаются книги в народе...» [2, с. 348]. И. А. Месеняшин полагал, что в этом законе заключено самое существенное в библиотечном воспитательном процессе: широкая обращаемость книг в народе, максимальное привлечение в библиотеку различных категорий читателей и удовлетворение их запросов. В этом, подчеркивал И. А. Месеняшин, основа основ объективного существования библиотек.

И. А. Месеняшин указывал, что В. И. Ленину принадлежит также формулировка закона планомерного развития библиотек в условиях социалистического общества, в котором проявляется объективная закономерность социалистической революции.

И. А. Месеняшин называл еще следующие законы: рекомендательность, в которой видел самую существенную черту библиотечного воспитательного процесса; соответствие задач библиотек по коммунистическому воспитанию трудящихся запросам читателей, деятельности библиотекарей, составу книжных фондов; массовость, активное участие широких масс трудящихся в библиотечном строительстве. Отмечая, что названные им законы действуют в библиотечной практике, И. А. Месеняшин полагал, что они одновременно являются и законами библиотечной науки [289, 290].

Разработка И. А. Месеняшиным основных законов библиотековедения представляет несомненный интерес как одна из первых попыток в этом направлении. К сожалению, его работа не была опубликована и осталась неизвестной большинству библиотечников. Положительной чертой его исследо-

вания следует признать попытку найти объективные закономерности библиотечного воспитательного процесса.

Однако вряд ли правомерно относить выявленные И. А. Месеняшиным закономерности к библиотечной теории и практике в целом и тем более возводить их в ранг законов библиотечной науки. По существу речь шла не о законах библиотековедения, а о некоторых закономерностях развития библиотечной практики.

Следует заметить, что недостаточное внимание к разработке закономерностей библиотековедения в 40–50-е гг. объяснялось тем, что наличие их в данной дисциплине вообще отрицалось некоторыми исследователями. Так, Ф. И. Каратыгин полагал, что связь между явлениями и фактами библиотечного дела не обусловлена какими-то объективными закономерностями. И поскольку библиотечная работа является «целесообразной деятельностью», т. е. находящейся в зависимости от тех целей и средств их осуществления, которые выдвигают общество и государство, то она и определяется общими принципами культурно-просветительной политики, имеющими для нее силу закона [231, л. 17–18].

Положения Ф. И. Каратыгина содержали правильное утверждение о том, что принципы советского библиотековедения следует рассматривать как закономерности библиотечной деятельности. Однако отказ от разработки закономерностей самого библиотековедения означал по существу и отказ от рассмотрения его как науки. Неслучайно, что Ф. И. Каратыгин и не считал библиотековедение наукой, а определял его как самостоятельную отрасль знания. Очевидно, что подобные представления сдерживали процесс формирования советского библиотековедения как самостоятельной науки, мешали определению его места в системе наук.

Как видим, в рассматриваемый период продолжалась разработка научно-теоретических основ советского библиотековедения, уточнялись его цели, задачи, предмет и объект исследования, велась активная борьба с буржуазными теориями библиотечного дела, предпринимались первые попытки обоснования законов и закономерностей библиотечной теории и практики. Но вместе с тем еще недостаточно глубоко исследовалось наследие В. И. Ленина и Н. К. Крупской, не уделялось должного внимания обоснованию предмета и объекта библиотечной науки с позиций марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции.

Уточнение социальных функций библиотеки в условиях завершения строительства социализма

В послевоенные годы деятельность библиотековедов была направлена на показ тех преимуществ, которыми располагает советская библиотечная система по сравнению с капиталистической, и на разоблачение реакционной сущности последней. При этом подчеркивалось, что не только по своим организационным формам, рассчитанным на максимальное приближение книги к

народу, но и по содержанию, по идейной направленности советская библиотечная система является самой демократичной в мире.

Обосновывались и развивались теоретические положения, определяющие характерные черты советской библиотечной системы. Важнейшее из них – положение о возрастающей роли библиотек по мере развития социалистического общества. С усилением культурно-воспитательной деятельности Советского государства возрастает и значение всех орудий и средств коммунистического воспитания, а следовательно и библиотек.

Разрабатывалось также положение об отражении в советской библиотечной системе ленинской национальной политики, о всемерном содействии советских библиотек развитию социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов СССР. О. С. Чубарьян отмечал, что в библиотечном строительстве национальная политика Советского государства проявляется в организации сети библиотек с учетом особенностей расселения, условий жизни и быта народов СССР; в широкой пропаганде национальной литературы, отражающей участие данного народа в развитии экономики и культуры страны; в применении форм и методов обслуживания населения книгой, вытекающих из уровня культуры, национальных традиций и условий жизни народа [458, с. 5–6].

Разрабатывалось еще одно положение, определяющее социальную роль библиотек в жизни советского общества, – о важности равномерного обслуживания городского и сельского населения как одного из условий социальных преобразований. В частности, подчеркивалась необходимость использования всех возможностей, предоставляемых нашей системой библиотечного обслуживания для максимального удовлетворения потребностей сельского населения.

Выделялись те общие черты, которые характеризуют деятельность советских библиотек: подчинение всей работы политическим и народнохозяйственным задачам; активная пропаганда ценных в идейно-теоретическом отношении научных и художественных произведений; содействие политическому развитию, расширению теоретического кругозора, росту культурного уровня, производственной и деловой квалификации читателей; развитие у них умения понимать политический смысл и самостоятельно оценивать идейно-теоретический уровень прочитанного; вовлечение их в активную работу библиотеки.

Исходя из общих положений о роли библиотеки в социалистическом обществе, исследователи уточняли и конкретизировали социальные функции советских библиотек. В библиотековедении сложился взгляд на библиотечную работу как на активный воспитательный процесс, содержанием которого является развитие у трудящихся коммунистического сознания. Характеризуя суть воспитательной функции, библиотековеды подчеркивали, что в ее основу заложен принцип партийности, который заключается в активной пропаганде трудов классиков марксизма-ленинизма, важнейших историко-партийных до-

кументов, решений партии и правительства, лучшей в политическом, научном и художественном отношении литературы.

Дальнейшую теоретическую разработку получила образовательная функция, основное содержание которой – содействие всестороннему развитию личности, а важнейшее средство реализации – комплексная пропаганда литературы. Суть этой функции всегда видели в том, чтобы постоянно расширять читательские интересы, обращать внимание читателей на глубокие взаимосвязи между отдельными вопросами и явлениями, раскрытыми в книгах по различным отраслям знания, бороться с узким, односторонним чтением.

После окончания Великой Отечественной войны активно выдвигается проблема самообразования трудящихся и в первую очередь молодежи. В связи с этим перед библиотековедами вновь встали вопросы самообразовательного чтения и роли библиотек в самообразовании. Прежде всего было подчеркнуто коренное отличие содержания и организации самообразовательного чтения в 40-е гг. от его характера и постановки в предыдущие периоды культурного строительства. Если раньше самообразование для многих заменяло школу, то теперь оно служило углублению и расширению знаний, получаемых в школе. Следовательно, возросло значение библиотек и изменился характер их работы в помощь самообразованию.

Вместе с тем имели место тенденции ограничить понимание значения самообразовательного чтения и роли в нем библиотек. Одна из них сводилась к утверждению, что обязательное семилетнее образование и ближайшая перспектива полного среднего образования снимают с библиотек задачу оказания помощи самообразованию трудящихся.

Другая тенденция, наоборот, характеризовалась расширительным толкованием образовательной функции библиотеки. Вся ее деятельность рассматривалась как помощь самообразованию, т. е. по существу также отрицалась необходимость вести в библиотеках особую работу в этом направлении. Возражая против подобных взглядов, З. Э. Лусс подчеркивала, что помощь самообразованию – это органическая часть работы каждой библиотеки, но в то же время далеко не исчерпывающая всей работы с читателями [177, с. 148].

И, наконец, следует напомнить еще об одной позиции по вопросу самообразовательного чтения. Его считали методом приобретения знаний в объеме школьной программы. Выступая против такой позиции, З. Э. Лусс, В. Г. Олишев, Б. А. Смирнова и др. отмечали, что целью самообразования может быть стремление в определенной последовательности овладеть кругом знаний, необходимых современному образованному человеку, или углубление знаний в одной определенной отрасли, либо стремление с помощью книг получить образование по программе учебного заведения. Поэтому они считали ошибочным представление о том, что к числу занимающихся самообразованием относятся только малоподготовленные читатели. На самом деле самообразованием занимаются самые разнообразные группы читателей, от малограмотного до уче-

ного. Этим самым еще раз подчеркивалось всеобщее значение образовательной функции библиотек в социалистическом обществе.

В эти годы продолжалась разработка проблем осуществления библиотечными такой важной социальной функции, как помощь развитию производства. Процесс восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства вызвал необходимость теоретического обоснования системы библиотечного обслуживания промышленности, уточнения функций библиотек разных типов в обслуживании производства.

Значительный вклад в разработку этой проблемы внесли Ф. И. Каратыгин, И. А. Мохов, О. С. Чубарьян и др. Они подчеркивали особую роль научно-технических библиотек, которые составляют органическую часть предприятия. Основная их задача заключается в действенной пропаганде технической книги, в активной помощи научным учреждениям и промышленным предприятиям; в содействии техническому прогрессу. Свою работу по библиографической информации они должны вести совместно с органами научно-технической информации.

Ф. И. Каратыгин, характеризуя советские технические библиотеки, указывал, что они развивались в активной борьбе с «теориями» ограничения деятельности технических библиотек информационными функциями, обслуживанием только специалистов и только технической книгой, отрицания работы с общественно-политической литературой, непризнания специфики технических библиотек и попытками слить их с профсоюзными библиотеками [233, л. 1].

В то же время подчеркивалось, что пропагандой новейших достижений науки и техники, производственной литературы должны заниматься все библиотеки, в том числе и массовые. На Совещании актива библиотечных работников о научно-методической и библиографической работе (1952 г.) указывалось, что некоторые методические центры неправильно ориентируют государственные массовые библиотеки, считая, что они должны рекомендовать литературу лишь по истории техники, о русских ученых и изобретателях; пропаганду же производственно-технической литературы должны вести только профсоюзные и технические библиотеки. Другие, напротив, не видели никакой разницы между техническими и массовыми, возлагая на последние обязанности технических библиотек. Совещание поставило задачу: четко определить роль массовых библиотек в области пропаганды технической книги [275, с. 7–8].

Таким образом, в 50-е гг. были выработаны важные принципиальные направления помощи библиотек производству (взаимосвязь органов НТИ и библиотек; участие всех типов библиотек в обслуживании нужд производства и координация их деятельности), которые легли в основу построения системы библиотечно-библиографического обслуживания промышленности.

В послевоенные годы советские библиотековеды работали также над проблемой «Библиотеки на службе науки». В докладе по данной теме на научной сессии Московского библиотечного института (1946 г.) Ю. В. Григорьев обосно-

вал важный вывод о том, что свой вклад в обслуживание науки должна внести вся система советских библиотек [188].

Этот вывод имел в дальнейшем большое значение для понимания принципиального положения: помощь развитию науки есть функция, присущая не только научным и специальным, но и массовым библиотекам.

Однако, в докладе Ю. В. Григорьева содержалось ошибочное ограничение задач научной библиотеки выполнением функции научно-вспомогательного учреждения по отношению к обслуживаемым отраслям науки, т. е. политико-просветительная, воспитательная функция исключалась из работы научных библиотек. На сходной позиции стоял и И. М. Фрумин, который считал, что библиотеки могут быть либо культурно-просветительными, либо научно-вспомогательными учреждениями. В частности, массовые библиотеки он относил к культурно-просветительным учреждениям лишь общеобразовательного характера [428, л. 43]. Эти утверждения противоречили сложившимся в советском библиотековедении представлениям об общности социальных функций всех советских библиотек.

Подобные представления о задачах научных библиотек были подвергнуты критике. И. Б. Симановский подчеркивал, что помимо специальных задач по обслуживанию советской науки и производства и возможно большего расширения круга своих читателей за счет работников науки и специалистов, перед научными библиотеками стоит задача все более тесного сближения в обслуживании читателей с массовыми библиотеками. Он считал, что различие между научной и массовой библиотеками является в достаточной степени условным и базируется на функциональном разграничении, а не на принципиальных основах и что «продвижение научной, в том числе специальной литературы в самые широкие народные массы и есть подлинная массовая работа нашего времени и подлинная задача как массовых, так и научных библиотек» [383, с. 278].

Особое значение в этом смысле имела статья Д. Д. Иванова «Пропаганда науки и специальные залы публичных библиотек» [221], опубликованная в 1948 г. в порядке предварительной постановки вопроса и вызвавшая оживленную дискуссию и резкую критику в библиотечной печати.

Д. Д. Иванов ставил перед библиотечной теорией задачу поиска путей, позволяющих использовать книжные богатства научных библиотек для систематического и активного распространения науки в массах. Он подчеркивал, что за годы Советской власти сделано очень много для активизации политико-просветительных функций библиотек.

В этом направлении развивалась преимущественно и советская библиотечная теория. Но в то же время еще не было четкого представления о научной библиотеке как системе научно-вспомогательной работы, основном научно-вспомогательном учреждении особого типа, имеющем громадное значение для развития научно-исследовательской работы.

Автор предлагал выделить такую функцию публичных библиотек, как содействие самостоятельному изучению науки широкими слоями советской интел-

лигенции. Эту функцию должна выполнять система специальных (отраслевых) читальных залов, с помощью которых, с его точки зрения, будут решаться три разные задачи: образовательная, информационная и проблемно-тематическая.

Предложения Д. Д. Иванова не были бесспорными. Так, вызывает возражение его стремление рассматривать массовую библиотеку только как просветительную; спорно и определение задач публичных, т. е. универсальных научных библиотек.

Ф. С. Абрикосова отмечала, что Д. Д. Иванов, ставя перед публичными библиотеками только задачу пропаганды науки, тем самым отделял пропаганду от одновременного процесса обслуживания науки. Она полагала, что если специальная библиотека дает возможность читателям вести углубленную работу в определенной отрасли знания, то универсальная обслуживает разносторонние запросы научных работников и специалистов. Поэтому задачи универсальных научных библиотек шире и многограннее задач специальных библиотек [105].

Однако в целом, несмотря на указанные недостатки, предложения Д. Д. Иванова о широком участии библиотек в пропаганде науки и научных знаний, о их роли в информационном и библиотечно-библиографическом обслуживании науки были весьма ценным вкладом в теорию и практику советского библиотечного дела. К сожалению, его статья встретила в те годы резко отрицательное отношение. Его предложения по развитию научной информации о достижениях мировой науки были отвергнуты и объявлены лженаучными. Забота Д. Д. Иванова о развитии библиотечно-библиографического обслуживания ученых и специалистов квалифицировалась как тенденция отгородить от народа богатейшие книжные фонды научных библиотек. Понятно, что такая критика не способствовала правильному определению функций научных библиотек, тормозила повышение их роли в информационном обеспечении научных исследований и в пропаганде научных знаний.

Сказанное выше показывает, что в рассматриваемый период уделялось значительное внимание социальным функциям советской библиотеки, из которых основной считалась идейно-воспитательная функция. Вся библиотечная работа рассматривалась как единый воспитательный процесс. Получила дальнейшее развитие и конкретизацию образовательная функция, основное содержание которой видели в руководстве самообразовательным чтением. Значительный вклад был внесен в разработку функции содействия производству и, прежде всего, в определение места и роли библиотек разных типов в ее осуществлении. Активно разрабатывался вопрос о месте библиотеки в обслуживании науки.

Разработка теоретических аспектов руководства чтением

В осуществлении социальных функций советской библиотеки важное место отводилось ленинскому принципу активности. Как и в предшествующие периоды, основное внимание уделялось применению этого принципа к основному содержанию библиотечной работы – руководству чтением.

Проблема активного влияния на чтение заняла важное место в теории и практике. В ее решении наиболее отчетливо проявлялся классовый, партийный подход.

На теоретической основе принципа активности уточнялись содержание, объем и направленность руководства чтением. Т. В. Крюгер, З. Э. Лусс, Е. М. Нагловская, В. Ф. Сахаров, Е. И. Хасина и др., разрабатывавшие проблемы руководства чтением, подчеркивали, что оно является основным содержанием деятельности советских библиотек, и определяли его как организованное воздействие на содержание и характер чтения всеми средствами библиотечной работы.

Однако, к сожалению, в 40–50-е гг. мы встречаемся и с попытками ограничить принцип активности в работе советских библиотек. Так, существовал взгляд, которого придерживался, например, В. Е. Васильченко, что руководство чтением – это частный вопрос работы с читателями. Указывая, что руководство чтением нельзя противопоставлять обслуживанию читателей, он в то же время считал, что оно является лишь частью работы с читателями и осуществляется разными библиотеками в большей или меньшей степени в зависимости от состава читателей [170, с. 159].

Наблюдалось также противопоставление понятий «руководство чтением» и «помощь читателю». Вместо того, чтобы рассматривать помощь читателю как составную часть руководства чтением, некоторые утверждали, что одни читатели, менее подготовленные, нуждаются в руководстве чтением, а другие, более подготовленные, – лишь в помощи, совете библиотекаря. Этой позиции придерживались, например, Р. С. Кибрик, Т. С. Ридзиль, Е. И. Хасина.

Возражая против подобных взглядов на активность советской библиотеки, Б. А. Смирнова отмечала, что задача руководства чтением отнюдь не снимается и в работе с высококвалифицированным читателем. Более высокий уровень подготовки требует иного по форме руководства чтением со стороны библиотекаря [368, с. 3]. Е. С. Боханевич также считала, что активное руководство чтением специалистов, несмотря на известные трудности, необходимо и возможно. Основную задачу она видела в том, чтобы, активно влияя на содержание и характер чтения, преодолевать односторонность и бессистемность, наблюдаемую в чтении некоторой части интеллигенции [154, с. 11].

Выступая против разнообразных попыток ограниченного толкования сущности руководства чтением, Т. В. Крюгер, З. Э. Лусс, О. С. Чубарьян и др. подчеркивали, что оно является тем главным, что определяет библиотечную работу как активный воспитательный процесс. О. С. Чубарьян писал, что в этом свете представляются несостоятельными попытки сузить понятие руководства чтением, ограничить его лишь некоторыми категориями библиотек (например, массовыми, детскими) и лишь отдельными категориями читателей. Степень активности библиотек в рекомендации книг, а также применяемые для этой цели формы и методы могут видоизменяться в зависимости от типа библио-

теки, состава ее читателей и целей чтения. Но в принципиальном плане, как это вытекает из высказываний Н. К. Крупской, руководство чтением является характерным для библиотек всех типов [452, с. 47].

Разработка принципа активности особенно оживилась в связи с введением в конце 50-х гг. открытого доступа к книжным фондам, что выдвинуло проблему руководства чтением в этих условиях. В советской библиотековедческой литературе критиковалась позиция буржуазных библиотековедов, отрицавших необходимость руководства чтением при открытом доступе и сводивших работу библиотекаря к техническому оформлению выдачи книг, контролю за порядком книг на полках и их сохранностью. Например, Т. С. Ступникова критиковала позицию западногерманского библиотековеда Л. Фольбэр [491], которая утверждала, что открытый доступ к фондам освобождает библиотекаря от какого бы то ни было руководства чтением и что читатель сам несет ответственность за выбор литературы на полках открытого доступа [393, с. 13–14].

В противоположность этой позиции Ю. В. Григорьев, Е. М. Нагловская, В. Ф. Сахаров, Т. С. Ступникова и др. подчеркивали, что проблемы активного руководства чтением при открытом доступе к книжным фондам составляют отличительную особенность советского библиотековедения. Руководство чтением остается главной задачей советской библиотеки и при открытом доступе. Оно лишь приобретает своеобразные формы, поскольку читатель получает возможность самостоятельно выбирать книги. В. Ф. Сахаров утверждал, что «обслуживание читателей может быть усовершенствовано путем применения открытого доступа, но при условии сохранения руководства чтением, осуществляемого разнообразными средствами». При этом все методы и формы активной помощи читателям – и живое слово библиотекаря, и выставки, и каталоги, и библиография, дополняя друг друга, должны органически сочетаться с самостоятельным выбором читателями книг. «Не будет преувеличением сказать даже, что только при открытом доступе и возможно подлинное руководство чтением, основанное на дифференцированном подходе к читателям» [352, с. 33].

Среди разнообразных проблем активного влияния на чтение особое место в 40–50-е гг. заняла проблема каталогов как средства руководства чтением. Была выдвинута идея «рекомендательного каталога», которую З. Н. Амбарцумян видел в том, что в читательские каталоги должны включаться лишь те произведения, которые способствуют повышению идейно-теоретического уровня трудящихся, отвечают научно-исследовательским и производственным интересам основных контингентов читателей, содействуют их учебным занятиям и самообразованию [106, с. 29].

Расширительно понимая требование рекомендательности каталога, З. Н. Амбарцумян относил его не только к систематическому каталогу, но и вообще ко всем каталогам: «Каталоги советской библиотеки являются описанием ее фондов, составленным в соответствии с задачами библиотеки по рекомен-

дации читателям лучших по идейной и научной ценности произведений печати» [107, с. 4].

Е. И. Шамурин писал в те годы, что это определение нельзя признать правильным, так как оно полностью игнорирует справочно-информационные функции каталога, ведет к смешению функций каталога и рекомендательной библиографии [469, с. 43].

В библиотековедческой литературе критиковалась позиция Е. И. Шамурина. Его обвинили в том, что он якобы рассматривал каталоги в отрыве от коренных вопросов библиотечного строительства в СССР и идейно-воспитательных задач советской библиотеки, не понимал роли каталогов как средства руководства чтением в целях коммунистического воспитания. Поэтому позиция Е. И. Шамурина была признана объективистской, а его самого обвинили в восхвалении теории каталогов буржуазного библиотековедения.

Для того, чтобы правильно понять сторонников рекомендательности каталогов и их критику взглядов Е. И. Шамурина, следует, прежде всего, подчеркнуть, что они, выдвигая это требование, имели в виду читательские каталоги. Так, критикуя Е. И. Шамурина, редакция журнала «Библиотекарь» в передовой статье писала: «Суть его ошибок заключается в том, что вопрос о читательских каталогах трактуется не с точки зрения их идейного содержания и принципов построения, а в зависимости от количественного состава книжного фонда, размещения отделов библиотеки, интенсивности пользования каталогами и других формальных факторов». Это, по мнению журнала, и привело Е. И. Шамурина к формальному толкованию читательских каталогов, к недооценке их идейного содержания и воспитательного значения [215, с. 3].

Распространение критериев оценки читательских каталогов на высказывания Е. И. Шамурина о всех каталогах было неправомерным. Неправильным было и отрицание роли каталога как справочного аппарата, его значения для упорядочения и регистрации фондов библиотек и других «формальных» функций. Е. И. Шамурин не противопоставлял формальных и идейных функций каталогов. Он писал, что «принцип практичности каталога <...> должен сочетаться с принципом большевистской партийности». С этих позиций он считал, что каталоги, в первую очередь систематический, являются не просто справочным аппаратом, раскрывающим тематический состав книжных фондов, а «активным орудием продвижения книги к читателю в целях его коммунистического воспитания, содействия его научной работе и повышению его политического, культурного и производственно-технического уровня» [468, с. 24].

Критики Е. И. Шамурина, справедливо указывая, что при изложении истории каталогов за рубежом он не дал должной характеристики теории каталогов буржуазного библиотековедения, в то же время вообще отрицали значение зарубежного опыта в организации каталогов, выступали против каких-либо ссылок на иностранные авторитеты. Очевидно, что игнорирование дости-

жений зарубежного опыта мешало его оценке с точки зрения использования в нашей практике.

Дискуссия о рекомендательности читательских каталогов, начатая в конце 40-х гг., продолжалась и в следующее десятилетие. В результате идея рекомендательности систематического каталога подверглась резкой критике. Так, М. А. Брискман, С. И. Копылов и Е. П. Щербакова писали, что, увлекшись идеей создания рекомендательного систематического каталога, библиотеки удалили, т. е. перевели в служебную часть, карточки на огромное количество книг, представляющих интерес в научном отношении.

Эти авторы считали, что разделение систематического каталога на две части – служебную и читательскую – наносит серьезный ущерб состоянию справочно-библиографического аппарата и затрудняет читателям всестороннее использование фондов библиотеки: «Надо признать со всей откровенностью, что сама идея разделения каталога была порочной». Они подчеркивали, что коммунистическая партийность должна пронизывать всю работу советских библиотек, что в полной мере относится и к каталогам. Однако это не дает оснований рассматривать систематический каталог как непосредственно рекомендательный аппарат; «чрезмерно прямолинейно трактовалось правильное исходное положение о каталоге как инструменте руководства чтением», в результате чего почти всюду были ликвидированы предметные каталоги, как якобы не отвечающие требованию рекомендательности [155].

Период 40–50-х гг. характеризовался активной борьбой с разнообразными попытками ограничить применение принципа активности, отрицать его общеметодологическое значение, противопоставить идейно-воспитательную деятельность советских библиотек научно-информационной.

Развитие дифференциации и типологии в библиотечной науке

В библиотековедческой литературе 40–50-х гг. подчеркивалось важное значение принципа дифференцированного подхода, необходимость приложения его к различным сторонам библиотечной теории и практики. Например, И. М. Фрумин характеризовал дифференцированный подход как «краеугольный принцип советского библиотековедения» [428, л. 218].

Многие советские библиотековеды (Ф. С. Абрикосова, Е. С. Боханевич, Н. Я. Змеева, Т. В. Крюгер, К. Г. Мавричева, Т. С. Ридзиль, В. Ф. Сахаров, Б. А. Смирнова, Е. Е. Троицкая, Е. И. Хасина и др.) рассматривали этот принцип в качестве важнейшего в работе с читателями. Они подчеркивали, что огромный опыт пропагандистской деятельности партии доказывает необходимость дифференцированного подхода к разным группам трудящихся, важность индивидуальной разъяснительной работы; что библиотеки широко используют этот опыт партийной пропаганды и всю свою работу по руководству чтением ведут дифференцированно, ориентируясь на основные группы читателей. Поэтому организация дифференцированного обслуживания является одним из важнейших условий осуществления принципа партийности в деятельности библиотек.

Исследователи считали неправильным противопоставление дифференцированного подхода индивидуальному, который является неременным и обязательным условием осуществления принципа дифференцированного подхода. Они указывали, что хотя одну читательскую группу объединяет нечто общее – уровень подготовки, профессия, цель чтения и т. п., каждому читателю в отдельности присущи личные особенности, и в индивидуальной работе с ним крайне необходим дифференцированный подход. Признавая индивидуальный подход главным, основным, они исходили из того, что он позволяет учитывать подготовку и запросы читателей, а также наиболее эффективно воздействовать на содержание и направленность их чтения.

На основе принципа дифференцированного подхода разрабатывались проблемы организации обслуживания читателей. При этом в основу дифференциации предлагалось положить различные признаки. Так, З. И. Колчина считала необходимым выделить: группы читателей, существенно отличающиеся друг от друга по своим интересам и запросам (групповое обслуживание), и отрасли знания, по которым читателям требуется литература в соответствии с их специальностями и тематикой чтения (отраслевое обслуживание) [256, с. 13].

Принципиальное значение для развития принципа дифференцированного подхода имело выдвинутое Н. Я. Змеевой положение, что дифференцированное обслуживание – не установившаяся в библиотеке раз и навсегда застывшая форма обслуживания, а принцип организации работы с читателями, который по мере возникновения новых задач, появления новых требований может быть распространен на новые категории читателей, на новые виды литературы [219, с. 38].

Вместе с тем и в этот период были попытки ограничить применение принципа дифференцированного подхода в работе с читателями. Например, Е. С. Боханевич ошибочно полагала, что различные массовые мероприятия, представляющие интерес для многих читателей (читательские конференции, встречи с писателями и учеными, обсуждения книг и т. п.), не требуют дифференцированного проведения [154, с. 13].

Важным направлением, как и в предыдущие периоды, была разработка проблем дифференциации читательских групп, так как задача углубления руководства чтением требовала более детальной типизации читателей.

Среди стоявших в 40–50-е гг. проблем следует выделить, прежде всего, проблему «массового читателя». Как известно, с первых лет Советской власти в качестве первой ступени дифференциации читателей было выделено понятие «массовый читатель». В 30-е гг. это понятие получило широкое распространение и всеобщее признание. Однако дальнейшее развитие библиотечного дела потребовало его уточнения.

Некоторые авторы вообще отрицали это понятие, как не имеющее конкретного содержания. Так, В. Г. Олишев отмечал, что «туманное понятие „массовый читатель“ дезориентирует библиотекарей: споры о том, кого отнести к этой категории, приводят часто к тому, что изучение и обслуживание интере-

сов и запросов каждого *конкретного* читателя подменяется какой-то абстракцией, именуемой „массовый читатель“» [177, с. 50].

Другие авторы (М. А. Брискман, Д. А. Волошин) писали, что понятие «массовый читатель» имеет вполне определенное содержание, однако следует учитывать, что оно изменилось и теперь уже не то, каким было тридцать лет назад. Понятие «массовый читатель» в 40–50-е гг. охватывало читателей различного культурного уровня, обращающихся к книге для общего ознакомления, для самообразования, для удовлетворения интересов, не связанных с конкретным учебным и практическим заданием, а не только малоподготовленных читателей [156, с. 29–30].

Но и это определение было лишено необходимой законченности, так как из него следовало, что один и тот же читатель, в зависимости от характера его запросов, мог либо относиться, либо не относиться к «массовому читателю».

Дискуссия о содержании понятия «массовый читатель» не была схоластической. Уточнение этого понятия имело принципиальное значение для разграничения функций библиотек разных типов, особенно для определения задач массовых библиотек, их места в удовлетворении общеобразовательных и профессиональных запросов читателей. Незавершенность понятия «массовый читатель» приводила, например, к тому, что некоторые библиотековеды рассматривали областную библиотеку как массовую и отрицали ее роль в обслуживании профессиональных запросов специалистов.

В 40–50-е гг. наметились два основных подхода к дифференциации читательских групп. Один из них выдвинул И. М. Кириллов, который дифференцировал читателей по признакам образования, профессии и квалификации. Он полагал, что выделение таких групп, как домашние хозяйки, пенсионеры и т. п., является формальным, ибо не дает оснований для суждения об интересах группы, состоящей из людей с разным образовательным уровнем и квалификацией [247, с. 13].

Другой подход разрабатывала Б. А. Смирнова. Она считала, что профессия и образование не могут быть решающими признаками при дифференциации читателей и выделяла как первый определяющий признак производственный и общественный опыт читателя, т. е. группировала их по признаку деятельности. Второй определяющий признак она видела в цели чтения. Б. А. Смирнова рекомендовала положить в основу дифференцированного обслуживания уровень общего развития читателя, который зависит не только от общеобразовательной подготовки, но и от политического и практического опыта, а также от цели чтения. Поэтому она предлагала делить читателей на группы по характеру чтения (разностороннее чтение или изучение одной какой-либо темы), дополнительно разделяя их в соответствии с общим уровнем развития [368].

Как видим, эти два подхода базировались на разных признаках выделения групп. Более обоснованным, с нашей точки зрения, был подход Б. А. Смирно-

вой, которая исходила из собственно читательских характеристик (цель чтения, уровень культуры чтения и т. п.).

В эти годы принцип дифференцированного подхода применялся также при рассмотрении вопросов дифференцированной организации библиотечной сети. О. С. Чубарьян подчеркивал важность исследования проблем типизации библиотек в соответствии с наиболее существенным и основным признаком типизации – читательским назначением библиотеки. С этой позиции он делил всю совокупность библиотек на два основных типа: массовые и научные. Вместе с тем он подчеркивал, что для выявления всего многообразия типов и видов библиотек этого признака недостаточно, и он должен быть дополнен другими, вторичными признаками: по тематике работы и по ведомствам [458, с. 16–17].

Другой подход к типизации библиотек обосновывал И. М. Фрумин. Он отмечал, что к типическим свойствам библиотеки относятся ее ведущие задачи и функции, определяющие ее особую роль среди библиотек страны, независимо от величины фонда или ведомственной принадлежности. Им были сформулированы основные положения типизации библиотек. Во-первых, одна типовая группа библиотек должна отличаться от другой, прежде всего, своим назначением и задачами. Во-вторых, деление должно быть исчерпывающим, т. е. охватывать все библиотеки страны. Основным признаком типизации он считал тематику и подбор литературы. В соответствии с этим И. М. Фрумин выделял следующие типы библиотек: массовые (или общеобразовательные); детские и школьные; государственные центральные публичные; специальные; учебные [428].

Недостаток этой типизации заключается в том, что в один ряд ставились группы библиотек, выделенные по разным признакам. Так, библиотеки выделялись по читательскому назначению (например, детские), по составу фондов (массовые, специальные), по цели чтения (учебные), и, наконец, по ведомственной принадлежности (государственные центральные публичные).

Следовательно, в 40–50-е гг. разработка принципа дифференцированного подхода была ориентирована в основном на поиск путей приложения его к различным сторонам библиотечной практики. Однако теоретическое развитие этого принципа и, прежде всего, типологических проблем библиотечной науки, не получило в эти годы достаточного обоснования.

Система взглядов на организационные принципы советского библиотечного строительства

В советском библиотековедении на основе теоретического освоения идей В. И. Ленина и Н. К. Крупской сложилась система взглядов на организационные принципы библиотечного дела. Библиотековедческая мысль была направлена на их дальнейшее углубление, обоснование путей осуществления в социалистическом библиотечном строительстве. В разработку организационных вопросов значительный вклад внесли Ф. И. Каратыгин, А. Г. Кравченко,

З. И. Ривлин, В. В. Серов, И. М. Фрумин, О. С. Чубарьян и др. Они рассматривали ленинские организационные принципы в теснейшей связи с целями, задачами и содержанием работы библиотек.

В 40–50-е гг. продолжалось развитие идей и взглядов В. И. Ленина и Н. К. Крупской на единую библиотечную сеть. О. С. Чубарьян выделял два основных вопроса, определяющих планомерность построения библиотечной сети: размещение библиотек в стране и дифференцированную организацию их сети. При этом он подчеркивал, что конечная цель размещения библиотек состоит в организации рационального библиотечного обслуживания всех населенных пунктов и производственных коллективов с тем, чтобы любой гражданин по месту жительства или работы мог пользоваться библиотеками. В частности, ведущую роль массовых библиотек в обслуживании населения книгой он обуславливал тем, что именно эти библиотеки как наиболее приближенные к населению, решают главным образом задачу предоставления книжных богатств в пользование широких массам [452].

В. В. Серов постановку и практическое осуществление задачи библиотечного обслуживания каждого населенного пункта характеризовал как дальнейшую конкретизацию ленинской идеи планомерного построения библиотечной сети [148, с. 222].

В связи с бурным ростом сети библиотек исследователи приступили к изучению проблем планирования и размещения библиотечной сети в городах и на селе. В литературе выдвигалась задача разработать нормативы организации сети библиотек, установить принципы рационального размещения библиотек разных типов и видов в зависимости от экономико-географических условий районов и городов.

Принципы планирования библиотечной сети в сельских районах были определены Ф. И. Каратыгиным и И. М. Фруминым. Они считали, что при размещении сети библиотек необходимо исходить как из задач планомерного библиотечного обслуживания района в целом, так и из более рационального использования всех местных возможностей. Планирование библиотечной сети должно быть направлено на преодоление узковедомственного подхода к использованию библиотек.

Важнейшим условием правильного размещения библиотек они считали «четкую мобилизующую установку» – организовать библиотечное обслуживание каждого населенного пункта и каждой колхозной семьи. Планирование библиотечной сети будет реальным и обоснованным лишь в том случае, если его строить на тщательном изучении района, учете его местных возможностей и размещения существующей сети библиотек [232, с. 8]. Эти принципиальные положения легли в основу экспериментального составления междуведомственных перспективных планов развития библиотечной сети в ряде районов страны, осуществленного Московским библиотечным институтом и Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина.

Анализируя исследования проблем планирования и размещения сети библиотек в городах, З. И. Ривлин пришел к выводу, что на всех предыдущих этапах эти проблемы не были разработаны в достаточной степени. Он предложил основные нормативы развития библиотечной сети; принципы междуместного размещения сети массовых библиотек в городах. На основе этих принципов и нормативов З. И. Ривлин составил перспективный план развития сети библиотек Ленинграда [342].

Важнейшими условиями, определяющими единую систему библиотечного обслуживания населения, в советском библиотековедении считались координация и кооперирование деятельности библиотек. Так, А. Г. Кравченко, характеризуя пути осуществления ленинского плана организации библиотечного дела, писала, что «в практике крупных общегосударственных библиотечных мероприятий в СССР все рельефнее выступают мероприятия коллективного характера, которые проводятся на основе кооперирования библиотек разных ведомств и организаций». Необходимость кооперирования деятельности библиотек она обосновывала тем, что ни одна современная библиотека не в состоянии обеспечить тех читателей, на которых она рассчитана, всей нужной им литературой [148, с. 20, 23].

В эти годы продолжали разрабатывать принцип государственного характера библиотечного дела. Так, О. С. Чубарьян писал, что в СССР организатором культурного строительства и коммунистического воспитания народа выступает само государство. Поэтому вся система учреждений, осуществляющих культурно-воспитательные задачи, носит государственный характер и непосредственно связана с органами государственного управления. Он подчеркивал, что одно из коренных преимуществ библиотечного строительства в СССР состоит в организующей роли Советского государства [458, с. 3].

Советские библиотековеды развивали ленинское положение о необходимости подотчетности и подконтрольности библиотек как перед государством, так и перед населением. Это, как отмечал О. С. Чубарьян, является эффективным средством привлечения населения к участию в библиотечном деле, развертывания критики и самокритики для улучшения работы библиотек [458, с. 10]. Он указывал, что в СССР участие населения в библиотечном деле – организованное массовое народное движение, поддерживаемое, поощряемое и направляемое государством, один из важнейших принципов и коренная особенность организации обслуживания книгой советского народа [452, с. 57].

В 40–50-е гг. особенно заметные успехи были достигнуты в разработке теоретических проблем построения единой сети библиотек, ее планирования и размещения в городах и на селе; исследовались вопросы междуместного взаимодействия библиотек. Вместе с тем следует отметить, что авторы многих работ, посвященных организационным принципам библиотечного строительства в СССР, ограничивали свою задачу в основном обобщением того, что было сделано в предыдущие периоды.

Проблемы взаимосвязей библиотековедения с другими науками

Внимание к данным проблемам возросло в связи с разработкой советской библиотечно-библиографической классификации. В различных проектах ее основных делений библиотековедение включалось в разные комплексы. В проекте, представленном Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина для обсуждения в 1951 г., библиотековедение вошло как самостоятельное деление в комплекс «Печать. Книговедение. Библиотечное дело. Библиография». Однако уже в проекте 1953 г. был образован более широкий комплекс «Культура. Наука. Просвещение», одним из основных делений которого был раздел «Библиотечное дело. Библиография» с подразделом «Библиотечное дело. Библиотековедение». И, наконец, в проекте, предложенном в 1959 г. Библиотекой Академии наук СССР, в комплексе «Наука. Просвещение. Педагогика» за библиотековедением закреплялось самостоятельное деление, обособленное от библиографии.

Анализируя эти проекты, мы вновь сталкиваемся с уже знакомыми нам двумя основными тенденциями – отнесением библиотековедения либо к книговедческому, либо к педагогическому комплексу научных дисциплин.

Сторонниками книговедческого направления были в эти годы И. Г. Марков и Е. И. Шамурин. Последний, определяя книговедение как совокупность знаний о книге – явлении культуры и продукте полиграфической промышленности, включал в его состав и библиотековедение [470, с. 120]. Необходимость отнесения библиотековедения к книговедению А. Г. Марков мотивировал тем, что во всех областях книжного дела действуют общие социально-политические закономерности [282, с. 121].

Не принимая таких доводов, Г. П. Фонотов справедливо указывал, что нельзя все конкретные проявления принципа партийности объединять в «общую формулу» книговедения [412].

Продолжало существовать мнение, что библиотековедение является составной частью педагогики. Так, В. Е. Васильченко указывал, что библиотековедение и библиография рассматриваются как особые специальности из области педагогических наук [169, с. 76]. В. Г. Сахаров и И. М. Фрумин шли еще дальше и предлагали передать исследование проблем работы с читателями из библиотековедения в педагогику [351].

Возражая сторонникам этой позиции, М. М. Фельдштейн, Н. Я. Фридьева и Р. Б. Гуревич считали, что нельзя подменять библиотековедение педагогикой, что библиотековедение и педагогика являются взаимосвязанными, но самостоятельными дисциплинами [411]. О. С. Чубарьян подчеркивал, что постановка проблем руководства чтением как своеобразного воспитательного процесса, осуществляемого библиотекой, подняла теоретический уровень библиотековедения и определила необходимость его разработки в теснейшей связи с педагогикой [452, с. 46]. М. М. Герман рассматривал библиотековедение

ние как самостоятельную научную дисциплину, имеющую свой предмет и свои методы исследования. Для понимания, научного обоснования и объяснения некоторых процессов оно опирается на закономерности, установленные педагогикой. Однако, в силу особенностей библиотековедения, педагогические закономерности в нем имеют ограниченное применение [316, с. 1–2].

В рассматриваемый период вновь, после длительного перерыва, возобновляется исследование проблем библиотечной психологии. На необходимость ее разработки указывали как библиотековеды, так и психологи. Например, В. Л. Дранков полагал, что для исследования научных основ библиотечной работы, в особенности теории руководства чтением, необходимо изучить целый ряд вопросов библиотечной психологии и прежде всего – психологии чтения [394, с. 42].

Начинается пересмотр отрицательных взглядов на проблемы библиотечной психологии, и, в частности, на теоретические работы Н. А. Рубакина. Так, К. Г. Мавричева указывала на односторонность критики взглядов Н. А. Рубакина. Она отмечала его несомненные заслуги в разработке теории и практики изучения читателя, а также принципов и методов самообразовательного чтения [280].

В библиотековедческой и психологической литературе подчеркивалось, что успешная разработка библиотечной психологии возможна лишь совместными усилиями библиотековедов и психологов. Так, А. Г. Ковалев отмечал, что, правильно осуждая методологические основы и направления исследований в области библиотечной психологии, особенно библиопсихологии Н. А. Рубакина, советские психологи, однако, допустили ошибку, изгнав термин «библиотечная психология», и считал, что в этот термин необходимо вложить материалистическое содержание. Отсюда А. Г. Ковалев делал вывод, что теория и практика библиотечного дела должны строиться на основе психологии библиотечной деятельности: «...в противном случае они будут идти вслепую, наощупь при определении методов, способов своей работы и превратятся в чисто техническую формальную дисциплину». Психологи, в свою очередь, должны учитывать практику библиотечной работы при решении своих задач [254, с. 109–110].

Две знаменательные исторические даты – 30-летие (1947 г.) и 40-летие (1957 г.) Великой Октябрьской социалистической революции – вызвали стремление подвести итоги исследования проблем развития Советского государства, в том числе и разработки истории библиотечного дела. На исторические исследования направили свое внимание библиотечные институты и научные библиотеки. В Институте теории и истории педагогики Академии педагогических наук РСФСР в 1947 г. была создана специальная комиссия по истории библиотечного дела под руководством Е. Н. Медынского. Изучением методологических проблем истории библиотечного дела занимались в эти годы К. И. Абрамов, С. М. Бабинцев, В. Е. Васильченко, А. А. Громова, А. Г. Кравченко, М. И. Слуховский и др.

Внимание к исторической проблематике в библиотековедческих исследованиях имело положительное значение. Оно способствовало научному становлению истории библиотечного дела как самостоятельной составной части библиотековедения, поскольку в некоторых работах рассматриваемого периода по истории библиотечного дела (например, у В. Е. Васильченко) не было четкого разграничения между историей книги, просвещения и библиотечного дела.

К. И. Абрамов писал, что задачей истории библиотечного дела является «изучение событий библиотечного дела в их развитии, внутренней связи и взаимодействии с другими событиями, явлениями жизни, объяснение их с позиций марксизма-ленинизма» [97, с. 3]. Он рассматривал историю библиотечного дела как составную часть истории советского общества и указывал, что она тесно связана с историей народного просвещения, историей книги и библиографии.

В процессе исторических исследований советское библиотековедение осваивало методологию исторического подхода к характеристике явлений и фактов библиотечной практики. Оценивая значение принципа историзма в библиотековедческих исследованиях, М. И. Слуховский писал: «Необходимость критического изучения и научного освещения истории библиотечного дела ясно сознается советскими библиотековедами. Подводя итоги достижениям нашего библиотечного строительства, решая различные проблемы библиотековедения и сталкиваясь с практическими задачами библиотечного дела, мы постоянно чувствуем важность всесторонней разработки советской библиотечной теории, самой передовой теории в мире. В данном смысле исторический подход как принцип научного исследования играет чрезвычайно важную роль» [367, с. 42]. Разработка принципа историзма и применение его в библиотековедческих исследованиях позволили по-новому оценить ряд явлений и фактов истории и теории библиотечного дела.

Исторические исследования значительно расширили источниковедческую базу библиотековедения. Именно в этот период впервые было обращено серьезное внимание на сбор документов, характеризующих деятельность библиотек: писем, дневников, воспоминаний библиотекарей и читателей и т. п. М. М. Клевенский придавал большое значение использованию таких исторических источников, как фонды и каталоги библиотек, отражающие книжные собрания, сложившиеся в результате исторического развития библиотек [251, с. 4].

В 40–50-е гг. рассмотрение различных аспектов взаимосвязей библиотековедения с другими науками велось в основном с точки зрения необходимости или возможности таких связей. При этом, как правило, основное внимание уделялось использованию данных других наук и почти не прослеживалось влияние библиотековедения на родственные науки, что делало подход к проблеме взаимосвязей по-прежнему односторонним.

Развитие методических проблем исследования библиотечной практики

В эти годы были предприняты первые попытки определить основные методологические требования к изучению и обобщению библиотечной практики. М. А. Потапов подчеркивал, что для того, чтобы правильно обобщать, надо уметь анализировать, рассматривать явления и факты всесторонне, уметь устанавливать их место по отношению ко всему событию или процессу. Для этого необходимо критически относиться к фактам, определять, что подтверждает или отрицает тот или иной факт, случаен он или типичен, т. е. служит ли показателем основной тенденции, основного процесса. М. А. Потапов писал: «Изучать опыт с научной добросовестностью – это значит отбирать из разнообразной практики лучшие методы, наиболее удачные формы работы, группировать собранные материалы в определенную стройную систему, рассматривая факты и явления во взаимосвязи, в развитии, движении» [332, с. 44].

Ф. И. Каратыгин подчеркивал важное значение обобщения передового опыта не только для совершенствования библиотечной практики, но и для развития библиотечной теории. Он считал, что под изучением и обобщением опыта библиотечной работы надо понимать накопление фактов, их анализ, обобщение, установление закономерных связей явлений. Наиболее ценным методом изучения библиотечной практики он считал обследование библиотек [230].

Уделялось также внимание методике применения статистического метода. И. М. Кириллов указывал на необходимость правильного применения основных законов статистики и созданных ею методов в библиотековедении, на важность статистических исследований. Им были рассмотрены требования к библиотековедческим статистическим исследованиям, основным из которых он считал единообразие в системе, объектах и единицах учета, так как только при этом условии возможно суммирование и сопоставление статистических фактов. И. М. Кириллов писал, что главной задачей статистических библиотековедческих исследований является определение количественных и качественных показателей, характеризующих работу отдельных библиотек, сравнение и сопоставление этих показателей и выявление типичных, наиболее часто встречающихся величин. Он называл и характеризовал основные приемы статистического анализа: метод группировки, метод относительных чисел и метод средних величин [247].

Работы И. М. Кириллова, Ф. И. Каратыгина и М. А. Потапова внесли заметный вклад в дальнейшую разработку методики исследования библиотечной практики.

В связи с тем, что внимание библиотековедов вновь было обращено на изучение читателя, возобновилась и разработка методов изучения читательских интересов. Исследователи этой проблемы (Б. В. Банк, Е. М. Нагловская) основной своей задачей считали анализ той совокупности методов, которые

применялись в 20–30-е гг. для изучения читателей, с тем чтобы определить их значимость и место в системе методов библиотековедческих исследований.

Так, Б. В. Банк подчеркивал, что необходимо применять разнообразные методы изучения, так как только таким путем можно получить правильное представление о читателях. Причем выбор методов зависит от целей изучения. Целеустремленность изучения читателей он считал важнейшим требованием.

Среди методов изучения читателей Б. В. Банк наиболее ценными называл беседы; массовый анализ формуляров, который рекомендовал сочетать с учетом читательского спроса; учет отзывов и предложений читателей о работе библиотеки; анализ библиографических запросов читателей; анализ данных статистического учета и отчетности. Анкету он рекомендовал использовать только как дополнительный источник, так как она не нужна, если есть возможность беседовать с читателем; анкета не заменяет живой беседы.

Такое противопоставление анкетного метода, направленного на сбор массовой информации о чтении, и индивидуальной беседы с читателем как метода изучения его индивидуальных интересов, едва ли было правомерным. Недооценка анкетного метода приводила к тому, что в рассматриваемый период, в стране почти не проводились крупные конкретно-социологические исследования читателей и чтения.

Называл Б. В. Банк и «новые» методы изучения читателей: анализ читательских автобиографий, дневников чтения [123]. Называть их новыми можно было, конечно, весьма условно, так как эти методы были, известны в библиотековедении и применялись в 20-е гг. Говорить об этих методах как о новых можно было лишь в том значении, что в 30-е гг. они действительно почти не использовались.

Е. М. Нагловская вынесла на первый план метод непосредственного наблюдения. Она указывала, что ценность этого метода определяется тем, что исследователь многократно встречается с читателями, может вновь и вновь проверить свои заключения, в результате чего они постепенно делаются все более полными и обоснованными. Другим важным методом изучения читательских интересов она считала естественный эксперимент, который более эффективен, чем наблюдение, так как исследователь, проводящий его, преднамеренно и планомерно вызывает и изменяет изучаемые процессы, точно учитывая условия, в которых они протекают. При проведении эксперимента внимание сосредоточивается на изучении мотивов чтения, степени понимания прочитанной литературы и воздействия на сознание и психику читателя, на его практическую деятельность. И, наконец, большое значение Е. М. Нагловская придавала статистическим методам изучения читательских интересов, подчеркивая, что только статистика дает возможность проследить закономерности, характеризующие чтение больших читательских групп, изменения в чтении всего состава читателей библиотеки, изучить читательские интересы широких масс [294].

В 40–50-е гг. уточнялись и конкретизировались те методы, которые использовались в предшествующий период. При этом, как и прежде, основное внимание обращалось на разработку методов изучения читателей и все еще слабо развивалась методика исследования библиотечной практики.

В рассматриваемый период внимание исследователей было направлено на подъем идейно-теоретического уровня библиотечной работы, подчинение ее хозяйственно-политическим задачам, на борьбу с формализмом и проявлениями буржуазной идеологии в библиотековедении.

Период 40–50-х гг. можно характеризовать как подведение итогов разработки общетеоретических проблем. В известной мере это было связано с появлением первых советских учебников и учебных пособий для библиотечных вузов, в которых обобщалось развитие советского библиотековедения.

Более отчетливо проявлялись основные тенденции развития библиотековедения как науки, выражающиеся, с одной стороны, в интеграции его основных частей, а с другой, в дальнейшей его дифференциации. Предпринимались новые попытки уточнить предмет и объект библиотековедения, сформулировать его закономерности, определить место в системе наук.

Однако советские библиотековеды еще недостаточно обращали внимание на разработку новых общетеоретических и методологических проблем. Слабо была налажена координация научно-исследовательской работы библиотечных институтов и научных библиотек. Правда, имела место первая попытка составления сводного плана научных работ по библиотековедению и библиографии на 1946–1950 гг. Однако этот план был по существу механическим соединением планов отдельных научных учреждений и потому не обеспечивал подлинную координацию и кооперирование научно-исследовательской деятельности по библиотековедению.

В целом теоретическая разработка вопросов библиотечного дела все еще отставала от практических нужд советских библиотек.

Глава 4

Советское библиотековедение в период построения и совершенствования развитого социализма

22 сентября 1959 г. ЦК КПСС принял постановление «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране», в котором были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшего совершенствования работы советских библиотек. ЦК КПСС определил их главные задачи: пропаганда и разъяснение политики и решений Коммунистической партии и Советского правительства, оказание активной помощи партии и государству в воспитании коммунистической сознательности и повышении культурно-технического уровня советских людей. Было предложено принять необходимые меры к коренному улучшению работы библиотек, превращению их в центры массовой пропаганды политических, общеобразовательных, научно-технических, сельскохозяйственных и профессиональных знаний, в опорные пункты партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся [22].

Решающее значение для совершенствования советского библиотековедения как науки имело постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.) [23]. Постановления ЦК КПСС способствовали активизации научно-исследовательской работы и явились программой дальнейшего развития библиотечной теории.

В 1964 г. при Министерстве культуры РСФСР был создан Совет по координации научной работы в области библиотековедения и библиографии, который образовал ряд проблемных комиссий. Совет разработал сводный план исследований на 1965–1970 гг., что положило начало координации и кооперированию научных сил в области библиотековедения.

В 1967 г. в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина был организован научно-исследовательский отдел библиотековедения. На него возлагалась разработка важнейших проблем библиотечного дела и координация научной деятельности крупнейших библиотек и кафедр библиотековедения высших учебных заведений. Научно-исследовательские отделы, сектора или группы создавались и в других крупных библиотеках страны. В результате значительно оживилась научно-исследовательская работа в республиках, краях и областях, отражающая местные условия и национальную специфику, что внесло серьезные дополнения в теорию библиотечного дела.

В 1971 г. при Министерстве культуры СССР был создан Совет по координации научно-исследовательской работы в области библиотековедения и библиографии, возглавивший многообразную научную деятельность библиотечно-библиографических учреждений разных ведомств. Совет закрепил важнейшие проблемы библиотековедения за головными учреждениями, при которых были организованы проблемные советы. Советы по координации были созданы и при министерствах культуры союзных республик.

Меры, направленные на активизацию и координацию научно-исследовательской работы, привели к новому качеству научных исследований эффективности библиотечного обслуживания населения, создания централизованных библиотечных систем [24].

В 60–70-е гг. был издан ряд учебников и учебных пособий, в которых нашли отражение итоги научной работы, расширилось издание «Трудов» институтов и крупных научных библиотек и проведение научных конференций по узловым вопросам библиотечного дела. В эти годы начался выпуск ряда новых научных изданий по библиотековедению, в том числе и в союзных республиках: «Бібліотекознавство та бібліографія» (Украина), «Во-просы библиотековедения и библиографии» (Белоруссия), «Библиотековедение и библиография» (Азербайджан), «Книговедение» (Литва), «Труды Государственной библиотеки Латвийской ССР им. В. Лациса», «Библиотековедение Эстонской ССР», «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока» и др. С 1973 г. стал выходить общесоюзный теоретический сборник «Советское библиотековедение».

Усилению информационного обеспечения советского библиотековедения способствовала организация в 1969 г. при Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина Информационного центра по библиотековедению и библиографии, который в 1972 г. вошел в состав Информационного центра по проблемам культуры и искусства. Все названные мероприятия способствовали в значительной степени укреплению научного потенциала советской библиотечной науки.

Началом нового периода в развитии советского библиотековедения явилось постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.). В нем предложено принять меры к коренному улучшению деятельности библиотек, повышению их роли как важных опорных баз партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся, идеологических и научно-информационных учреждений. Главная задача библиотек, подчеркивалось в постановлении, состоит в активной пропаганде политики Коммунистической партии и Советского государства, в более полном использовании огромных книжных богатств для образования и воспитания нового человека, ускорения научно-технического прогресса.

В постановлении ЦК КПСС получили дальнейшее развитие ленинские организационные принципы библиотечного строительства, намечены пути повышения эффективности библиотечного обслуживания населения, создания централизованных библиотечных систем [24].

Советское библиотековедение как общественная наука

Период 60–70-х гг. характеризуется углубленным изучением общетеоретических и методологических проблем библиотековедения. Это нашло отражение в работах К. И. Абрамова, Ю. В. Григорьева, В. В. Серова, Н. И. Тюлиной, Н. Я. Фридьевой, О. С. Чубарьяна и др.

Особое внимание уделялось исследованиям в области методологии науки, анализу ленинских положений о библиотечном деле как общественном явлении, об органической связи деятельности библиотек с социальной, экономической и культурной жизнью общества, обобщению с этих позиций опыта библиотечного строительства в СССР. Ленинское теоретическое наследие по библиотечному делу рассматривали как «целостную, принципиально новую, развернутую программу постановки всего дела обслуживания книгой широчайших масс народа в условиях социалистического общества» [464, с. 9]. О. С. Чубарьян указывал, что ленинская оценка роли библиотек не только определила постановку обслуживания книгой народов социалистических стран, но и составила теоретическую основу для анализа библиотечного дела как социального, классового явления. Поэтому «мы имеем все основания говорить о ленинском этапе в мировой истории библиотечного дела» [448, с. 4].

Разработка ленинского теоретического наследия шла в нескольких направлениях. Среди них следует указать прежде всего на дальнейшее развитие начатого еще в 20-х гг. Н. К. Крупской выявления ленинских документов по библиотечному делу. Вышло в свет два издания сборника «В. И. Ленин и библиотечное дело», подготовленных проблемной комиссией по изучению ленинского наследия и Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина при участии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Московского государственного института культуры. Второе издание сборника (1977 г.) содержит около 300 ленинских документов, 76 из них были включены впервые, а 14 документов впервые опубликованы [17].

Выявление новых ленинских документов сопровождалось научными изысканиями, проведенными К. И. Абрамовым. Их результаты нашли отражение в примечаниях к ленинским работам, включенным в сборник «В. И. Ленин и библиотечное дело». В 60–70-е гг. внимание было направлено также на рассмотрение известных ленинских положений и высказываний, которые иногда получали неточную или ошибочную трактовку.

Например, существовали разные толкования понятия «швейцарско-американская система». Так, А. Г. Кравченко считала, что В. И. Ленин понимал под этим определением систему сводных каталогов и развитие МБА [262, с. 86]. Подчеркивая ошибочность такого утверждения, К. И. Абрамов и Н. Н. Гудков писали, что В. И. Ленин понимал этот термин шире, имея в виду внедрение в советское библиотечное дело всех прогрессивных и демократических достижений зарубежных библиотек [103, с. 4; 197, с. 3–4].

По-разному истолковывали и ленинский декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (1920 г.). Были подвергнуты критике утверждения о том, что этот декрет имел значение только для периода военного коммунизма. К. И. Абрамов, Ю. В. Григорьев, Н. Н. Гудков убедительно доказали, что идеи В. И. Ленина о планомерной, организованной сети библиотек носили не вре-

менный характер, а надолго вперед определили программу библиотечного строительства в СССР [96; 193].

Таким образом, в советском библиотекосведении получили дальнейшее развитие и стали основополагающими принципы подхода В. И. Ленина к вопросам библиотечного дела. Важное методологическое значение имело, прежде всего, исследование высказываний В. И. Ленина о книге и библиотеке не изолированно, а в тесной связи с его программой построения социалистического общества. Исследователи развивали важное методологическое положение: ленинские указания о необходимости соединения выработанных партией навыков широкого воздействия на массы «с методами культурно-просветительными, в частности, школьными и особенно внешкольными» [4, с. 464] обязывают советское библиотекосведение всесторонне изучать опыт агитационно-пропагандистской работы партии, гораздо шире использовать ленинские произведения, посвященные вопросам культурного строительства, агитации и пропаганды, народного просвещения, печати и т. д. Изучение широкого круга трудов В. И. Ленина о роли народных масс в истории, в революции, в строительстве социализма и коммунизма, о путях повышения сознательности масс, о значении книги в этом важнейшем процессе приобретает решающее значение для всего советского библиотекосведения, в особенности для теоретической разработки вопросов руководства чтением.

Другое важное методологическое положение заключалось в том, что В. И. Ленин рассматривал библиотечное дело как общественное явление, исторически обусловленное социальной, экономической и культурной жизнью общества. На этой основе он выдвинул принципиально новые критерии оценки общественной роли библиотек. О. С. Чубарьян писал: «Все ленинские указания о социалистических преобразованиях в библиотечном деле проникнуты стремлением превратить советские библиотеки в очаги культуры, организующие широкое общественное пользование книгами и активно влияющие на формирование общественного сознания» [464, с. 10]. Он отмечал, что из ленинских указаний вытекает основополагающий для советского библиотекосведения вывод: библиотечное дело развивается не изолированно, не каким-то особым самостоятельным путем, а подчиняется общим закономерностям общественного развития. Именно в этом и состоит важнейшая тенденция становления социалистической библиотечной теории [464, с. 9].

Ленинский подход к библиотечному делу как общественному явлению составил методологическую основу советской библиотечной науки. Поэтому, как отмечал К. И. Абрамов, центральное место в нашей науке заняло исследование социальных аспектов библиотечного дела, анализ влияния социально-экономических сдвигов в обществе на характер и пути развития общественного пользования книгами [94, с. 20].

Советские библиотекосведы подчеркивали, что положения В. И. Ленина о партийности библиотек, о политическом характере библиотечного процесса,

о подчинении всей культурно-просветительной работы, в том числе библиотечного дела, хозяйственно-политическим задачам страны – это те основные направления, по которым развивается библиотечное дело как общественная наука. Оно исследует пути и формы неразрывной связи библиотек со всей практикой коммунистического строительства, с идеологической работой партии, пути превращения библиотечного обслуживания в один из факторов, способствующих социальному, экономическому и культурному прогрессу общества [464, с. 10].

Важным было также методологическое положение о том, что исследование библиотечного процесса должно базироваться на ленинском плане культурной революции. Например, О. С. Чубарьян считал, что крайне необходимо проследить, как В. И. Ленин подходил к вопросу о взаимосвязи культуры народа с библиотечным делом и с этих методологических позиций рассматривать теоретические и практические проблемы библиотечной работы [461, с. 21].

К. И. Абрамов отмечал, что ленинское требование о широком распространении книг в народе, о привлечении населения в библиотеки оказало принципиальное влияние на формирование советского библиотечного дела как общественной науки [94, с. 7].

Таким образом, ленинское теоретическое наследие позволило разработать важнейшие методологические положения, имеющие принципиальное значение для обоснования библиотечного дела как общественной науки.

Наряду с разработкой ленинских идей продолжалось изучение теоретического наследия Н. К. Крупской в области библиотечного дела. Широко развернулась работа по собиранию ее трудов. Академией педагогических наук РСФСР были изданы педагогические сочинения Н. К. Крупской, в которые включены и ее работы о библиотечном строительстве. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная научная педагогическая библиотека им. К. Д. Ушинского и Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской совместно подготовили библиографический указатель трудов Н. К. Крупской и литературы о ее жизни и деятельности, широко отразивший ее работы о библиотеках.

На протяжении 60–70-х гг. было издано более 100 работ, посвященных анализу теоретического наследия Н. К. Крупской по различным проблемам библиотечного строительства. В общетеоретическом и методологическом плане особое значение имело исследование ее вклада в разработку проблемы развития библиотечного дела в СССР как составной части культурной революции; ее учения о социальных функциях советской библиотеки; заложенных ею основ руководства чтением как воспитательного процесса [293а].

В результате проведенных исследований был сделан вывод о выдающейся роли Н. К. Крупской в становлении советской библиотечной теории. Основная заслуга Н. К. Крупской, как отмечал О. С. Чубарьян, заключается в том, что она

сформулировала важнейшие принципы советского библиотековедения и способствовала его развитию как общественной науки [453, с. 7].

Оценивая вклад Н. К. Крупской в разработку методологических основ советского библиотековедения, О. С. Чубарьян подчеркивал, что она определила особенности и задачи советской библиотеки как библиотеки социалистического типа, а ее работу как активный воспитательный процесс, и поставила проблемы руководства чтением [450]. О. С. Чубарьян писал, что в своей совокупности теоретические труды Н. К. Крупской по библиотечному делу – это «основанная на ленинских взглядах, принципиально новая, рожденная условиями социалистического строя, целостная концепция библиотечного дела, органически связанная с целями и задачами развертывания культурной революции» [455, с. 30].

На методологической базе марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции в советском библиотековедении прочно утвердился взгляд, что по своему характеру, целям, проблематике и методам исследования библиотековедение развивается как общественная наука. Например, Н. Я. Фридьева отмечала, что марксистско-ленинское учение о культуре и культурной революции лежит в основе всех наук о культуре и культурно-просветительной работе, в том числе и советского библиотековедения [419, л. 4]. Библиотеки, являясь компонентами духовной культуры советского общества, в то же время выступают активными пропагандистами ценностей культуры и способны создавать новые культурные ценности в результате осуществления своих общественных функций [420, л. 21]. Исходя из этого Н. Я. Фридьева отнесла библиотековедение к циклу наук о культуре [423, л. 4].

Однако, к сожалению, общетеоретические и методологические проблемы библиотековедения, вытекающие из марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции, разрабатывались недостаточно. О. С. Чубарьян писал, что библиотековеды еще не могут увязать проблемы организации библиотечного строительства с основами теории культурной революции, что эти две проблемы идут как два разных параллельных потока [388, л. 26].

Отмечая, что основные закономерности развития социалистической культуры являются одновременно и закономерностями развития библиотечного дела, советские библиотековеды стремились в то же время обосновать и его специфические закономерности. Одна из первых попыток в этом направлении была предпринята И. М. Фруминым. Он выделил следующие закономерности, назвав их законами: непрерывного роста библиотек; их дифференциации; интеграции фондов и роста удельного веса библиотек с универсальными фондами; взаимодействия библиотек [426, с. 67].

По существу в данном случае мы имеем дело не с законами и даже не с закономерностями, а лишь с тенденциями развития библиотечного дела на современном этапе, которые нельзя безоговорочно экстраполировать в буду-

Кроме того, все названные «законы» относятся лишь к развитию библиотечной сети и поэтому не могут быть распространены на библиотечную теорию и практику в целом.

Формирование советского библиотекосведения как общественной науки во многом способствовала критика буржуазных теорий библиотечного дела, которая в рассматриваемый период стала более глубокой и аргументированной. Она была подчинена прежде всего задачам идеологической борьбы, анализу идеологической направленности и структуры буржуазного библиотекосведения.

В работах Р. С. Гиляревского, Н. Н. Гудкова, В. В. Скворцова, Т. С. Ступниковой, Н. И. Тюлиной и др. критиковалась позиция некоторых буржуазных теоретиков, отрицавших библиотекосведение как науку, видевших в нем лишь конгломерат отдельных вопросов, лишенных внутренней взаимосвязи [485].

В анализе теории и практики зарубежного библиотечного дела советские исследователи опирались на ленинский принцип партийности; они подчеркивали, что значение теоретического обоснования этого принципа возрастает в современных условиях острой идеологической борьбы. Как указывал В. И. Ленин, «всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [1, с. 40].

Принцип партийности требует активной, наступательной борьбы со всякими проявлениями нейтральности и объективизма, с попытками ревизии ленинских принципов библиотечного дела, с попытками объявить их устаревшими. Так, Н. Н. Гудков критиковал позицию зарубежного библиотекосоведа В. Черного, который объявил устаревшими ленинские требования, выдвинутые в статье «Что можно сделать для народного образования», и, опуская классовый, социальный характер ленинских положений, пытался доказать, что они были выполнены в Чехословакии еще при буржуазной республике.

Н. Н. Гудков отмечал также попытки наших идеологических противников ревизовать ленинские положения о ведущей, направляющей и организующей роли Коммунистической партии и пролетарского государства, ослабить роль и влияние государства социалистического типа в культурно-воспитательной работе, вырвать из-под его влияния такие рычаги воздействия на массы, какими являются учреждения культуры, в том числе и библиотеки [198].

Анализ трудов Р. Клуца [486], Дж. Ширы [487; 488] и др. показал, что они оценивают библиотечную работу с позиций буржуазной партийности, что за рубежом на смену теории объективизма все активнее приходит открытое признание политического характера библиотечной деятельности. Показательно в этом отношении высказывание американского библиотекосоведа К. Бизли: «В действительности аполитичный и беспартийный характер библиотечной профессии является одним из многих мифов: более точным следует считать определение, заключающееся в том, что библиотекари всегда принимали активное участие в политике» [483, с. 204].

В. В. Скворцов отмечал, что перед буржуазным библиотекосведением все острее встает задача не только разрабатывать новые и более эффективные методы идеологического воздействия библиотек на трудящихся, но и сохранять и продолжать культивировать в сознании библиотекарей буржуазные идеологические представления, не допускать ухода из-под влияния буржуазной идеологии определенной части библиотечных работников, предотвращать распространение в их среде идей социального прогресса [363, с. 10].

С принципиальных, партийных позиций критике были подвергнуты буржуазные теории библиотечного дела, складывавшиеся под влиянием антинаучных положений и методов буржуазной социологии. Так, В. В. Скворцов писал о попытках буржуазных библиотекосведов рассматривать проблему «Библиотека и общество» вне времени и пространства, вне связи с конкретными историческими условиями. Он указывал, что эта проблема не может исследоваться в общем плане, поскольку в разных социальных и исторических условиях имеет разное содержание. Оптимальное решение проблемы «Библиотека и общество» возможно только в условиях социализма.

Критикуя взгляды Дж. Ширы, автора буржуазной социологии библиотечного дела, В. В. Скворцов отмечал, что они сложились под влиянием теории «технотронного века», по которой проблема воздействия современного общества на библиотеки сводится в основном к внедрению новой техники и связанному с ним изменению форм и методов библиотечной работы. Но и в социологическом, и в других планах воздействие общества на библиотеки, как подчеркивал В. В. Скворцов, является гораздо более сложным. Социологическая теория библиотечного дела Дж. Ширы основывается на «идеологической буржуазной мифологии», на рассуждениях о движении капиталистического общества к так называемому «обществу изобилия», «постиндустриальному» обществу [361].

Р. С. Гиляревский также указывал, что Дж. Шире не удалось выйти за рамки «тривиальных теорий американской буржуазной социологии»: говоря о библиотечном деле как коммуникативном процессе, он сводил его роль к установлению «понимания» между личностями. Р. С. Гиляревский подчеркивал, что здесь мы сталкиваемся с одним из положений так называемой «теории социального действия», которая фетишизирует личностный момент в социальных отношениях [475, с. 5].

Советские библиотекосведы пришли к важному теоретическому выводу, что реакционные, консервативные концепции в теории и практике библиотечного дела современных буржуазных стран отражают противоречия капиталистического общества и его культуры.

В 60–70-е гг. рассматривались проблемы о предмете и объекте советского библиотекосведения, что имело большое значение для развития его как науки.

Было дано несколько определений библиотекосведения. В «Словаре библиотечных терминов» оно значит как научная дисциплина, изучающая

цели, принципы, содержание, систему и формы общественного пользования произведениями печати и другими носителями информации в конкретных исторических условиях. При этом подчеркивалось, что советское библиотекосведение на основе марксистско-ленинской методологии анализирует в первую очередь социальные проблемы: народ и книга, чтение и читатель, руководство чтением, библиотека и информация, система библиотечного обслуживания [364, с. 23].

Здесь же дано определение социалистического библиотекосведения: наука, общетеоретические положения которой определяют закономерности развития библиотечного процесса в условиях социалистического общества, учитывая национальные особенности библиотечного дела. Таким образом, оказалось, что в «Словаре библиотечных терминов» (1976 г.) на одной странице библиотекосведение названо и наукой, и научной дисциплиной.

В рассматриваемый период претерпели известную эволюцию взгляды О. С. Чубарьяна на библиотекосведение как науку. Во 2-м издании учебника «Общее библиотекосведение» (1968 г.) он определял библиотекосведение как отрасль знания, изучающую цели, принципы, содержание, систему и формы общественного пользования книгами. Он указывал, что основная теоретическая задача библиотекосведения – исследование закономерностей развития библиотечного процесса как социального явления, связанного с использованием книжных богатств в общественных интересах [454, с. 11]. Обосновывая советское библиотекосведение как общественную науку, он отмечал, что в нем на первый план выдвинуты социальные проблемы библиотечного дела: анализ места библиотеки в социалистическом обществе, путей использования библиотеки в помощь воспитанию, образованию и просвещению советского народа, научно-техническому прогрессу, конкретным форм связи библиотечной работы с процессом коммунистического строительства [464, с. 9–10].

В 3-м издании учебника (1976 г.) дано уже несколько иное определение: советское библиотекосведение – общественная наука, изучающая закономерности развития, свойства, характер и структуру библиотечного процесса как одной из форм массовой социальной коммуникации, рассматривающая книжное обращение и общественное пользование книгами в качестве средства коммунистического воспитания и подъема культурно-технического уровня трудящихся, важного канала распространения достижений науки и техники [455, с. 5]. Главную задачу советского библиотекосведения О. С. Чубарьян видел в исследовании закономерностей книжного обращения в конкретных условиях социалистического общества [455, с. 11].

В этом определении, с одной стороны, неоправданно расширены границы библиотечной науки: перед ней поставлены задачи исследовать все каналы книжного обращения, а не только библиотечный; а с другой – сужены, так как советское библиотекосведение призвано изучать «закономерности книж-

ного обращения» не только в социалистическом, но и в капиталистическом обществе.

Другое определение советского библиотекосведения принадлежало И. М. Фрумину. Обосновывая предмет науки, он исходил из того, что суть и смысл библиотечного дела составляет организация книжных фондов библиотек, их функционирование и использование для социальных нужд. Поэтому он полагал, что предметом библиотекосведения является система библиотек страны, обеспечивающая формирование, хранение и всеобщее использование национального книжного фонда в соответствии с потребностями развития народного хозяйства, науки, культуры, идеологического процесса [42б, с. 67]. Если определение О. С. Чубарьяна, как мы уже отмечали, неоправданно расширяло предмет библиотекосведения, то трактовка И. М. Фрумина сводила его к исследованию функционирования книжных фондов. Это ограничение предмета суживало задачи библиотекосведения и превращало его в прикладную науку о библиотеке.

Попытку определить предмет библиотекосведения предпринял также Н. Г. Лордкипанидзе, который рассматривал его как науку, изучающую книгу и читателя, их взаимоотношения и организацию этих взаимоотношений. Он полагал, что определение библиотекосведения как отрасли знания, охватывающей все вопросы организации и содержания работы библиотек, является узким, отражающим уклон библиотекосведения в сторону «технизма». Поэтому он ставил задачу расширить границы библиотекосведения и заложить основы науки, обобщающей и объединяющей все библиотекосведческие, книговедческие и библиографические дисциплины. Считая термин «библиотекосведение» слишком узким для столь общей науки, он предлагал назвать ее «библалогика».

Основными научными дисциплинами, входящими в цикл «библалогических наук», по мысли Н. Г. Лордкипанидзе, должны быть «библиоистория» (история книги и библиотек), «библиографика», «каталогика», «анагностика» (от греческого «анагностес» – читатель), «библиотекосномия» (библиотечная техника) [279].

Таким образом, Н. Г. Лордкипанидзе отрицал возможность теоретического исследования и обоснования самого библиотечного процесса, сводя его в основном к вопросам библиотечной техники. Все это по существу зачеркивало библиотекосведение как самостоятельную науку. Не новым были и попытки расширить предмет библиотекосведения за счет включения в него книговедения и библиографии. Подобная трактовка предмета существовала еще в первые годы Советской власти и уже тогда была подвергнута критике.

С нашей точки зрения, наиболее четко отражает предмет советского библиотекосведения определение, предложенное Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина: самостоятельная научная дисциплина общественного цикла, исследующая содержание и формы общественного пользования

произведениями печати и другими носителями информации через посредство библиотеки в интересах строительства коммунистического общества. Н. М. Сикорский отмечал, что советское библиотекведение сформировалось как «зрелая, самостоятельная по всем основным параметрам научная дисциплина, ведущее направление в мировой библиотекведческой мысли» [474, с. 8].

Следовательно, несмотря на отдельные разночтения, во всех названных определениях подчеркивалось, что библиотекведение относится к наукам общественного цикла. Однако его называли и наукой, и научной дисциплиной, и отраслью знания. Причину этого следует, видимо, искать в том, что до сих пор не установлено, в достаточной степени не обосновано место библиотекведения в системе наук, хотя в большинстве определений и подчеркивается его самостоятельность.

Большинство советских библиотекведов предметом своей науки считали исследование общественных функций библиотек в конкретно-исторических условиях. Так, Н. Я. Фридьева подчеркивала, что именно потому мы и имеем основание говорить о нем как об общественной науке, что его предметом являются общественные функции библиотек [420, л. 25].

Одной из дискуссионных проблем библиотекведения является вопрос о его объекте. Ее сложность обуславливается прежде всего тем, что до сих пор нет единого мнения по вопросу, следует ли различать предмет и объект нашей науки.

Так, не различал эти понятия Ю. В. Григорьев, который считал, что библиотекведение имеет «свой объект изучения, свой предмет – библиотечное дело (его историю, теорию, методiku и практику), библиотеку как таковую, взятую в целом со всеми ее основными компонентами» [191, с. 56]. Не видел разницы между предметом и объектом и Ю. Н. Столяров, который полагал, что библиотека является одновременно и предметом, и объектом библиотекведения [392].

Нам такая позиция представляется неоправданной и мешающей четкому определению задач библиотечной науки. Мы считаем, что понятие «предмет» связано со спецификой изучения объекта именно данной наукой. Например, исследованием книги занимаются книговедение, библиографоведение, литературоведение, психология, информатика, библиотекведение и другие науки. Каждая из них изучает те стороны и свойства данного объекта, которые составляют ее предмет. Поэтому у разных наук может быть один и тот же объект, но не может быть одного и того же предмета.

По вопросу о том, что является объектом (или объектами) библиотечной науки, в 60–70-е гг. существовали разные точки зрения. Одна из них исходила из представления, что единственным объектом библиотекведения является библиотека. Эту позицию, как уже отмечалось, занимал Ю. В. Григорьев. Он считал, что и фонды, и каталоги, и организация обслуживания читателей, и ру-

ководство их чтением должны являться предметом и объектом библиотековедения [191].

Нетрудно увидеть внутреннее противоречие в позиции Ю. В. Григорьева: с одной стороны – ограничение объекта библиотековедения библиотекой, библиотечным делом, с другой – указание на то, что предметом и объектом его исследования являются фонды, а также организация обслуживания и руководство чтением. Но второе положение неизбежно ведет к логическому выводу, что книга и читатель также являются объектами библиотековедения, ибо невозможно изучать фонды без книг, а руководство чтением без читателей.

Точку зрения, по которой библиотека является единственным объектом библиотековедения, поддерживал и Ю. Н. Столяров. Он полагал, что объектом науки является библиотека как система, состоящая из книги, библиотекаря, читателя и материально-технической базы [392].

Следует отметить, что выделение библиотеки в качестве объекта библиотечной науки вызвало и возражения, которые в наиболее развернутом виде были представлены А. Я. Черняком. Основные его доводы сводились к тому, что библиотека – это явление «чрезвычайно сложное и в известном смысле нечеткое». Отсюда необходимость разложить его на более простые составные элементы: книга, библиотекарь, читатель [445, с. 65]. Причем, в этой триаде наиболее специфическим для библиотеки компонентом признавался библиотекарь.

Основная ошибка А. Я. Черняка заключалась в том, что он не видел в собирательном понятии «библиотека» самостоятельного объекта, а рассматривал его лишь как совокупность трех объектов: книга, читатель, библиотекарь. Однако существуют многие другие компоненты библиотечной деятельности, которые являются автономными по отношению к библиотекарю, но также входят в понятие «библиотека». Это библиотечные здания, оборудование, каталоги, справочно-библиографический аппарат и т. п. К библиотеке в целом, а не к библиотекарю, даже в собирательном значении этого понятия, относятся вопросы организации труда и управления, экономики библиотечного дела, библиотечной статистики, библиотечной эстетики и многое другое, что невозможно рассматривать в рамках «закрытой и жесткой» системы «книга – библиотекарь – читатель», но что отлично укладывается в систему «книга – библиотека – читатель».

Ошибочность позиции А. Я. Черняка особенно заметна при сопоставлении его системы «книга – библиотекарь – читатель» с им же нарисованной перспективной заменой в будущем библиотекаря «машиной», невольно подводящей к заключению, что единственным специфическим объектом библиотековедения будет машина, используемая в библиотеке.

В этих рассуждениях слышатся отголоски дискуссии о библиотеке будущего как библиотеке без библиотекаря, библиотеке-машине. Сторонники «вытеснения» библиотекаря из библиотечного процесса исходили из убеждения,

что библиотечной деятельности свойственна лишь информационная функция. Именно игнорирование идеологических функций библиотеки и привело некоторых теоретиков к выводам о замене библиотекаря машиной. Поясним, что механизация и автоматизация в библиотечном деле направлены не на ликвидацию библиотекаря, а на освобождение его от ряда процессов, которые могут быть переданы машине, и на создание тем самым более благоприятных условий для осуществления им идеологических функций руководства чтением.

А. Я. Черняк прав, когда пишет, что наука может изучать несколько разных объектов. Однако он упускает из вида то, что объекты по своему значению далеко не всегда являются равновеликими и поэтому, как правило, не изучаются в равной мере. Разные науки могут исследовать один и тот же объект. Но одни из них изучают общие свойства объекта, другие – только отдельные, частные стороны. Так, объект «библиотека», вопреки утверждению А. Я. Черняка, не включает в себе полностью объектов «книга» и «читатель», поскольку библиотекосведение исследует лишь отдельные стороны этих объектов.

А. Я. Черняк указывает, что для библиотекосведения важны такие характеристики книги, как целевое и читательское назначение, форма издания, тираж, год выпуска и т. д. Указанные характеристики действительно важны, однако непонятно, почему библиотекосведение должно получать их самостоятельным путем, а не опираться на данные других наук – книговедения, библиографосведения. Ведь все названные А. Я. Черняком параметры свойственны книге вообще, а не только библиотечной.

О. П. Коршунов писал, что библиография не изучает книгу как «явление», что это – задача книговедения [259, с. 27]. Еще меньше оснований для изучения книги как «явления» у библиотекосведения. Оно изучает не книгу, а ту особым образом организованную систему книг, которая называется библиотечным фондом. Знания о книге как объекте этой системы библиотечная теория и практика получают из книговедения и библиографосведения.

Библиотекосведению нет никакой необходимости «узурпировать» чужие области исследования. Оно должно опираться на данные других наук, но не подменять их. А. Я. Черняк прав, что для библиотекосведа книга выступает как «явление». Однако не библиотекосведение изучает это явление. Верно также, что библиотекосвед нуждается в знании и оценке содержания книги с позиций и в рамках функционального подхода. Но это не значит, что он должен самостоятельно добывать эти знания и сам их оценивать, не опираясь на данные книговедения, библиографосведения, информатики, литературосведения и других наук.

Нельзя согласиться и с позицией тех библиотекосведов, которые рассматривали книгу как основной объект библиотекосведения. На этой позиции стоял, в частности И. М. Фрумин, который утверждал, что организация библиотечных

фондов составляет суть и смысл библиотечного дела, что книжный фонд является ведущим элементом, поскольку «без него в библиотеке нечего делать читателям, не нужен библиотекарь» [426, с. 67].

Разумеется, без собрания книг библиотека невозможна. Однако библиотека создается не для хранения книг, а для предоставления их читателям. Далеко не каждое книжное собрание (книжная база, книжный склад и т. п.) является библиотекой. Оно становится библиотекой только тогда, когда появляется читатель.

Однако и читатель не является специфическим объектом только библиотечного дела. Его изучают книговедение, библиографоведение, социальная психология, психология личности, социология, информатика, педагогика и другие науки. Библиотечное дело изучает не читателя вообще, а читателя библиотеки, хотя, разумеется, добытые им знания об этом читателе представляют большую ценность и для понимания читателя как «явления».

Поэтому неправомерно рассматривать читателя в качестве ведущего объекта, как это делают некоторые библиотечные деятели. Например, Н. С. Карташов, обосновывая эту точку зрения, отмечал, что в системе «книга – библиотекарь – читатель» основным, главным звеном является читатель. Все библиотечные проблемы должны рассматриваться не в отрыве от читателя, а с точки зрения определенной системы взаимоотношений с ним. Поэтому в задачу библиотечного дела входит изучение и читателя, и чтения. Н. С. Карташов полагал, что «конечная стадия библиотечного дела – проблема чтения», что чтение, будучи введено в систему библиотечного дела, логически придаст ему законченность [205, с. 3–4].

Этим самым Н. С. Карташов неоправданно расширял границы библиотечного дела, считая его задачей изучение взаимоотношений в системе «книга – читатель», которые должны исследоваться другими науками (книговедением, библиографоведением, психологией и т. д.). Выделение читателя в качестве главного объекта невольно ведет к умалению роли библиотечного дела как единственной науки, в полном объеме, всесторонне исследующей библиотечную деятельность.

Что же касается понятия «библиотекарь», то нет оснований отделять его от единого объекта – библиотеки, в которой только и мыслимо его существование. Если книга и читатель могут находиться и находятся вне библиотеки, то библиотекарь является необходимым компонентом библиотеки и не существует вне этого объекта.

Стремление А. Я. Черняка выделить в качестве объектов исследования «конкретное, осязаемое, удобное для изучения» привело к разрушению структуры изучаемого целого – библиотеки, вместо того чтобы диалектически рассмотреть взаимосвязи целого и его частей. В результате библиотека предстает не как реально существующее явление, а лишь как комплекс взаимоотношений между книгой, библиотекарем и читателем.

Поэтому широкое развитие получила другая концепция, основанная на том, что библиотекосведение исследует системный объект, центральным, но не единственным элементом которого является библиотека. Эту точку зрения разрабатывали Л. И. Беляева, Ю. А. Гриханов и др., а также авторы коллективной монографии «Библиотекосведческие исследования. Методология и методика» [145].

Так, Л. И. Беляева полагала, что библиотекосведение исследует взаимоотношения трех объектов – библиотеки, книги и читателя. Главным из них является библиотека, которая стоит не внутри системы «книга – читатель», а вне ее и над ней. Связи объектов библиотекосведения Л. И. Беляева представляла в следующем виде: библиотека – книга – читатель.

Она указывала, что каждый элемент этой системы, в свою очередь, связан многими каналами с обществом. Поэтому совокупность знаний, составляющих библиотекосведение, включает знания о трех объектах: книге, читателе, библиотеке; и о трех видах связей: между библиотекой и обществом; между книгой и читателем (процесс чтения); между библиотекой и системой «Книга – читатель». Эти шесть кругов знаний взаимосвязаны и взаимообусловлены в единой системе [138].

Ю. А. Гриханов также полагал, что центральным, родовым объектом библиотекосведения является библиотека, которую следует рассматривать в качестве объекта не в обиходном смысле (как учреждение), а в научно-социологическом. Библиотекосведение имеет дело с целостным понятием «библиотека», а не с искусственно отсеченными от него компонентами библиотечного процесса. Он считал, что системный объект библиотекосведения включает три элемента, находящиеся в диалектическом взаимодействии, но представляющие собой внутренне целостное образование: библиотека, читатель, документ. Именно библиотека является «центром, сопрягающим эти элементы в сложную и динамичную систему с неполным совпадением их взаимосвязей», так как не все стороны общественного распространения документов, пользования ими, а также деятельности читателей связаны с библиотекой.

Ю. А. Гриханов подчеркивал: специфика библиотекосведения состоит в том, что его центральным объектом является библиотека, взаимодействующая в определенных формах и направлениях с многоликим читателем и разнообразными видами документов, в чем и заключены особенности ее социальных функций, а тем самым функций и задач самого библиотекосведения в системе других общественных наук [196].

Таким образом, понятие «библиотека» не охватывает полностью понятий «книга» и «читатель», но включает лишь те их элементы, которые образуют библиотечный процесс и не могут быть сведены к трем объектам: книга, читатель, библиотекарь. Именно поэтому, с нашей точки зрения, более правильно рассматривать книгу и читателя как относительно самостоятельные компоненты

объекта библиотекосведения, выделяя их из общего понятия «библиотека» и рассматривая как подчиненные по отношению к последнему.

К настоящему времени сложилась развернутая структура советской библиотечной науки. Одним из ее разделов является общее библиотекосведение, предмет изучения которого – закономерности развития библиотечного дела, организация библиотечного обслуживания населения [364, с. 99].

Определение содержания общего библиотекосведения явилось предметом дискуссий, в ходе которых высказывались разные точки зрения о месте этого раздела в системе библиотечной науки.

В дискуссиях можно выделить следующие основные позиции. Одна из них заключалась в том, что общее библиотекосведение – вводный курс библиотекосведения, изучаемый в вузе. Возражая против такого представления, О. С. Чубарьян подчеркивал, что это самостоятельный научный комплекс, включающий большой круг вопросов организации библиотечного обслуживания населения и построения советской библиотечной системы [456, с. 5]. Вместе с тем он весьма расширительно понимал общее библиотекосведение, рассматривая его как методологическую базу более частных библиотекосведческих дисциплин. В результате в разработанный им курс общего библиотекосведения входили общетеоретические и методологические проблемы, которые не могли быть предметом одного раздела библиотекосведения.

К тому же в курс общего библиотекосведения были включены проблемы, исследуемые другой научной дисциплиной библиотекосведения – организацией библиотечного дела. Это приводило, в частности, к дублированию материала в программах и учебниках по общему библиотекосведению и по организации библиотечного дела.

Причина такого расширительного понимания общего библиотекосведения заключалась, полагаем, в том, что оно выделилось первоначально не как научная, а как учебная дисциплина. Необходимость дать студентам представление о всем объеме вопросов, входящих в библиотекосведение, и заставляла вводить в содержание этого курса вопросы теории, методологии и истории, общезнакомительные сведения о ряде процессов и явлений библиотечного дела, которые являются предметом других разделов библиотекосведения.

Уделялось внимание и другим проблемам дифференциации библиотекосведения как науки. К началу 60-х гг. в связи с бурным ростом служб научно-технической информации возник вопрос о месте библиотек в их системе. Некоторые библиотекосведы пытались доказать, что общие теоретические положения советского библиотекосведения не подходят для специальных библиотек.

Следует признать, что в этом вопросе сказалось не критическое отношение к зарубежному опыту. Некоторые работники служб НТИ и специальных библиотек, изучая опыт капиталистических стран, вместе с положительны-

ми его сторонами стали перенимать не соответствующие нашим условиям установки.

Это выразилось в противопоставлении целей, задач и содержания работы массовых и специальных библиотек; в утверждениях, что для специальных библиотек неприемлема работа «в духе руководства чтением» [410, с. 5], что специальная библиотека должна обслуживать только специалистов, а обслуживание рабочего класса – дело массовых библиотек и т. п. Отсюда делался вывод, что деятельность специальных библиотек подчиняется иным закономерностям, не свойственным другим типам и видам библиотек, и поэтому требует для теоретического обоснования своей теории – специального библиотековедения.

Данная позиция была подвергнута резкой критике. В ней правильно увидели попытку отойти от принципа партийности, «от ленинского понимания общественной роли и функций советской библиотеки – органического звена в системе идеологических учреждений» [446].

Нет никаких оснований считать, что практика специальных библиотек базируется на каких-то особых теоретических положениях. Теоретические основы советского библиотековедения едины для всех библиотек. Дифференциация относится лишь к особенностям применения общих теоретических положений к практике работы библиотек различных типов и видов, т. е. к области методики.

Усиленное подчеркивание особенностей специальных библиотек противоречит действительности и не имеет достаточных оснований. В деятельности библиотек разных видов преобладает общее, а не особенное. Они руководствуются едиными теоретическими положениями советского библиотековедения, используют одинаковые формы и методы работы. Самый скрупулезный анализ методов работы библиотек разного типа и организационных форм их деятельности не позволяет выделить какие-либо из них, присущие только библиотеке одного типа. Если какая-то форма работы в настоящее время не применяется библиотеками других типов, то в принципиальном плане нет никаких оснований утверждать, что она не может быть использована. Напомним, что попытки отличить массовые библиотеки от специальных базировались в свое время на утверждении, что в работе первых не используются средства механизации и автоматизации, что, якобы, является особенностью специальных библиотек. Нелепость этого утверждения сегодня очевидна.

Выделение «специального библиотековедения» объективно ведет к изоляции большой группы советских библиотек от общей библиотечной системы, делает для них необязательными основополагающие принципы советского библиотековедения, что в конечном счете противоречит постановлению ЦК КПСС о библиотечном деле (1974 г.), в котором все советские библиотеки независимо от типов и видов определены как идеологические и научно-информационные учреждения.

В формировании общетеоретических и методологических основ советского библиотекосведения, его становлении как науки важное место занимала разработка понятийного аппарата. Н. И. Тюлина называла эту проблему в числе наиболее актуальных и неотложных. Она отмечала, что уточнение библиотечной терминологии поможет раскрыть содержание библиотечной науки и смысл ее основных понятий, более четко сформулировать принципиальные позиции, отличающие советское библиотекосведение от буржуазного. Она подчеркивала, что эта проблема в первую очередь не лингвистическая, а идеологическая [407, с. 75].

Наметились следующие направления разработки понятийного аппарата: анализ его состояния, определение общих свойств и специфических особенностей; упорядочение библиотечной терминологии; построение системы терминов [364].

Последние два десятилетия характеризовались обостренным вниманием к разработке общетеоретических проблем библиотечной науки. В ходе дискуссии уточнялись предмет и объект библиотекосведения, его основные задачи и структура. И хотя по ряду общетеоретических вопросов не было достигнуто единой точки зрения, исследование этих проблем явилось новым крупным шагом на пути формирования советского библиотекосведения как самостоятельной общественной науки.

Учение о социальных функциях советской библиотеки

В 60–70-е гг. в советском библиотекосведении продолжалось теоретическое обоснование места библиотеки в жизни общества и ее социальных функций. В разработку этой проблемы значительный вклад внесли К. И. Абрамов, Л. М. Инькова, А. И. Пашин, В. В. Серов, О. С. Чубарьян и др. Они подчеркивали, что учение о социальной роли библиотеки базируется на подходе к библиотеке как к одному из явлений надстроечного характера. Такой подход, по мнению Н. Е. Добрыниной, позволяет рассматривать библиотеку как «социальный институт, аккумулирующий в себе и распространяющий идеи, социальный опыт, учения, знания, объективизированные и материализованные в произведениях печати». Она подчеркивала, что социальные функции (образовательная, воспитательная, информационная) присущи и библиотеке капиталистического общества, но их содержание принципиально иное, поскольку содействует воспроизводству капиталистических общественных отношений [211].

В развитии учения о социальных функциях библиотек советские исследователи исходили из классового характера библиотечного дела, его обусловленности социальной и экономической жизнью общества. В их работах отмечалось, что вопрос о социальной роли библиотек является тем пробным камнем, который вскрывает сущность библиотечной теории. Признание или отрицание роли библиотек как инструмента классовой идеологической борьбы, связи библиотечной работы с политическими течениями и партиями образуют

границу, разделяющую социалистическое и буржуазное библиотековедение [216, с. 135].

ЦК КПСС в постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) дал новое определение советской библиотеки, значительно расширяющее ее социальные функции. В нем советские библиотеки названы важнейшими опорными базами партийных организаций по коммунистическому воспитанию трудящихся, идеологическими и научно-информационными учреждениями [24]. Это теоретическое положение, как отмечал В. В. Серов, означало необходимость коренной перестройки деятельности всех советских библиотек. Важнейшим ее направлением явилась централизация сети библиотек, главная цель которой – обеспечить расширение и углубление функций библиотек, повысить их роль как идеологических и информационных центров [357].

Обоснованию социальных функций советской библиотеки в условиях развитого социализма были посвящены работы А. И. Пашина, который наряду с политико-воспитательной, образовательной и информационной функциями библиотек выделял коммуникативную и гедоническую функции. Раскрывая их содержание, он отмечал, что коммуникативная функция способствует общению людей, обмену информацией, эмоциональному взаимовлиянию. Библиотека является местом межличностных общений и прямых личных контактов. Гедоническая функция способствует удовлетворению эстетических потребностей читателей [314, с. 84].

Еще большее количество функций библиотеки было предложено И. М. Фруминым. Среди названных им восьми функций три совпадают с общепринятыми в советском библиотековедении, хотя и с некоторыми расхождениями в формулировках: агитационно-пропагандистская; педагогическая; помощь в овладении достижениями науки и техники, помощь производству. Эстетическая функция, предложенная в своих работах И. М. Фруминым, совпадает с гедонической, которую обосновал А. И. Пашин.

И. М. Фрумин предлагал выделить еще такие функции, как библиотечная (пропаганда книжных фондов), библиографическая (консультативная помощь читателям), «интеллектуализация чтения», интернациональное воспитание [337, л. 4].

Появление в перечне И. М. Фрумина последней функции не может не вызывать недоумения. Если интернациональное воспитание считать самостоятельной функцией, а не одним из направлений идейно-воспитательной работы библиотек, то и в таком случае непонятно, почему в качестве самостоятельных функций не выделены все остальные направления коммунистического воспитания.

Что ж касается предложений И. М. Фрумина о специальном рассмотрении таких аспектов деятельности библиотеки, как «интеллектуализация чтения», пропаганда и раскрытие фондов, библиографическая помощь читателям, то

в них, без сомнения, есть рациональное зерно. Дело в том, что три основные социальные функции библиотеки (идейно-воспитательная, образовательная, помощь профессиональному чтению) связаны с содержанием чтения. Вместе с тем деятельность библиотеки по руководству чтением включает не только помощь читателям в выборе книг, но и в самом процессе чтения.

Таким образом, библиотека выполняет важную социальную функцию, содержание которой определяется понятиями: воспитание культуры чтения, пропаганда библиотечно-библиографических знаний, библиотечно-библиографическая ориентация читателей. На важность этой функции советской библиотеки на протяжении рассматриваемого периода дважды указывал ЦК КПСС в постановлениях о библиотечном деле 1959 и 1974 гг. Вряд ли целесообразно этот единый по существу комплекс проблем делить на три функции, как это делает И. М. Фрумин, но очевидно, что функция пропаганды библиотечно-библиографических знаний и воспитания культуры чтения является самостоятельной и весьма важной социальной функцией библиотеки.

В другой своей работе [426] И. М. Фрумин разделил функции библиотек на два типа: социальные и технические. В свою очередь социальные функции подразделены им на два вида: общие и специфические. К общим функциям, которые присущи всем идеологическим учреждениям, И. М. Фрумин относил воспитательную, образовательную и организационную (доведение книги до населения). Помощь профессиональному чтению, или информационная функция, рассматривалась им не как самостоятельная, а как часть образовательной функции. С этим нельзя согласиться, учитывая то значение, которое ЦК КПСС придает библиотекам как информационным учреждениям.

И. М. Фрумин выделял функции, специфические только для библиотек: создание единого общегосударственного книжного фонда общественного пользования; организация его циркуляции; целенаправленное руководство чтением. Обращает на себя внимание смешение в этой классификации социальных функций и средств их осуществления. Создание фондов, организация их циркуляции, доведение книги до населения являются не социальными функциями, а лишь организационными мерами, направленными на создание условий, необходимых для осуществления этих функций.

Важнейшей задачей библиотек советские исследователи считали формирование гармонически развитой личности. Решению этой задачи подчинены все социальные функции советской библиотеки, находящиеся во взаимодействии. К. И. Абрамов отмечал, что было бы неверным урезать значение какой-либо из социальных функций библиотеки, каждая из них одинаково важна и должна получать максимальное развитие [224, с. 93].

Большое внимание уделялось также дальнейшей разработке воспитательной функции библиотек. Как отмечала Л. М. Инькова, по мере продвижения советского общества к коммунизму эта функция, базирующаяся на общей теории

коммунистического воспитания, становится все более многоаспектной [226, с. 18–19].

Исходя из решений XXV съезда КПСС, определившего основные направления комплексного подхода к идеологической работе, советские библиотековеды применяли его к решению воспитательных задач, стоящих перед библиотеками. А. И. Пашин, рассматривая комплексный подход в библиотечной работе, выделял пять его составных частей: четкое и ясное определение задач идеологического воспитания и содействия научно-технической революции; целенаправленное использование всех форм и методов библиотечной работы; дифференцированный подход к читателям, учет условий их трудовой деятельности, специфических особенностей различных групп населения; пропаганда литературы с целью привлечения трудящихся к активной производственной и общественной деятельности; органическое единство деятельности библиотек с воспитательной работой, проводимой партийными и комсомольскими организациями [313, с. 10].

Воспитательная функция рассматривалась в качестве важнейшей для библиотек всех типов и видов, что является одним из фундаментальных положений советского библиотековедения. Так, В. И. Шунков отмечал, что любая библиотека – это прежде всего идеологическое учреждение. С этих позиций он критиковал существовавшие представления о том, что в научной библиотеке нет почвы для идеологической работы, считал необходимым выделить пропагандистскую деятельность научных библиотек в их работе с читателями [479, с. 9].

В библиотековедческой литературе отмечалось, что специальная библиотека, как и всякая другая, является прежде всего идеологическим учреждением, что сужение ее функций, сведение их лишь к участию в процессах информации является по существу попыткой пересмотреть линию партии в библиотечном деле [176, с. 8]. Эта ошибочная позиция была следствием некритического заимствования теорий буржуазного библиотековедения, имеющих в своей основе «теорию деидеологизации», сторонники которой утверждали, что эпоха научно-технической революции – это эпоха «конца идеологии», когда она должна уступить место информации.

Т. Ф. Каратыгина, рассматривая вопрос о социальных функциях советских технических библиотек, подчеркивала, что их общественное назначение определяется, прежде всего, участием в идейно-воспитательной работе по мобилизации масс на борьбу за создание материально-технической базы коммунизма, в формировании коммунистической сознательности и воспитании нового человека [235, с. 16].

Вместе с тем подчеркивалось, что между информационной и пропагандистской работой библиотек не существует искусственных перегородок. Оба эти направления часто переплетаются, дополняют друг друга. Так, Б. Н. Бачалдин указывал, что в условиях научно-технического прогресса совершенствова-

ние работы специальных библиотек является не только чисто информационной, но и важной политической задачей. Решив ее, библиотеки укрепят свою роль как массового идеологического учреждения и неотъемлемого звена системы информации [135, с. 45].

Советские теоретики подчеркивали, что в условиях обостренного идеологического противоборства двух социальных систем информационная деятельность библиотек также строится на основе принципа партийности. Г. П. Фонотов отмечал, что опора на принцип партийности необходима не только тогда, когда речь идет об информации по общественно-политической тематике, но и когда вообще решается вопрос, что люди должны читать в первую очередь, т. е. охватывать все отрасли распространения информации, включая естественно-научную и техническую [474, с. 12].

В 60–70-е гг. на основе указаний ЦК КПСС о советской библиотеке как идеологическом и научно-информационном учреждении наши исследователи значительно развили и обогатили учение о социальных функциях библиотек, которое заняло ведущее место среди общетеоретических концепций советского библиотекосведения.

Теория руководства чтением

Разработка учения о социальных функциях советских библиотек на всех этапах развития библиотечной науки была тесно связана с изучением на основе принципов партийности и активности теоретических проблем руководства чтением, направленных на воспитание всесторонне развитой личности.

В 60–70-е гг. все более утверждается взгляд на теорию руководства чтением как на основополагающую теорию советского библиотекосведения, имеющую не частное, а общеметодологическое значение. Так, Н. Я. Фридыева подчеркивала, что руководство чтением является центральной проблемой, а принципы, на которых оно строится, – основные и важнейшие принципы советского библиотекосведения [419, с. 3].

О. С. Чубарьян отмечал, что превращение чтения в массовую социальную коммуникативную систему требует научного управления социальным процессом использования книжных богатств. Он писал: «Советский Союз был первой страной в мире, где в наиболее полном и последовательном виде была создана в масштабе всей страны управляемая государством социальная коммуникативная система „человек и книга“. Социалистическому обществу далеко не безразлично, что читают трудящиеся, какова идейная и познавательная ценность книг, составляющих круг чтения населения, как практически итоги чтения реализуются в общественной жизни. Партия всегда рассматривала все дело книжного обращения и организации массового чтения как составную часть идеологической работы» [335, с. 14].

Культурно-политическое значение целенаправленного руководства чтением О. С. Чубарьян видел, во-первых, в организованном использовании социальных функций чтения в целях культурной революции и мобилизации масс

на решение политических и хозяйственных задач; во-вторых, в планомерном общественном воздействии на круг чтения советских людей для концентрации их внимания на лучших книгах, способствующих идейной закалке, формированию материалистического мировоззрения, овладению новейшими достижениями науки и техники; в-третьих, в превращении чтения в массовое социальное явление, распространенное среди всех народов многонациональной Советской страны [463, с. 12].

Поэтому, подчеркивал О. С. Чубарьян, следует говорить не о разрозненных мерах по привитию навыков пользования книгами, а о «национальной системе организации массового чтения» и о том месте, которое в ней должны занять библиотеки. Он выделял три вопроса, связанных с формированием национальных систем организации массового чтения: взаимосвязь коммуникативных средств, степень активности библиотек, сфера их влияния. Он указывал, что советская концепция заключается в признании библиотек основными организаторами массового чтения [466, с. 33–34].

В развитии теории руководства чтением интегрирующую роль О. С. Чубарьян отводил библиотекосведению, где исследование проблем чтения и читателей является одной из главных задач и давно заняло довольно видное место. В качестве аргументов он выдвигал следующие положения: библиотека является хотя и не единственным, но важнейшим каналом продвижения книг и организации массового чтения; библиотека – наиболее солидная и надежная база для исследования чтения и читателей; достижения теории руководства чтением реализуются, прежде всего, в библиотечной практике, в сфере общественного пользования книгами [335, с. 25]. О. С. Чубарьян подчеркивал, что научное определение самого понятия, а также проблематика руководства чтением сложились в советском библиотекосведении и относятся к его достижениям. Он рассматривал руководство чтением в качестве ключевой проблемы библиотечной теории [455, с. 64].

Г. И. Позднякова также видела основную задачу советского библиотекосведения в разработке вопросов научного управления процессами массового чтения. Она считала, что обеспечить эффективность руководства чтением в библиотеке возможно лишь на основе разработки его современной стратегии и тактики, строго научной педагогической концепции воспитательной работы в библиотеке [320, с. 4]. Этим самым подчеркивалось, что именно через руководство чтением осуществляется воспитательная функция библиотеки, что оно и представляет собой «педагогику чтения».

Подчеркивалось, что руководство чтением предполагает как организацию, так и управление процессом чтения. Организация системы руководства чтением – проблема общегосударственной важности, в решении которой принимают участие издательства, учебные заведения, общественные организации, средства массовой информации и т. п. Поэтому «руководство чтением, взятое в широком социальном и исторически конкретном плане, есть одна из культур-

но-просветительных функций Советского государства» [397, с. 54]. Библиотека, призванная быть организатором чтения различных читательских групп, выступает как одно из звеньев разветвленной системы руководства чтением.

И. В. Бахмутская и Е. П. Васильева рассматривали библиотеку как один из центров формирования духовной культуры, выполняющий функции удовлетворения читательских потребностей и социального контроля. Функцию удовлетворения читательских потребностей они определяли как процесс целенаправленного формирования навыков чтения, читательской культуры, устойчивых стереотипов поведения личности в выборе системы чтения. Уже на стадии удовлетворения читательских потребностей происходит не пассивное выполнение запросов читателей, а осуществляется активное влияние на чтение.

Функция социального контроля заключается в регулировании и управлении процессами чтения. Под регулированием понималось «приведение потребностей в усвоении ценностей материальной и духовной культуры в соответствие с потребностями общества через чтение». Управление чтением – это процесс целенаправленного воздействия на личность посредством печатных и аудиовизуальных источников информации с учетом духовных потребностей различных групп и их особенностей [134, с. 33].

Таким образом, по этой концепции, руководство чтением, теоретические основы которого определялись с позиции теории социального управления, рассматривалось как единство двух функций: помощь читателям в процессе чтения и управление чтением.

Однако положение о том, что руководство чтением составляет основу библиотечной практики, а его теория имеет общеметодологическое значение для советского библиотековедения, не было общепризнанным. В 60–70-е гг. мы встречаемся с новыми попытками вообще отрицать руководство чтением. Так, Ю. С. Зубов полагал, что при руководстве чтением читатель из субъекта познавательной деятельности превращается в объект воспитательно-педагогического воздействия со стороны библиотекаря, что на практике вызывает недовольство читателей [220, с. 39].

В этом утверждении неверна прежде всего исходная позиция противопоставления познавательной деятельности читателя и воспитательного воздействия библиотекаря, которые, якобы, превращаются одна в другую. Между тем очевидно, что любое воспитательное воздействие не только не отрицает, но предполагает самостоятельную познавательную деятельность субъекта, на которого направлено воздействие.

Отрицать воспитательно-педагогическое воздействие на чтение значит отрицать социальные функции библиотеки, ее роль как идеологического учреждения. Что же касается «недовольства читателей», то причины этого явления были хорошо раскрыты еще Н. К. Крупской. Излишняя опека, навязывание книг читателям, конечно, не могут не вызывать недовольства. И, наоборот, дельный

совет квалифицированного библиотекаря всегда будет принят читателем с благодарностью.

Управление духовной жизнью, в том числе и чтением, в классовом обществе – это объективная реальность, существующая вне воли и желания отдельных библиотекосведов и библиографов. Поэтому более плодотворными были бы не попытки отрицать руководство чтением, а поиск наиболее эффективных путей его осуществления разными средствами библиотечного воздействия в библиотеках разных типов по отношению к различным группам и категориям читателей.

В эти годы, как и в прошлые периоды, имели место попытки ограничить значение руководства чтением. Так, некоторые библиотекосведы полагали, что оно является лишь внутрибиблиотечным процессом, не охватывающим всего содержания библиотечной работы, что в этот «специфически библиотечный метод» неправомерно включать любые виды и формы пропаганды книги. Наиболее последовательно подобную точку зрения отстаивал Л. В. Беляков, который считал, что термин «руководство чтением» применяется только по отношению к массовым библиотекам, что же касается научных и специальных библиотек, то речь может идти об использовании лишь его отдельных элементов [139, с. 25].

На сходных позициях стоял В. И. Терешин, по мнению которого, руководство чтением можно применять в специальных библиотеках только частично, что роль библиотекаря как руководителя чтения характерна только при обслуживании рабочих. Отношения остальных читателей с библиотекарем строятся на основе равенства, взаимопомощи: «Мы не можем согласиться с теми, кто утверждает, будто читатель всегда должен быть объектом руководства чтением со стороны библиотекаря» [396, с. 5–6].

Г. К. Олзоева, справедливо отмечая, что понятие «руководство чтением» включает в себя две взаимосвязанные задачи – формирование интересов читателей и их удовлетворение всеми средствами библиотеки, – полагала, что в массовых библиотеках в равной степени выполняются обе задачи, а в научных преимущественно одна – удовлетворение запросов читателей. Задача развития читательских интересов, утверждала она, не входит в функцию научных библиотек [309, с. 27]. Этим, по существу, отрицалось руководство чтением, которое предполагает активное влияние на содержание и характер чтения, а не простое удовлетворение запросов читателей.

Ю. В. Григорьев, характеризуя взгляды, отрицавшие необходимость руководства чтением в научных и специальных библиотеках, отмечал, что оно обязательно для библиотек всех типов и для читателей всех категорий, но понимание его и осуществление в библиотеках разных типов и могут и должны быть различными [191, с. 64].

Часть библиотекосведов продолжала придерживаться мнения, что руководство чтением необходимо лишь для отдельных читательских групп, в ос-

новном для малоподготовленных читателей, что читатель-специалист в нем не нуждается. Например, Е. Е. Троицкая писала, что руководство чтением является лишь одним из видов помощи и осуществляется, главным образом, в работе с малоподготовленными читателями, не имеющими определенных интересов и навыков самостоятельного чтения [92, с. 15–16]. На позициях ограничения руководства чтением стояли и авторы учебного пособия «Библиотекосведение» для библиотечных техникумов. Они считали, что не каждый читатель нуждается в руководстве и рекомендовали ограничить работу с подготовленными читателями информационно-библиографическим обслуживанием [144, с. 87].

Этим самым противопоставлялось руководство чтением и информационное обслуживание читателей. А между тем научная конференция библиотечных институтов РСФСР по проблемам руководства чтением (1965 г.) в своей резолюции подчеркнула необходимость усиления информационной работы библиотек как части процесса руководства чтением [339, л. 6].

Итоги исследования «Книга и чтение в жизни советского села» также показали, что руководство чтением невозможно без совершенствования всей системы информационной работы библиотеки [229, с. 35].

Характерно, что и представители информатики также говорят в последние годы о недостаточности обслуживания потребителей информации в режиме «запрос – ответ» и выдвигают положение об активном, предупредительном характере информационного обслуживания, т. е. об активном влиянии на содержание и характер информационных запросов и потребностей [309а, с. 62].

О. С. Чубарьян, борясь с разнообразными попытками ограничить руководство чтением, указывал, что «всякая попытка оспорить или же ограничить сферу использования руководства чтением означает сужение возможностей ориентации читателей в книжных богатствах, организации целенаправленного эффективного и рационального самообразовательного чтения, ограничивает общественную роль библиотеки» [451, с. 20].

В рассматриваемый период были предприняты серьезные и в целом успешные шаги в построении теоретического фундамента руководства чтением: раскрыты его объективные закономерности, цели, основные установки и принципы.

Основопологающим принципом теории руководства чтением, как и библиотекосведения в целом, советские исследователи называли принцип партийности. Именно в руководстве чтением этот важнейший принцип нашел конкретное воплощение.

Большое внимание уделялось разработке принципа активности руководства чтением, обеспечивающего наступательную пропаганду лучших произведений печати и более высокий ее идейный уровень. Г. П. Фонотов указывал, что активное воздействие библиотекарей на читателей с помощью разнообразных форм индивидуальной и массовой работы является неотъемлемым элементом всего процесса коммунистического воспитания [415, с. 5].

Обосновывался также принцип интереса, добровольности в чтении. Л. В. Беляков полагал, что этот принцип специфичен для библиотек в отличие от школы, где его применение не всегда возможно, поскольку в школе наряду с методом убеждения существует и метод принуждения, а работа библиотеки целиком основана на убеждении [140, с. 45]. В. И. Терешин отмечал, что при чтении специальной литературы возникает противоречие между интересом («хочу читать») и потребностью («надо читать независимо от того, хочу или нет»), что практическое применение принципа интереса сводится к устранению этого противоречия, к превращению потребности в интерес [396, с. 7].

Руководство чтением по принципу интереса и добровольности, как указывали советские библиотечные работники, строится на изучении интересов читателей и использовании данных этого изучения в процессе работы. Раскрывая сущность руководства чтением на основе учета читательских интересов и запросов, Ю. М. Тугов писал: «Рекомендации, даваемые в процессе руководства чтением, останутся абстрактными, если они не будут восприняты читателем, не явятся для него побудительным стимулом к действию. В руководстве массовым чтением, в управлении читательской деятельностью миллионов трудящихся следует учитывать, что человек включается в самообразовательное чтение, главным образом, по собственному желанию, хотя и соотносит свои оценки с оценкой окружающих людей, с запросами самой жизни <...>. Управлять читательской деятельностью советских людей – это не значит регламентировать их выбор литературы. Управлять – значит помогать им осознать читательские потребности и цели, раскрывать их возможности в чтении» [403, с. 11–12].

Подчеркивалось также значение развития самостоятельности читателя. Обосновывая этот принцип, Ю. М. Тугов указывал, что в управлении читательской деятельностью «мы имеем дело не с абстрактными процессами, которые необходимо регулировать, а с читателем как субъектом, самостоятельно определяющим свои читательские действия и поступки <...>. Управление чтением – это создание таких условий, которые позволяют читателю сознательно выбирать направление и систему чтения, внутренне мотивировать свою организацию чтения, формировать новые читательские интересы, цели» [402, с. 6–7].

В. И. Терешин полагал, что главное в работе библиотеки – воспитание у читателей умения самостоятельно пользоваться библиотекой, что весь смысл «библиотечной педагогики» заключается в том, чтобы научить читателя добывать себе информацию, активно заниматься самообразованием. Однако из этого правильного положения он делал ошибочный вывод о роли библиотекаря в руководстве чтением. Он считал, что библиотекарь должен выполнять лишь функцию «организатора читателей», что надо стремиться к положению, когда «каждый читатель – сам себе библиотекарь» [396, с. 6]. В этом проявилась недооценка такой важнейшей функции руководства чтением, как управление процессом чтения со стороны библиотеки.

Исходя из необходимости опираться на самостоятельность читателя, советские библиотекосведы обосновывали проблемы воспитания культуры чтения. По определению О. С. Чубарьяна, это довольно широкое понятие, включающее не только привитие навыков чтения, но и умение выбрать лучшее, с тем чтобы наиболее эффективно использовать воспитательную роль книг [466, с. 29]. Он подчеркивал, что библиотека не только способствует расширению объема знаний, но и прививает читателям способность к активной умственной деятельности, навыки самостоятельного пользования книгами, умение осмыслить прочитанное и применять полученные знания в практической деятельности [456, с. 63].

В связи с изучением вопросов информационного обслуживания в 60–70-е гг. активно велась разработка проблемы библиотечно-библиографической ориентации читателей. Оценивая значение этой проблемы, И. К. Кирпичева отмечала, что совместная работа библиотекаря-библиографа с читателем над уточнением запроса или профиля интересов в процессе информационно-библиографического обслуживания создает ту творческую атмосферу, которая важна для активного поиска и использования информации [249, с. 11].

Таким образом, и в процессе информационного обслуживания и, в частности библиотечно-библиографической ориентации читателей, осуществляется активное влияние на содержание и характер чтения, формируются запросы и интересы, создается определенная система чтения, т. е. осуществляется руководство чтением.

Большое внимание уделялось обоснованию принципа комплексности руководства чтением. О. С. Чубарьян указывал на необходимость комплексного развития всех социальных функций чтения, последовательного и целенаправленного использования книги в помощь формированию коммунистического сознания, повышению общеобразовательного уровня и непрерывному совершенствованию профессиональных знаний. По его мнению, степень комплексности массового чтения является главным мерилом эффективности всей системы пропаганды книги [463, с. 12]. В. И. Терешин подчеркивал, что применение принципа комплексности позволяет создавать единый и непрерывный поток педагогического воздействия на читателей, разумно регулировать его и управлять им, дает возможность предоставить читателю систему многоаспектных сведений по интересующему его вопросу [396, с. 8].

Вопросы комплексного подхода разрабатывались также Л. Г. Жуковой, которая рассматривала руководство чтением как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов: содержание (цели и задачи руководства чтением); читатель как объект и субъект воздействия; средства и способы (формы и методы руководства чтением); библиотекарь как субъект руководства чтением. Она полагала, что комплексный подход, являясь определенной методологической установкой, обеспечивает создание целостной системы руководства чтением [214, с. 7].

В итоге советские библиотековеды добились крупных успехов в разработке принципа активности. Его общетеоретическое значение обуславливалось тем, что активное влияние на содержание и характер чтения осуществляется не только непосредственной работой с читателем, но всей системой работы библиотеки.

Современные проблемы типологии в библиотековедении

Дифференцированный подход всегда рассматривался в советском библиотекведении как основополагающий принцип, который следует углублять и развивать.

В 60–70-е гг. определились основные положения о значимости принципа дифференцированного подхода. Главнейшим было положение о всеобъемлющем характере этого принципа, применении его «во всей работе с читателями, равно как и в организации сети библиотек и методического руководства ими» [441, с. 92].

Важным положением было также требование учета в библиотечной работе региональных, национальных, языковых, исторических, экономико-географических особенностей каждой республики.

Развитие советского библиотековедения как науки потребовало пристального внимания к одному из основных объектов его исследования – к библиотеке, к обоснованию основных типологических черт и функциональных особенностей отдельных типов и видов библиотек.

Указывая на научное значение этой проблемы, О. С. Чубарьян писал: «Типизация библиотек имеет большое теоретическое и практическое значение, так как позволяет определять профили и особенности различных библиотек, их читательское назначение и место в системе библиотечных учреждений страны. Типизация библиотек, отражающая специфические запросы различных групп населения, составляет основу дифференцированного обслуживания читателя книгой» [455, с. 75]. Типизация библиотек имеет своей задачей на конкретно-социологической основе и с применением методов системного и структурного анализа выработать более четкое определение их роли в обществе, наметить пути расширения сферы их влияния и поиска форм более эффективного их взаимодействия [456, с. 54].

В рассматриваемый период основное внимание было направлено на более глубокое обоснование специфики библиотек разных типов и их места в системе библиотек страны. Как и в предыдущие периоды, эта проблема касалась прежде всего массовых и научных библиотек. В библиотековедческой литературе отмечалось такое характерное явление, как постепенное стирание существенных различий между массовыми и научными библиотеками. Л. М. Инькова, анализируя типологические черты этих библиотек, отмечала, что грань, отделяющая массовую библиотеку от научной, достаточно подвижна. Характерной чертой их развития является процесс сближения, особенно ярко проявляющийся при централизации библиотечной

сети. Это, в свою очередь, поставило задачу иной, более совершенной типологии библиотек [225].

Подчеркивая единство задач всех советских библиотек, борясь с попытками доказать, что, якобы, библиотеки разных типов имеют свои, особые цели, советское библиотечное дело в то же время не отрицало, а, наоборот, выделяло специфику конкретных задач библиотек разных типов, связанную с составом их книжных фондов и запросами читателей.

Особенно большие изменения в 60–70-е гг. произошли в социальных функциях массовых библиотек. Это объективный процесс, связанный с крупными социально-экономическими, научно-техническими и культурными преобразованиями в развитом социалистическом обществе.

Обосновывая объективную закономерность изменения функций массовой библиотеки, О. С. Чубарьян связывал его с изменением содержания понятия «массовый читатель». Он писал: «Сравнительно недавно понятия „массовое чтение“ и „массовый читатель“, как правило, применялись для определения интереса к ограниченному кругу популярных книг, главным образом политических и общеобразовательных <...> Теперь эти понятия значительно обогатились и выражают массовый интерес к разностороннему чтению, в том числе к профессиональной литературе». Поэтому, подчеркивал О. С. Чубарьян, взгляд на массовую библиотеку лишь как на библиотеку общеобразовательную устарел и не соответствует уровню развития массового чтения. Он ставил задачу уточнения и расширения функций массовой библиотеки, повышения ее «информационного потенциала» [465, с. 16–17].

Научное обоснование изменяющихся социальных функций массовых библиотек, перспектив их развития заняло большое место в советском библиотечном деле. Разработка этой проблемы связана с дискуссией, которая началась с появлением статьи В. И. Терешина [395]. Автор возражал против расширения информационных функций массовых библиотек, усиления их роли в удовлетворении профессиональных запросов и полагал, что массовая библиотека должна быть культурно-образовательным учреждением, укомплектованным в основном политической и художественной литературой.

В ходе дискуссии был раскрыт объективный характер изменений, происходящих в массовой библиотеке; подчеркивалось, что она, являясь важнейшим идеологическим и культурно-информационным учреждением, всегда выполняла три социальные функции: политическое воспитание народа, развитие общей культуры трудящихся, активная помощь производству. Эти функции будут развиваться и впредь, расширяться и углубляться.

Закономерный процесс изменений в функциях массовых библиотек обусловлен резко возросшими и усложнившимися запросами читателей, их повышенными требованиями к фондам.

В. В. Серов особенно подчеркивал роль массовых библиотек небольших городов и сел, где отсутствуют специальные библиотеки, в удовлетворении

профессиональных запросов. Централизация библиотечной сети, полагал он, дает возможность создать крупные библиотечные учреждения, обладающие богатыми фондами не только популярной, но и специальной литературы. Поэтому, по его мнению, позиция В. И. Терешина, ограничивающая работу массовых библиотек лишь просветительной деятельностью, является принципиально неправильной [356].

Имело место и значительное расширение функций массовых библиотек, стремление подменить ими специальные библиотеки. Возражая против такой позиции, Л. М. Инькова отмечала, что ни фонды, ни методы работы, ни многообразный контингент специалистов– читателей массовых библиотек – не позволяют им на должном уровне выполнять функции технической библиотеки [227, с. 27]. О. С. Чубарьян также подчеркивал, что речь идет не о превращении массовых библиотек в специальные, а о том, чтобы они развивали функции связующего звена между специалистами– читателями массовых библиотек – и научными универсальными и специальными библиотеками [451, с. 20].

В библиотекведческой литературе 60–70-х гг. большое внимание уделялось также типологическим особенностям и функциям научных библиотек. Этой проблемой занимался, в частности, Н. С. Карташов. Он выступил против устоявшейся точки зрения, что ведущим признаком научной библиотеки является специфический состав фондов и читателей, назвав этот признак не основным, а производным. Главная характерная черта научной библиотеки, как он полагал, – это неразрывная связь с наукой, а важнейшее ее назначение – быть посредником между потребителями и создателями научной информации [240, с. 3]. Н. С. Карташов считал, что наряду с выполнением важнейшей функции информирования ученых и специалистов научная библиотека должна вести культурно-просветительную работу; невозможно провести абсолютную грань между научно-информационным и пропагандистским направлениями в деятельности научных библиотек, так как их содержание и формы «могут взаимно проникать» и даже частично совпадать [296, с. 16].

Большое внимание привлек вопрос о месте универсальных научных библиотек в системе библиотек страны. Некоторые полагали, что в связи с развитием сети специальных библиотек обслуживание науки и производства становится задачей именно этих библиотек, за универсальными же остаются лишь общеобразовательные функции; что основной путь советской библиотечной системы – развитие специальных библиотек, а универсальные научные библиотеки теряют свое значение.

Выступая против подобных взглядов, О. С. Чубарьян указывал, что в них проявляется непонимание разносторонности профессиональных запросов ученых и специалистов, использующих книгу не только по узкопрофессиональным темам, но и интересующихся межотраслевыми проблемами науки и техники. Решение этой задачи по плечу только крупным научным библиотекам универсального профиля [459, с. 35].

Вместе с тем библиотековеды выступали против другой тенденции – недооценки роли специальных библиотек. Так, Н. И. Тюлина подчеркивала, что дифференциации и интеграции наук соответствуют два основных типа научных библиотек – специальные и универсальные. Поэтому удовлетворение требований научных работников и специалистов возможно лишь в результате согласованной и взаимодополняющей деятельности библиотек обоих типов [406, с. 30]. В советском библиотековедении разрабатывался также вопрос о типологических функциях национальной библиотеки. Проводя сравнительный анализ деятельности современных национальных библиотек, Н. И. Тюлина выделяла пять типологических особенностей этих библиотек: государственное хранилище произведений печати, крупнейшая публичная библиотека страны, информационно-библиографический центр, координационный центр, научно-методический институт. Она подчеркивала, что национальная библиотека представляет собой целостную систему: ее типологические функции взаимосвязаны и взаимообусловлены, образуют органическое единство. Развитие типологических функций, особенно информационно-библиографической, координационной и научно-методической, делают национальную библиотеку неотъемлемой частью более сложной системы – общей системы библиотек страны [406].

Указывая, что некоторые из названных функций присущи и национальным библиотекам капиталистических стран, Н. И. Тюлина подчеркивала, что характер функций национальных библиотек социалистических стран принципиально отличен от библиотек буржуазных в силу различия экономических и политических условий и целей, которым они служат. Основное отличие национальных библиотек социалистических стран заключается в том, что они стали подлинными центрами национальных библиотечных систем; оказывают методическую помощь другим библиотекам страны. Именно методическое руководство является той новой сферой их деятельности, которая не только впервые получила развитие в практике социалистических национальных библиотек, но имела решающее значение в формировании их типологических особенностей [405].

В советском библиотековедении поднимался спорный вопрос о типологических особенностях областных библиотек. Еще продолжало существовать представление, что областная библиотека является массовой библиотекой, что обслуживание профессиональных запросов не является ее функцией. В. И. Терешин не только отрицал, как отмечалось, роль массовой библиотеки в обслуживании профессиональных запросов специалистов, но возражал также против превращения в 60-е гг. областных библиотек в центры оперативно-информационного обслуживания специалистов науки и производства. Он полагал, что областные библиотеки должны быть массовыми [395].

Для такого вывода, по нашему мнению, не было никаких оснований. Областные библиотеки, располагающие богатейшими универсальными фондами,

сформированными на базе обязательного экземпляра произведений печати, всегда были ориентированы на удовлетворение запросов специалистов и в типологической характеристике рассматривались как научные библиотеки. Типовой устав областной библиотеки (1965 г.) закрепил это положение и способствовал дальнейшему углублению дифференцированного обслуживания специалистов как технического, так и естественнонаучного и гуманитарного профиля.

Большое внимание было сосредоточено на вопросах типологии специальных библиотек. Б. Н. Бачалдин подчеркивал, что тесно связанные с обслуживаемыми организациями специальные библиотеки превратились в библиотеки широкой читательской ориентации и располагают богатейшим опытом обслуживания науки и производства; по мере развития научных исследований, ускорения внедрения новейших достижений науки и техники в производство возрастает роль специальных библиотек, усложняются их функции [135].

В библиотечной литературе подчеркивалось, что типологические особенности специальных библиотек обуславливаются не только особым составом фонда и контингентом читателей, но, главным образом, характером функций, связанных с оперативным обслуживанием соответствующей организации или сети организаций; более глубокая специализация библиотек в соответствии с характером работы и квалификацией читателей позволит значительно повысить эффективность их обслуживания.

Но единой точки зрения на типологические особенности специальных библиотек не было. Существовало мнение, что они должны выполнять не весь комплекс библиотечно-библиографических работ, а ограничивать свои функции комплектованием, хранением и выдачей запрашиваемых изданий, т. е. выполнять только одну функцию – информационную. Сторонники этой точки зрения считали, что с развитием системы научно-технической информации специальные библиотеки теряют свое самостоятельное значение.

Попытки оторвать специальные библиотеки от общей библиотечной системы и тем более превратить их в отделы фондов органов информации квалифицировались в основном как несостоятельные. Нельзя сводить все многообразие функций специальных библиотек лишь к одной информационной. Так, Т. Ф. Каратыгина указывала, что специальные библиотеки являются важным звеном системы органов научно-технической информации и одновременно составной частью сети библиотек страны и не ограничиваются выполнением только информационных функций, а осуществляют также пропаганду и разъяснение политики партии и правительства, оказывают активную помощь в воспитании и повышении коммунистической сознательности и культурно-технического уровня советских людей [234, с. 191–193].

Таким образом, на основе принципа дифференцированного подхода в 60–70-е гг. были достигнуты значительные успехи в разработке проблем типологии советских библиотек.

Советские библиотековеды в рассматриваемый период придавали основополагающее значение принципу дифференцированного подхода в вопросах организации и управления процессом чтения.

Разработка этого принципа привела к ряду важных теоретических положений, в частности к выводу, что он является одним из основных в деятельности советских библиотек по обслуживанию читателей.

Другое важное положение заключалось в том, что система обслуживания отдельных групп читателей должна строиться на применении научно обоснованных, эффективных форм и методов руководства чтением, именно тех, которые больше всего соответствуют интересам и характеру чтения каждой группы. Так, Е. С. Боханевич отмечала, что дифференцированное руководство чтением немислимо без ясного понимания основных направлений, по которым должна идти работа с определенными группами читателей, без представления о том круге знаний, который необходим каждой группе. Оно требует выработки действенных форм и методов с учетом профессиональных, возрастных и других особенностей не только для той или иной группы в целом, но и для каждого читателя в отдельности [153, с. 41].

Важным было также положение советского библиотековедения о неразрывной связи и единстве принципов дифференцированного и индивидуального подходов. Отмечая их взаимосвязь и взаимообусловленность, И. П. Осипова и С. М. Смирнова указывали, что типологические запросы читателей той или иной группы адаптируются индивидуальными вкусами и склонностями человека, поэтому и дифференцированный подход к читателю находится в диалектическом единстве с индивидуальным руководством чтением [371, с. 62].

В 60–70-е гг. были предприняты серьезные попытки создания научной классификации (типологии) читателей на основе дифференцированного подхода, который, являясь одним из ведущих принципов руководства чтением, обеспечивает, по определению Ю. С. Зубова, соответствие в системе «читатель – книга» [220, с.36].

В свою очередь, проблема научной классификации читателей важна не только для решения теоретических и практических задач руководства чтением, но имеет также более общее методологическое значение, ибо на ее основе разрабатываются проблемы дифференцированного построения сети библиотек, обслуживания различных читательских групп и категорий, формирования фондов, пропаганды книги, информационного обслуживания и т. д.

Подчеркивая эту особенность проблемы типологии читателей, Л. И. Бельская отмечала, что создать оптимальную систему руководства чтением возможно только при учете типологических свойств на основе принципа дифференцированного подхода к читателям [137, с. 60].

Новым по сравнению с предыдущим периодом был вывод о том, что для научной дифференциации читателей недостаточно опираться только на про-

фессиональные и социально-демографические характеристики, что к этой проблеме необходим социально-психологический подход.

По мнению Л. И. Беляевой, поиск оснований научной классификации читателей может идти в трех направлениях: в области социологии, социальной и общей психологии. Работа по созданию оптимальных схем классификации должна идти по линии объединения этих трех аспектов. Суть предложений Л. И. Беляевой сводилась к тому, чтобы сохранить как первую ступень классификации читателей деление на основные социальные группы и отказаться от дальнейшего подразделения этих групп по социально-профессиональным и демографическим признакам.

Она предлагала в основу дальнейшей классификации читателей положить чисто читательские характеристики, а не какие-либо другие, быть может, и очень важные в иных отношениях. Цель состоит в том, чтобы выделить признаки, достаточные для образования читательских типов, существенно различающихся между собой и требующих разных методов и приемов библиотечной работы. По ее мнению, вся сложность проблемы типологии читателей и заключается в правильном выделении этих типобразующих признаков [335, с. 143–145].

В 60–70-е гг. был выработан ряд подходов к типологии читателей. Сторонниками социологического подхода были И. П. Осипова и С. М. Смирнова, которые считали, что при современном уровне развития библиотекосведения и социологии ведущим признаком дифференциации читателей является структура общества, характерная для данного периода его развития. Поэтому ориентировка библиотек на обслуживание профессиональных и социально-демографических групп населения имеет большое значение в решении идейно-воспитательных задач по отношению к определенной категории читателей. По мнению этих авторов, главным признаком дифференциации читателей может служить содержание трудовой деятельности в сочетании с образованием, так как их взаимовлияние отчетливо сказывается на профессиональном и самообразовательном чтении. Вместе с тем должны учитываться и другие типологические характеристики личности – пол, возраст, а также группа признаков, отражающих культурный уровень человека [371].

Однако, как указывала В. Д. Стельмах, эти признаки деления недостаточны, ибо при дифференциации читателей по социально-демографическим признакам не принимаются во внимание собственно характеристики чтения и читательских интересов, приобретающие самостоятельное значение и, в свою очередь, влияющие на различные стороны взаимоотношений читателя и книги. Она считала, что невозможно создать универсальную типологию читателей, отвечающую всем многоплановым задачам библиотечной работы, и предлагала дифференциацию по комплексу общих черт (широта читательских интересов, набор используемых видов изданий, читательская активность) с последующей группировкой читателей по интересу к определенной литературе – обществен-

но-политической, научно-популярной, художественной. Для этого второго деления она назвала три признака: мотивы обращения к изданиям, критерии оценки прочитанного, содержание читательских интересов [386].

Ю. М. Тугов предложил в основу классификации читателей положить принцип социального развития личности, ее закономерного перехода от низшей стадии социализации к более высокой [378, с. 40].

Ю. С. Зубов считал такую попытку дифференциации перспективной, поскольку она учитывает социальное и возрастное развитие индивида, и выдвинул «принцип стадийности образования». При этом он исходил из того, что на формирование и содержание читательских интересов, на состав чтения и выбор литературы, степень ее усвоения, критерии оценок и читательские вкусы решающее влияние оказывает образование.

Ю. С. Зубов полагал, что существует прямая зависимость между уровнем образования, кругом читательских интересов и культурой чтения. Исходя из этой установки, он предлагал принцип классификации читателей по уровням образования (уровням познавательной деятельности), при этом оговариваясь, что на практике фактор образования как базовый почти не выступает изолированно. Ему сопутствуют возрастной, профессиональный и общекультурный факторы [220].

Н. С. Карташов попытался классифицировать читателей в зависимости от степени сознательного, активного отношения к книге. Степень отношения к литературе соотносилась с уровнем образования и навыками самостоятельной работы с книгой. В соответствии с этим он выделял: активных читателей, для которых характерны высокий уровень образования, наличие навыков самостоятельной работы с книгой и ответственное отношение к литературе как источнику знаний; читателей, которые сознательно относятся к чтению, но не имеют достаточного образования и слабо владеют навыками самостоятельной работы с книгой; читателей с высоким уровнем образования и навыками самостоятельной работы с книгой, но пассивно, безразлично относящихся к книге и не владеющих навыками самостоятельной работы [214].

Л. В. Беляков, на наш взгляд, справедливо отмечал необедительность такой типизации. Он писал, что Н. С. Карташов, выделяя типы читателей по степени сознательного и активного отношения к книге и включая сюда же и уровень образования, объединял разные признаки (образование, любовь к книге и библиотечно-библиографическую грамотность) и этим вносил путаницу. Л. В. Беляков считал, что в основу деления следует положить «читательскую квалификацию», т. е. соединение начитанности и уровня библиотечно-библиографической грамотности. По его мнению, профессия, индивидуальные психологические особенности влияют больше на тематику чтения, чем на его характер [140, с. 45].

Попытку создания оптимальной модели читательской деятельности, направленной на гармоническое развитие способностей человека, предприняла

С. М. Смирнова. Эта модель построена из следующих элементов: круг читательских интересов; цели и мотивы чтения, используемые источники информации при выборе литературы; читательская активность, выражающаяся в широте охвата различных видов изданий и в количестве читаемых публикаций; восприятие прочитанного, критерии оценок.

Среди перечисленных характеристик ведущей С. М. Смирнова считала круг читательских интересов. Однако все элементы модели взаимосвязаны и даже ведущий признак – круг читательских интересов – не дает полного представления о читательской деятельности без учета активности читателя, мотивов чтения и восприятия прочитанного. Она подчеркивала, что модель читательской деятельности человека с разносторонними интересами в каждой социально-профессиональной или демографической группе будет иметь свои особенности: содержание труда изменяет мотивы и цели чтения в том или ином комплексе читательских интересов.

С. М. Смирнова предложила определять дифференциацию читателей в целях всестороннего развития личности сочетанием в реальном чтении следующих комплексов: общественно-политическая литература; литература по естествознанию и технике; литература по искусству и художественная литература. Из сочетания комплексов читательских интересов и литературы, их удовлетворяющей, она получила восемь читательских групп. Крайними из них являются группа читателей с разносторонними интересами, обращающихся к литературе всех трех комплексов, и группа читателей, интересы которой ограничиваются художественной литературой. Промежуточные группы состоят из тех читателей, которые проявляют интерес либо к двум каким-либо комплексам (три группы), либо к одному (три группы).

Предложенная С. М. Смирновой дифференциация читателей позволяет, на наш взгляд, перейти от общей модели, характерной для той или иной группы, к индивидуальной работе с каждым читателем. Однако важный признак дифференциации – восприятие прочитанного, как подчеркивала автор, остается пока нереализованным в силу слабой разработки психологии чтения и читателя [376, с. 69–71].

В рассматриваемые годы был расширен поиск оптимальных путей типологии читателей. От социально-демографических признаков советские библиотекосведы перешли к более глубоким основаниям для дифференциации, учитывающим социально-психологические особенности. Однако в целом проблема научной типологии читателей как основы дифференцированного руководства чтением все еще ждет своего решения.

Теория организации библиотечного обслуживания населения

В 60–70-е гг. проводилась дальнейшая теоретическая разработка организационных принципов советского библиотечного дела, с тем чтобы на их основе решить, как отмечала Н. Я. Фридыева, такую сложную проблему, как создание теории библиотечного обслуживания населения в стране [420, л. 19].

Особое внимание в связи с этим уделялось рассмотрению таких ленинских принципов, как государственный характер библиотечного дела, общедоступность библиотек, участие населения в библиотечном строительстве, организация единой сети библиотек, централизация библиотечного дела. Подчеркивалась тесная взаимосвязь и взаимообусловленность организационных принципов библиотечного дела и идейно-политического содержания работы библиотек на всех этапах социалистического строительства.

В обоснование ленинских организационных принципов значительный вклад внесли К. И. Абрамов, И. С. Беленький, Н. Н. Гудков, Р. З. Зотова, Н. С. Карташов, В. В. Серов, О. С. Чубарьян и др.

Внимание библиотековедов было направлено прежде всего на теоретические и методологические проблемы, вытекающие из ленинского принципа централизации. Так, Н. Н. Гудков на основе анализа решений В. И. Лениным проблем централизации различных отраслей народного хозяйства, науки, культуры пришел к выводу, что под централизацией библиотечного дела В. И. Ленин понимал создание стройной, организованной на принципах демократического централизма системы государственного управления сверху донизу на территории всей страны, которая обеспечила бы осуществление единой государственной политики в библиотечном деле. Ленинский принцип централизации можно рассматривать как принцип ведущей, направляющей и организующей роли Коммунистической партии и Советского правительства в библиотечном деле, основанный на государственной системе управления им и построенный на началах демократического централизма [198].

К. И. Абрамов подчеркивал, что ленинский план централизации библиотечного дела был принципиально новым явлением в мировой практике библиотечного строительства, в его основу были положены социалистические принципы планирования народного хозяйства и культуры.

Централизация библиотечного дела, создание в стране единой системы библиотечного обслуживания означали сознательное и целенаправленное управление процессом организации общественного пользования книгами на основе научно разработанного, единого общегосударственного плана библиотечного строительства [94, с. 9].

Ленинские принципиальные положения о централизации и планомерной организации сети библиотек определяют главное направление развития социалистического библиотековедения в современный период. Поэтому, подчеркивал К. И. Абрамов, «всемерное повышение эффективности форм и методов библиотечного обслуживания населения, полное претворение в жизнь ленинских указаний в области библиотечного дела составляют важнейшую задачу советского библиотековедения, ставящего на центральное место проблемы организации массового чтения в целях коммунистического воспитания и поднятия культурно-технического уровня народа» [93, с. 16].

В библиотекосведческой литературе указывалось, что государственное руководство библиотечным делом в СССР опирается на широкую общественную инициативу, что в современных условиях участие населения в работе библиотек является закономерностью развития библиотечного дела в СССР.

В то же время советские библиотекосведы боролись и с некоторыми ошибочными представлениями о развитии общественных начал в библиотечном деле, в частности с предложениями о передаче всех библиотек общественным организациям. Возражая против таких предложений, И. П. Кондаков подчеркивал, что, всячески поддерживая развитие общественных начал в библиотечном деле, нельзя забывать о ведущей роли государственных библиотек в осуществлении партийного руководства общественными библиотеками [257, с. 12].

Центральной проблемой, решение которой во многом предопределяет успешное выполнение других задач, советское библиотекосведение считало создание единой системы библиотечного обслуживания населения. К. И. Абрамов, анализируя ленинский план централизации, выделял в нем в качестве первого этапа создание единой сети библиотек и подчеркивал, что идея организации единой централизованной системы обслуживания населения книгами является краеугольным камнем ленинского учения о библиотечном деле [442, с. 24–25].

О. С. Чубарьян отмечал, что в нашей стране единство библиотечной сети определяется, прежде всего, общностью целей всех советских библиотек, независимо от их типов и ведомственной принадлежности, предполагает ликвидацию ведомственных перегородок в обслуживании населения книгой, рациональное планомерное размещение сети библиотек, единое централизованное руководство библиотечным делом [457, с. 11–12].

Как основные средства практического осуществления единой системы библиотечного обслуживания населения рассматривались кооперирование и координация деятельности библиотек, независимо от их принадлежности. Так, Н. С. Карташов полагал, что в улучшении организации библиотечного обслуживания следует идти по линии объединения и рационального использования сил и средств различных организаций, сохраняя первенство общегосударственных интересов, преодолевая проявления узковедомственного подхода. Конкретным путем решения этой проблемы он считал библиотечное кооперирование. Сущность его он видел том, чтобы, не нарушая сложившейся индивидуальности каждой библиотеки, сплотить их в единую согласованную систему [242].

Н. С. Карташовым была разработана концепция взаимодействия библиотек как объективной закономерности их развития на всех этапах истории советского библиотечного дела. Он полагал, что категория взаимодействия является существенным методологическим принципом познания свойств и законов библиотечного дела. Закономерный характер взаимодействия библио-

тек порождается объективным характером интеграции науки и производства. Единство библиотек, охватывающее библиотечную систему в целом, он рассматривал как новый этап в осуществлении ленинской идеи единой библиотечной сети [474].

Советские библиотечные работники указывали, что повышение роли библиотек в решении идеологических и народнохозяйственных задач, углубление и расширение их функций возможно лишь при условии объединения их усилий и ресурсов. Этого можно достичь путем изменения принципов организации сети, ликвидации обособленности библиотек, внедрения более прогрессивных методов управления ими. Наиболее экономичным и эффективным путем решения этой проблемы они признавали централизацию сети библиотек.

Проблема централизации библиотечной сети возникла как объективная необходимость перестройки массового библиотечного обслуживания в связи с изменениями в социально-культурной жизни страны и ростом духовных потребностей населения. В. В. Серов отмечал, что существующая организация массовой библиотечной сети уже в известной мере не соответствует тем социально-экономическим и культурным изменениям, которые произошли в стране, и поэтому является определенным тормозом для более полного удовлетворения потребностей населения в книге и для повышения качества обслуживания [274, с. 33].

В. В. Серов рассматривал централизацию сети библиотек как качественно новый этап в развитии библиотечного дела, обусловленный объективно возрастающими потребностями развитого социалистического общества в книге и информации в период научно-технической революции, направленный на то, чтобы привести организацию и уровень работы библиотек в соответствие с запросами читателей на книгу и другие источники информации [357, с. 17].

О. С. Чубарьян, характеризуя централизацию сети библиотек как коренную перестройку всей системы библиотечного обслуживания с целью создания необходимых предпосылок для наиболее полного удовлетворения возросших духовных потребностей человека развитого социалистического общества, указывал, что централизованная библиотечная система – это не простое механическое объединение изолированно действующих библиотек, а образование качественно нового организма. Он считал, что главные социальные последствия перевода библиотечного обслуживания на централизованную систему заключаются в том, чтобы «значительно расширить и улучшить библиотечные ресурсы, находящиеся в массовом пользовании, и путем применения более совершенных методов обслуживания оказывать действенное влияние на формирование круга чтения советских людей, повышать эффективность использования книжных богатств народом» [465, с. 14].

В то же время отмечалось, что создание обособленных централизованных систем государственных, профсоюзных, технических и других библиотек далеко еще не решает проблему коренного улучшения библиотечного обслуживания населения. Поэтому необходимо наметить пути взаимодействия этих систем. Советские библиотековеды полагали, что следующей ступенью вслед за построением централизованных систем библиотек одного ведомства и одного типа будет организация юридически оформленных систем из библиотек разных типов, разных ведомств – единых территориальных библиотечных комплексов, идея которых была выдвинута Н. С. Карташовым [274, с. 78].

Теоретическая разработка проблем централизации библиотечной сети сопровождалась критикой ошибочных взглядов. Так, К. И. Абрамов выступил против отождествления централизации библиотечной сети в СССР с так называемой филиальной системой организации библиотечной сети, существующей в ряде капиталистических стран [442, с. 23]. В частности, с этих позиций он критиковал И. С. Беленького, который полагал, что идея централизации сети заимствована В. И. Лениным из библиотечного дела США и относится к числу тех улучшений, которые применялись в Швейцарии и США [442, с. 29].

Развитие в советском библиотековедении организационных принципов библиотечного дела было направлено на решение коренных проблем библиотечного строительства в СССР и во многом способствовало значительному повышению эффективности обслуживания населения книгой. Особенно большие успехи были достигнуты в теоретической и экспериментальной разработке проблем построения централизованных библиотечных систем.

Интеграция и дифференциация в библиотечной науке

Активное использование теоретических и экспериментальных достижений смежных наук является, как считают советские исследователи, непременным условием развития библиотечной теории. Разработкой различных аспектов взаимосвязей библиотековедения с другими науками в 60–70-е гг. занимались К. М. Варшавский, Ю. В. Григорьев, Н. С. Карташов, Н. И. Тюлина, Г. П. Фонотов, Н. Я. Фридышева, О. С. Чубарьян и др.

Важность этой проблемы обуславливалась, по мнению О. С. Чубарьяна, тем, что перед библиотековедением в 60-е гг. встала необходимость всестороннего исследования роли библиотеки в период перехода к коммунизму на основе философского обобщения и социологического анализа перспектив общественного развития страны, роста ее экономики, науки и культуры [449, с. 21].

Н. С. Карташов также считал, что исследование современных проблем библиотековедения требует системного подхода, который и осуществляется их комплексным изучением с позиций достижений разных наук. Он от-

мечал значение междисциплинарных связей: «Сейчас намечился определенный закон: наиболее успешные исследования и открытия происходят на стыках наук. Это закон и для библиотекосведения. Важнейшие свои проблемы оно должно решать с помощью смежных наук. Будущее библиотекосведения – в развитии междисциплинарных связей, которые теоретически обогатят его» [205, с. 8].

Период 60–70-х гг. характеризуется расцветом марксистской социологии, все более непосредственно связываемой с задачами коммунистического строительства. Широкое развитие получают конкретные социологические и социальные исследования, которые постепенно проникают в различные области науки, доказывая этим свою практическую необходимость.

Развитие конкретно-социологических исследований не могло не коснуться и таких важных социальных явлений, как чтение и библиотечное дело. С 60-х гг. эти исследования находят место и в библиотекосведении. В свою очередь, проведение научно-социологических исследований выдвинуло проблему связей социологии и библиотекосведения, которые были рассмотрены в работах Н. Е. Добрыниной, И. П. Осиповой, С. М. Смирновой, В. Д. Стельмах, О. С. Чубарьяна и др.

Необходимость интеграции библиотекосведения и социологии обосновывалась тем, что за последние годы в библиотечной науке первостепенное значение приобрел анализ следующих социальных проблем на основе марксистско-ленинской методологии: место библиотеки в развитом социалистическом обществе, ее роль в решении задач народного просвещения, распространения достижений науки и техники; пути увязывания библиотечной работы с явлениями общественной и хозяйственной жизни. Исследование книги и библиотеки в их взаимодействии с обществом выявило общие черты и единые методы, присущие библиотекосведению и социологии.

О. С. Чубарьян подчеркивал, что на путях интеграции библиотекосведения и социологии могут быть получены глубокие теоретические выводы о наиболее эффективных методах развития библиотечной работы как воспитательного процесса. Он отмечал, что интеграция имеет значение не только для повышения научного уровня библиотечной теории, но и для более широких социологических выводов. В частности, в социологии все шире используются конкретные данные о чтении и его распространенности, о направленности читательских интересов, о росте читателей библиотек, о времени, затрачиваемом на чтение, и т. д. [456, с. 43–44].

Интеграция проблем библиотекосведения и социологии привела к образованию важного в теоретическом и практическом отношении направления – социологии чтения, которое В. Д. Стельмах определяла как самостоятельную научную дисциплину, изучающую закономерности и движущие силы функционирования печатных источников в обществе [474, с. 36].

Эта научная дисциплина, рассматривая чтение как многофакторную систему, выходит за рамки какой-нибудь одной науки. Однако большинство социологических исследований чтения ведется в сфере библиотекосведения, так как библиотека является самой удобной базой для анализа массового и индивидуального чтения и важнейшим каналом его организации. О. С. Чубарьян полагал, что разработать целостную теорию чтения можно только совместными усилиями социологии, психологии, библиографоведения, книговедения при возрастающей интеграционной роли библиотекосведения, где изучение проблем чтения заняло уже видное место [179, с. 48].

С. М. Смирнова отмечала, что «теория чтения» базируется на общеметодологических принципах советского библиотекосведения и других общественных наук и служит основополагающим материалом для разработки кардинальных проблем библиотекосведения. Выдвигая этот тезис, она исходила из того, что научно аргументированными положениями в библиотекосведении могут быть признаны лишь те, которые базируются на исследованиях чтения. Более того: «именно исследования чтения выводят библиотекосведение в сферу активного контакта, интеграции с другими сопредельными и смежными общественными науками» [372, с. 74].

В библиотекосведческих работах были показаны многообразие и органичность связей социологии чтения и библиотекосведения. Так, В. Д. Стельмах подчеркивала, что социология помогает выявить социальную роль книги и повышает тем самым значимость библиотекосведения как общественной науки, вооружает точными методами исследования [387, с. 34]. О. С. Чубарьян считал, что теоретические выводы социологии чтения расширяют знания объективных закономерностей чтения и развития библиотечного процесса в социалистическом обществе и позволяют делать конкретные выводы о работе библиотек по формированию общественного сознания и коммунистическому воспитанию трудящихся, а также анализировать пути формирования читательских интересов и круга чтения различных социальных групп населения. Анализ конкретно-социологических данных о книжном обращении в стране, о структуре чтения и читательских интересах позволяет разрабатывать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию библиотечного дела и управления им [456, с. 58].

В библиотекосведческой литературе подчеркивалось, что проблемы интеграции социологии и библиотекосведения не ограничиваются социологией книги и чтения, что научная разработка многих других проблем библиотечного дела требует использования достижений и методов марксистско-ленинской социологии. Так, О. С. Чубарьян, полагая, что возможности интеграции библиотекосведения и социологии далеко еще не реализованы, указывал на значение этих взаимосвязей для решения таких сложных задач, как пути улучшения состава фондов библиотек, рациональное районирование сети библиотек, со-

вершенствование всей системы библиотечного обслуживания населения [477, с. 15–16].

Процесс интеграции библиотековедения и психологии привел к становлению новой научной дисциплины – библиотечной психологии, основы которой были заложены еще Н. А. Рубакиным.

В 60–70-е гг. в советском библиотековедении продолжалось изучение теоретического наследия Н. А. Рубакина, переиздавались его основные труды, появились работы Е. П. Арефьевой, К. Г. Мавричевой, Б. А. Смирновой и др., в которых оценивалась библиопсихология Н. А. Рубакина. Так, Б. А. Смирнова отмечала, что эта теория при всех ее противоречиях и недостатках является отправной точкой современного научного изучения читателей. Она подчеркивала жизненность таких методических положений Н. А. Рубакина, как ведущая роль естественного наблюдения, изучение читателя в «самых очагах чтения» – библиотеках, необходимость систематического и длительного наблюдения и разнообразия источников изучения, в том числе привлечения библиотечной статистики и документации [347, с. 20–21].

Необходимость формирования библиотечной психологии обосновывалась рядом принципиальных соображений. Исследователи указывали, что без интеграции библиотековедения и психологии, без серьезного и глубокого изучения читательских интересов, условий их формирования и развития, без изучения психологии чтения и восприятия книги нельзя разрабатывать коренные вопросы библиотековедения. Так, Н. Е. Добрынина и Е. Е. Троицкая писали: «Если библиотеки научились удовлетворять общие интересы большинства читателей, интересы, присущие той или иной группе людей, то библиотеки как бы остановились перед природой личного, индивидуального, еще не изученного психологами процесса восприятия книги, перед факторами, влияющими на данный процесс»; недостаточная теоретическая разработка кардинальных вопросов чтения не дает возможности эффективно руководить им [376, с. 307]. Поэтому О. С. Чубарьян ставил задачу перехода от изучения локальных вопросов психологии чтения к формированию «целостной психологической теории, без которой теперь уже невозможно создание научных основ пропаганды книги и руководства чтением» [335, с. 20].

В наиболее обобщенном виде характеристика библиотечной психологии, ее структуры и методологических основ была дана Б. Г. Умновым, который определил ее как дисциплину, изучающую психологический аспект взаимоотношений в системе «печатная продукция – библиотека – читатель». Он подчеркивал, что современная библиотечная психология формируется как относительно самостоятельная дисциплина, интегрирующая достижения библиотековедения, психологии и смежных наук. Ее разделы охватывают компоненты библиотечной деятельности как системы – субъект, средства, объект воздействия, а также процессы, выражающие их взаимос-

язык. Б. Г. Умнов называл составные части библиотечной психологии: ее методологические основы; психологические особенности печатной продукции; психологию библиотекаря, читателей, чтения, пропаганды книги, руководства чтением [365, с. 6].

Характерной чертой библиотечных исследований, связанных с использованием данных и методов психологии, явилась их дальнейшая дифференциация. Если ранее речь шла о взаимосвязях библиотечного и психологии вообще, то теперь эти связи дифференцировались применительно к проблемам социальной психологии и психологии личности. В. Д. Стельмах подчеркивала, что это объясняется двойственным характером чтения как общественного и индивидуального процесса. Поэтому объективное развитие науки о чтении идет от общего к индивидуальному, от проблем социальной психологии к психологии личности [387, с. 37].

В рассматриваемый период советские библиотековеды обосновывали необходимость разработки в рамках библиотечного проблем восприятия книги и влияния ее на читателя. Они подчеркивали, что проведенные исследования читательских интересов подготовили почву для изучения индивидуального в чтении, механизмов восприятия литературы. В рекомендациях научной конференции «Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества» (1973 г.) указывалось на необходимость перехода от экстенсивного анализа эмпирических данных к глубокому изучению социально-психологической природы чтения [341, с. 57]. Незавершенность этих проблем тормозит создание социально-психологической типологии читателей и совершенствование методов руководства чтением.

В теоретических работах отмечалось также, что было бы неверным ограничивать взаимосвязи библиотечного и психологии проблемами исследования читателя и процесса чтения; подчеркивалось значение психологии в разработке проблем информационно-библиографического обслуживания; устной, наглядной и печатной пропаганды книги; психологических свойств библиотечного труда и управления библиотечным коллективом; восприятия библиотекарями вопросов библиотечного дела и т. д.

В 60–70-е гг. существовало несколько точек зрения на проблему взаимосвязей библиотечного и педагогики.

Одна из них, которую разделял, в частности, Ю. В. Григорьев, заключалась в том, что библиотечное является педагогической наукой [194]. Этой позиции придерживались и некоторые представители педагогики. Однако большинство из них давно отказалось от мысли рассматривать библиотечное как составную часть педагогики. Достаточно отметить, что само понятие «библиотечное» не включалось ни в педагогические энциклопедии и словари, ни в учебники и учебные пособия.

Другая точка зрения основывалась на признании того, что предмет библиотечного не совпадает с предметом педагогики, хотя данные педаго-

тики и методы ее исследования активно используются в библиотекосведении. Так, по мнению Н. И. Тюлиной, пропаганда книги в целях коммунистического воспитания и образования народа, занимающая в библиотечной теории важнейшее место, должна осуществляться в самом тесном контакте с педагогикой. Однако педагогические проблемы не поглощают всю библиотечную науку [408, с. 27].

В рассматриваемый период в процессе интеграции библиотекосведения и педагогики формировалась библиотечная педагогика как относительно самостоятельный раздел библиотекосведения. Так, О. С. Чубарьян указывал, что в разработке педагогических аспектов библиотечного дела инициатива принадлежит библиотековедам, которые внесли существенный вклад в раскрытие воспитательной функции библиотек [449, с. 27].

Л. И. Беляева считала, что при исследовании задач коммунистического воспитания средствами библиотеки библиотекосведение выступает как общественная наука в целом и как педагогическая наука в частности. Однако педагогические проблемы библиотечного дела требуют специального изучения с учетом специфики задач, форм и методов педагогического воздействия, присущих библиотекам. Поэтому, как и О. С. Чубарьян, она ставила вопрос о разработке «специальной отрасли педагогики – педагогики библиотечного дела» [138, с. 58].

Л. В. Беляков отмечал, что педагогика рассматривается в настоящее время как наука о воспитании подрастающего поколения, и все ее рекомендации адресованы школе. Однако функции библиотек во многом отличны от функций школы, что обуславливает и иное содержание работы и другую методику. Поэтому нельзя проводить полной аналогии между педагогикой и библиотекосведением. Однако бесспорно, что работа библиотек имеет педагогическую направленность. «Используя достижения педагогики как науки, отталкиваясь от педагогического опыта, мы должны идти своим путем – создать свою педагогическую теорию воздействия через книгу на взрослого в условиях библиотеки» [397, с. 59].

Л. В. Беляков полагал, что хотя мы и вправе рассматривать библиотечную работу как одну из отраслей педагогики взрослых, руководство чтением является частью идеологической работы партии и теснейшим образом соприкасается с партийной пропагандой. По существу, писал он, обслуживание читателей есть не что иное, как «пропаганда второй степени», т. е. распространение в массах книг, которые сами по себе являются важнейшим средством печатной пропаганды; теория партийной пропаганды гораздо ближе библиотекосведению, чем педагогика. Установление взаимодействия библиотекосведения с педагогикой и теорией партийной пропаганды позволит определить научные основы процесса обслуживания читателей в библиотеках, принципы работы с ними [397, с. 59–60].

В библиотекосведческой литературе отмечалось особое значение педагогики для исследования проблем руководства чтением. Так, О. С. Чубарьян

считал, что «советское библиотекосведение не могло бы исследовать вопросы теории чтения, пропаганды книги и руководства чтением, не опираясь на положения педагогики о теоретических основах воспитания, об объеме и содержании знаний, характеризующих различные ступени культурного развития человека» [449, с. 27].

Авторы учебника «Руководство чтением детей в библиотеке» определяли руководство чтением как научно-методическую дисциплину библиотекосведения и одновременно как часть педагогики детского чтения. Они подчеркивали, что педагогическую сущность руководства чтением детей в библиотеке точнее передает традиционное в советском библиотекосведении понятие – «руководство чтением» [350, с. 10].

В то же время подчеркивалось, что помимо руководства чтением достижения педагогики используются и в других отраслях библиотекосведения. Ю. В. Григорьев считал глубоко ошибочной узкопрофессиональную точку зрения на применение педагогики только в одном разделе библиотекосведения, посвященном вопросам теории и практики работы с читателями [195, с. 4].

Период 60-х гг. связан с бурным развитием информационной деятельности библиотек, с одной стороны, и с формированием новой науки – теории научной информации (информатики), с другой. Это, в свою очередь, вызвало необходимость рассмотреть взаимосвязи и отношения между информатикой и библиотекосведением.

Существовало несколько точек зрения на эту проблему. Одни считали, что информатика как наука шире библиотекосведения и поэтому последнее должно войти в ее состав. Наиболее отчетливо эту позицию выразил Э. С. Бернштейн. Он считал, что библиотечная работа и информационная деятельность, как дополняющие одна другую, в будущем сольются, и это будет научно-информационная деятельность [141, с. 17–18].

О. С. Чубарьян указывал, что подобные взгляды являются попыткой создания своеобразной теории отмирания библиотек и означают отрицание сложившегося комплекса библиотечно-библиографических методов обслуживания. Он резко критиковал позицию тех представителей информатики, которые говорили об упразднении самого понятия «библиотека», о превращении ее в отдел фонда информационной службы, не ведущий никакой библиотечно-библиографической работы, не занимающийся пропагандой книги и широким обслуживанием читателей, а лишь хранящий и выдающий литературу и техническую документацию по запросам потребителей. О. С. Чубарьян считал, что в этой позиции проявляется «полное непонимание функций библиотеки как очага пропаганды книги, ей отводится роль аморфного фонда – придатка органа информации»; такие идеи «реформы» библиотечного дела представляют собой не что иное, как «попытку отойти от ленинского понимания общественной роли и функций советской библиотеки – органического звена в системе идеологических учреждений»; «всякая попытка умалить значение библиотек,

судить сферу их деятельности, представить библиотечно-библиографические методы обслуживания как устаревшие идет вразрез с этими указаниями и требованиями партии» [446, с. 4–6].

Г. П. Фонов также считал, что предложения о слиянии библиотек с органами информации свидетельствуют об односторонней оценке функций библиотек. Между тем эти функции заключаются не только в том, чтобы информировать о новом в науке и технике, но и «быть идеологическими учреждениями не в меньшей мере, чем учреждениями производственно-техническими» [414, с. 10].

Тенденция к ликвидации библиотек распространилась и на библиотекведение, которому отказывалось в праве на самостоятельное существование; его стремились включить в информатику. Эта тенденция, как указывал О. С. Чубарьян, ведет к тому, чтобы развивать информатику «за счет обеднения библиотечной и библиографической теории» [456, с. 46].

Другая точка зрения, которой придерживались многие представители библиотекведения и информатики, заключалась в признании самостоятельного развития обеих наук. Каждая из них имеет свой предмет и применяет специфические методы исследования. Общественные функции информационных органов и библиотек различны, поэтому необходимо четкое размежевание тех и других как в теории, так и в практической деятельности; подчеркивались педагогические и идейно-воспитательные аспекты библиотечной деятельности и на этой основе проводился водораздел между информатикой и библиотекведением.

Однако некоторые авторы (А. В. Соколов, А. И. Манкевич, Т. Н. Колтыпина) полагали, что идея качественного отличия научно-информационной деятельности от библиотечно-библиографической вызывает «стремление» библиотекведения к «автономии», поскольку оно, якобы, не воспринимает методы, выраженные на чуждом ему языке [379, с. 34]. Однако очевидно, что «стремление к автономии» объясняется отнюдь не сложностью языка информатики и недоступностью ее идей и методов для библиотекведов, а объективными процессами развития этих наук.

Сторонниками «автономии» эти авторы называли А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского на основании их высказывания о библиотеках и органах информации как о двух институтах современного общества, созданных для удовлетворения различных его потребностей [292, с. 75].

Однако анализ их взглядов не подтверждает такого вывода. Например, Р. С. Гиляревский подчеркивал, что библиотекведение и информатика, хотя и являются вполне самостоятельными научными дисциплинами, имеют ряд общих проблем и тенденций развития: системный подход к изучению библиотечной практики и научно-информационной деятельности как смежных процессов научной коммуникации, стремление к раскрытию основных свойств и общей структуры научной информации, закономерностей ее представления, передачи и использования, а также механизация и автоматизация процессов обработки информации. Он совершенно

справедливо указывал, что такие проблемы библиотековедения и информатики, как каталогизация и информационный поиск, организация библиотечных фондов и хранение информации, библиотечная работа с читателями, справочно-библиографическое обслуживание и распространение информации, обнаруживают явно наметившуюся тенденцию к интеграции [475, с. 3].

В то же время Р. С. Гиляревский считал, что слияние библиотековедения и информатики невозможно, так как, во-первых, они обобщают теорию и практику различных по своим задачам и конечным целям направлений: библиотечного дела и научно-информационной деятельности, и, во-вторых, такое слияние противоречиво бы тенденции развития коммуникативных процессов, которые с течением времени дифференцируются, а не сливаются. Он возражал против попыток рассматривать информатику как обобщающую науку по отношению к библиотековедению; говорить о том, что библиотековедение является одним из разделов информатики также неправомерно, как и считать информатику одним из разделов библиотековедения; без признания самостоятельности библиотековедения и информатики нельзя рассматривать вопрос об их взаимодействии [182]. Таким образом, речь шла не об автономии библиотековедения и информатики, а об их взаимодействии, взаимосвязи, взаимовлиянии.

А. В. Соколов, А. И. Манкевич и Т. Н. Колтыпина относили к сторонникам концепции автономии и О. С. Чубарьяна. В качестве доказательства они приводили его положение о том, что информация составляет лишь одну из сторон библиотечной деятельности: «Растворение библиотеки в едином информационном центре приведет к потере других сторон ее деятельности, не связанных непосредственно с информационным процессом <...> Известное сходство задач научных библиотек и служб информации не означает необходимости их слияния» [454, с. 59].

Однако эти доводы О. С. Чубарьяна говорят лишь о том, что он выступал против слияния библиотек и информационных органов, но не содержат доказательств, что он призывал к автономии библиотековедения. Кстати, и сами авторы отмечали, что О. С. Чубарьян не отвергает, а, наоборот, подчеркивает тесное взаимодействие библиотек и органов информации, координацию и кооперирование их деятельности.

Следовательно, наибольшее распространение в рассматриваемый период получила концепция взаимодействия, согласно которой информатика и библиотековедение развиваются как самостоятельные научные дисциплины, но процесс их развития взаимообусловлен и взаимозависим. Отметим, что именно на этой позиции стояли многие представители как библиотековедения, так и информатики, которые выделяли как общее в деятельности библиотек и информационных служб, так и основные их различия, взаимосвязь и взаимообусловленность.

Например, О. С. Чубарьян указывал на благотворное влияние связей библиотековедения с теорией научной информации. Основу для этих взаимосвязей он видел в том, что информатика, как и библиотековедение, относится к социальным наукам, поскольку исследует проблемы использования достижений научно-технической мысли в общественных интересах. Органическая увязка деятельности библиотек и служб информации существенно обогащает научно-техническую информацию за счет сложившихся и выдержавших испытание временем форм и методов библиотечной и библиографической работы. В то же время благодаря развитию

научно-технической информации библиотечная практика обогатилась новыми методами информационного обслуживания науки и производства [454; 461].

Наиболее обстоятельно все аспекты взаимосвязей библиотековедения и информатики были рассмотрены в работах А. В. Соколова, А. И. Манкевича и Т. Н. Колтыпиной. Они писали, что исторической преемственностью, единством общественных функций, частичной общностью предмета изучения и применяемыми методами работы информатика связана с циклом библиотечно-библиографических дисциплин, что она в своем развитии в качестве отправной точки использовала научный багаж, накопленный этими дисциплинами, что без опоры на них она не могла бы сформироваться.

Сопоставляя функции органов НТИ и библиотечно-библиографических учреждений, авторы констатировали их пересечение в информационном обслуживании. Они считали, что библиотеки, библиографические учреждения и органы научно-технической информации являются чаще всего комплексными информационными службами, осуществляющими сходные функции [384].

И. М. Фрумин отмечал, что на основе этого базисного тезиса была создана целая концепция о прикладном характере библиотековедения и его подчинении «главной» науке – информатике. Он полагал, что рассматривать библиотеку только как вспомогательную ячейку в системе НТИ нельзя, так как ведущей функцией библиотек всех типов и видов является их идеологическая деятельность, которая не может быть отнесена на задний план [426, с. 65–66].

Анализируя разнообразные аспекты взаимоотношений библиотековедения, библиографоведения и информатики, подтвердившие наличие взаимосвязи между ними, А. В. Соколов, А. И. Манкевич и Т. Н. Колтыпина пришли к выводу о необходимости оформления обобщающей науки об информации – социальной информатики, в которую войдут наряду с другими библиотековедение и библиографоведение, и которая, по их мнению, призвана «вскрыть общие закономерности информационного обслуживания и тем самым создать условия для построения подлинно научной теории библиотечно-библиографической деятельности» [379, с. 36].

Указанные авторы рассматривали свою точку зрения как разновидность концепции взаимодействия. Однако взаимодействие предполагает взаимный процесс обогащения достижениями и методами, что, разумеется, не соответствует концепции соотношения «обобщающая наука – частные науки», иерархическим связям между ними. Правда, авторы утверждали, что не предусматривают слияния указанных дисциплин; формирование обобщающей теории не означает, что входящие в ее состав прикладные дисциплины должны потерять свое значение и отмереть. Однако они утверждали, что если обобщающая наука «черпает из частных наук идеи и факты, необходимые для выработки обобщающих концепций», то частные науки «используют эти концепции для развития своего теоретического аппарата».

Ясно, что при такой постановке вопроса о взаимоотношениях информатики и библиотековедения, последнее перестает быть самостоятельной наукой и становится прикладной дисциплиной в структуре социальной информатики как науки.

Не случайно, что эти предложения вызвали дискуссию в печати. Так, Г. П. Фонов подчеркивал, что библиотекведение представляет собой самостоятельную науку, не подчиненную информатике; нельзя игнорировать специфические задачи библиотек в распространении информации, нельзя «лишь на основе внешнего сходства делать вывод об общности теорий тех областей деятельности, в которых разными методами зафиксирована, передается и воспринимается информация» [413, с. 39].

Г. П. Фонов отмечал, что в деятельности библиотек и органов информации имеется и сходство, и различие. Даже тогда, когда библиотеки имеют дело с научной информацией, они решают свои специфические задачи, связанные с изучением читателей, учетом их идеального уровня, образованности, психологии, с выбором необходимых методов и средств оказания им помощи. Отрицать влияние информационных органов на библиотеки нет оснований, но изображать их как основную движущую силу библиотечного дела также не следует: его развитие определяется многими факторами, а не только информационной деятельностью. Подчеркивая самостоятельность библиотекведения, Г. П. Фонов считал, что оно решает огромный круг проблем теоретического и практического характера, выходящих по своей сложности за рамки информатики [413].

На ошибочность представления о том, что информатика является обобщающей наукой для библиотекведения, указывали и представители информационной науки: А. И. Михайлов, А. И. Черный, Р. С. Гиляревский [291, с. 414].

На более правильных позициях стоял, с нашей точки зрения, О. П. Коршунов, который предпринял попытку комплексного рассмотрения связей библиотекведения, библиографоведения и информатики. Он указывал, что, занимаясь сравнениями, надо прежде всего уяснить, что существует два ряда сопоставимых между собой (в пределах каждого ряда) понятий: первый ряд – библиография, библиотечное дело, научно-информационная деятельность; второй – библиографоведение, библиотекведение, информатика [259, с. 165].

О. П. Коршунов попытался рассмотреть соотношения только между понятиями первого ряда, но его выводы имеют важное значение и для правильного решения вопроса о соотношении понятий второго ряда. Анализируя соотношения между библиографией, библиотечным делом и научно-информационной деятельностью, О. П. Коршунов отмечал, что эта система имеет область полного (тройного) совмещения; области неполного (двойного) совмещения, в пределах которых каждый элемент раздельно совмещается с двумя другими (библиография – библиотечное дело, библиотечное дело – научно-информационная деятельность, библиография – научно-информационная деятельность); и, наконец, самостоятельные области, выявляющие специфические отличия каждого элемента от двух других.

Отсюда О. П. Коршунов делал вывод, что понятие части и целого в ряду «библиография, библиотечное дело, научно-информационная деятельность» относительно, оно целиком зависит от начальной «системы отсчета». С позиций каждого элемента два других – его части. Библиографии, библиотечному делу и научно-информационной деятельности свойственны как общие (совпадающие), так и специфические для каждого из этих элементов функции. Вместе с тем каждый

элемент в свою очередь может быть обособлен в самостоятельную систему [259, с. 171–173].

О. П. Коршунов пришел к выводу, что «библиотечное дело и библиотекосведение, библиография и библиографосведение, научно-информационная деятельность и информатика образуют систему, генеральной линией развития которой является взаимодействие», основанное «на общности конечных целей и на понимании самостоятельности, специфичности задач и функций каждого подразделения, взятого в отдельности» [133, с. 43].

С начала 60-х гг. в нашей стране вновь, после длительного перерыва, стали обсуждаться теоретические проблемы книгоосведения. Не ставя своей задачей рассмотрение содержания этих дискуссий в полном их объеме, остановимся лишь на тех моментах, которые имеют принципиальное значение для выяснения взаимоотношений книгоосведения и библиотекосведения.

Анализ материалов книгоосведческих дискуссий показывает, что среди книгоосведов не было единого представления о месте библиотекосведения в системе книгоосведения. Например, А. И. Барсук полагал, что объединяющим признаком для научных дисциплин, входящих в книгоосведение, является специфика подхода к его объекту – книге. Этот единый «книгоосведческий» подход в книгоосведческих дисциплинах, в том числе и в библиотекосведении, он видел в функциональном подходе к произведению печати с позиций читателя.

Поэтому А. И. Барсук считал, что библиотекосведение естественно и органично вливается в книгоосведение, так как их связывает общность объекта (произведение печати во взаимодействии с читателем), общность цели и общественного назначения (содействие использованию печати в обществе, выполнению ею своих социальных функций). Он находил общее между книгоосведением и библиотечным делом и в методах учета, систематизации, описания произведений печати, в разработке приемов и способов пропаганды книги среди читателей.

А. И. Барсук утверждал, что библиотекосведение, якобы, образовалось в процессе дифференциации книгоосведения; в ходе развития библиотекосведения «постепенно забывался или игнорировался общий корень, родовая связь, единство конечных целей и объекта»; обособление библиотекосведения от книгоосведения привело к тому, что оно приобрело «налет того сугубого практицизма, который порождал у представителей других отраслей знания представление о библиотекосведении... как о простой сумме технических средств и практических навыков» [132].

Эта концепция игнорировала специфические задачи библиотекосведения, связанные с исследованием его основного объекта – библиотеки; отождествляла предмет книгоосведения с предметом библиотекосведения; отрицала возможность и необходимость иметь библиотечному делу свою теорию и методологию.

Следует отметить, что в более поздних работах А. И. Барсук уже не был так категоричен. Он признавал, что процесс дифференциации наук создает предпосылки для обособления ряда книгоосведческих отраслей, в частности библиотекосведения. В этих отраслях накапливаются собственные источниковосведческие, методические, исторические и другие материалы, расширяется круг собственных профессиональных проблем, задач и интересов. Он подчеркивал, что книгоосведение не является

абстрактным «заменителем» конкретных книговедческих дисциплин. Объединяя их в единый комплекс, оно не стирает граней между ними, не обезличивает их [131].

Многие авторы также подчеркивали самостоятельность библиотекосведения и книговедения, их взаимное влияние и взаимосвязь. Например, Н. Г. Малыхин считал, что библиотекосведение имеет относительно отдаленные связи с книговедением, давно уже выделилось в самостоятельную научную дисциплину и исследует свой, совершенно определенный круг проблем [334, с. 416]. Эту же позицию поддерживал А. А. Сидоров, который полагал, что библиотекосведение «перерастает пределы книговедения» [308, с. 272].

Рассматривая комплекс книговедческих дисциплин, Н. М. Сикорский и Е. Л. Немировский отмечали, что, с одной стороны, наблюдается стремление к чрезмерному сужению объема книговедения, с другой, к неоправданному его расширению. Они подчеркивали, что наряду с общей комплексной наукой о книге должны развиваться отдельные научные дисциплины книговедческого цикла: «Их взаимоотношения с общей наукой, пользуясь терминологией теории множеств, следует представить не как „включение“ или „объединение“, а как „пересечение“. Многие специальные проблемы успешнее могут быть решены в рамках каждой книговедческой дисциплины без выхода за ее, так сказать, „законные угодья“» [358, с. 17].

Таким образом, эти авторы признавали известную самостоятельность дисциплин книговедческого цикла, наличие в них содержания, которое нельзя свести, только к книговедению. В рекомендациях Второй Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения (1974 г.) подчеркивалось, что разработка общей теории книговедения содействует развитию всех традиционных научных дисциплин книговедческого цикла, в том числе и библиотекосведения [340, с. 232].

Характерно, что в дискуссии о месте библиотекосведения в книговедении почти не участвовали библиотекосведы. В их немногочисленных выступлениях по этому вопросу (З. П. Оленевой, И. А. Скороход, О. С. Чубарьяна, Е. И. Шамурина) речь шла о том, что библиотекосведение является самостоятельной наукой, взаимосвязанной со многими другими, в том числе и с книговедением, что механическое присоединение библиотекосведения к книговедению ни в коей мере не решает проблемы их взаимосвязи и взаимообогащения.

Наиболее определенно высказывался по этому вопросу О. С. Чубарьян, который говорил о тенденции рассматривать книговедение как комплекс механически соединенных наук о книге, включая и библиотекосведение. Он считал, что речь должна идти о более глубоких связях двух во многом самостоятельно развивающихся наук [455, с. 39].

Таким образом, в последние годы все более стало утверждаться представление, что библиотекосведение является одной из самостоятельных научных дисциплин книговедческого цикла. Это положение, с нашей точки зрения, обуславливается спецификой взаимосвязей отдельных дисциплин книговедческого цикла как между собой, так и с другими комплексами наук.

Анализируя эти взаимосвязи, необходимо прежде всего отметить, что некоторые дисциплины книговедческого цикла вообще не имеют прямых связей между собой (например, теория редактирования и библиотекосведение), что и

определяет относительную самостоятельность этих научных дисциплин, связанных частичной общностью объекта исследования. Каждая наука книговедческого цикла имеет свои, специфические связи с науками, входящими в другие комплексы. Например, библиотекведение имеет связи с комплексами философских, науковедческих, психолого-педагогических, математических и других наук, чем и обуславливается сложное, междисциплинарное положение библиотекведения в системе наук.

Поэтому с точки зрения книговедения библиотекведение является научной дисциплиной книговедческого цикла, так как одним из элементов своего объекта имеет книгу. С позиций же библиотечной теории, объект которой включает книгу, читателя и библиотеку, книговедение – родственная и сопредельная с библиотекведением наука.

Проблемы взаимосвязи библиотекведения и библиографоведения получили в советском библиотекведении широкое обоснование. Поэтому может показаться неожиданным тот повышенный интерес к этой проблеме, который наблюдался в 60–70-е гг. С нашей точки зрения, он связан с тем, что в эти годы вообще усиливается внимание к взаимосвязи библиотекведения с другими научными дисциплинами, и авторы, разрабатывавшие эту проблему, естественно, рассматривали и вопрос о соотношениях библиотекведения и библиографоведения.

Так, Ю. В. Григорьев указывал на процесс сближения этих дисциплин, который, по его мнению, и определяет их развитие. Он писал, что обе науки имеют общие принципы, особенно «принцип рекомендательности», и совместно разрабатывают проблемы пропаганды книги, руководства чтением, комплектования фондов [192, с. 18].

О. С. Чубарьян отмечал, что основу всей работы советских библиотек по пропаганде книги и руководству чтением, информационному обслуживанию науки и производства, подбору книжных фондов, каталогизации составляют библиографические методы.

В свою очередь, теория библиографии обогатилась благодаря содружеству с библиотекведением и широко использует материалы изучения читателей, анализа эффективности обращения фондов и т. д. [461, с. 23].

Вместе с тем встречались попытки отождествления библиотекведения и библиографоведения. Некоторые представители информатики говорили о «библиотечно-библиографических дисциплинах», игнорируя тем самым разницу между библиотекведением и библиографоведением. На неправомочность такого отождествления указывали А. И. Барсук и О. П. Коршунов. Они отмечали также, что в некоторых работах «проскальзывает тенденция считать всю библиографию частью <...> библиотечного дела. Однако она является таковой лишь в рамках и с позиции библиотечного дела, но сама по себе как специфическое явление, взятое в целом, далеко выходит за его пределы» [133, с. 40].

М. А. Брискман также полагал, что было бы неверным рассматривать библиографию как часть библиотечного дела. Можно говорить лишь об их органическом слиянии на тех или иных участках, например, в области рекомендательной библиографии и руководства чтением, краеведческой библиографии и краеведческой работы библиотек [157, с. 191].

Другие авторы (например, В. Т. Вытяжков, С. А. Трубников) стремились расширить границы библиографии, включить в нее проблемы пропаганды книги и руководства чтением. Рассматривая эту точку зрения, Б. Я. Бухштаб подчеркивал, что если пропаганду книги и руководство чтением включить в библиографию, то это не даст возможности дифференцировать библиографоведение и библиотековедение [311, л. 45].

Интерес к взаимосвязям библиотековедения и библиографоведения особенно возрос в связи с разработкой в библиотековедении теории руководства чтением, а в библиографоведении – теории рекомендательной библиографии, что привело и библиографоведов, и библиографов к пониманию глубоких взаимосвязей между проблемами рекомендательной библиографии и руководства чтением. Например, Н. Н. Соловьева отмечала, что органическая связь этих проблем обуславливается тем, что без знания интересов читателей не может быть создана отвечающая их запросам рекомендательная библиография, а без изучения использования библиографических пособий нельзя по-настоящему изучить интересы читателей [380, с. 6].

Наблюдалась тенденция отождествления проблем руководства чтением и рекомендательной библиографии, что особенно ярко проявилось в работах Б. А. Смирновой. Она подчеркивала, что рекомендательная библиография находится в теснейшей взаимосвязи с библиотечной практикой, черпает из опыта библиотек передовые методы пропаганды книги, обогащает, закрепляет и распространяет их. В соответствии с этим Б. А. Смирнова ставила перед библиографией задачу изучения читательских интересов, психологии читателей и методов работы библиотек с читателями [369, с. 5].

О. П. Коршунов считал такую тенденцию максимального сближения проблем руководства чтением с рекомендательной библиографией неправильной: «Рекомендательную библиографию нельзя ограничивать только рамками библиотечного происхождения и использования. Она представляет собой самостоятельное явление и обладает различными каналами воздействия на читателя» [258, с. 31]. Он возражал О. С. Чубарьяну, который считал, что общность целей и задач руководства чтением и рекомендательной библиографии определяет и единство методов изучения читателей, их интересов, что в единстве принципов группировки читателей для дифференцированной работы с ними проявляется наиболее конкретно теснейшая взаимосвязь библиотековедения и теории рекомендательной библиографии [462, с. 26–28]. О. П. Коршунов полагал, что хотя теория и методика рекомендательной библиографии действительно должны шире опираться на материал и обобщения, сделанные в библиотековедении, не следует отождествлять эти две научные дисциплины, навязывая рекомендательной библиографии копирование методов изучения и принципов группировки читателей, свойственных библиотековедению [258, с. 35].

Таким образом, активно разрабатывая вопросы взаимосвязей этих двух наук, советские библиотековеды и библиографы выступали против попыток отрицать их самостоятельность, подменять предмет одной науки предметом другой, объединять библиотековедение и библиографоведение в единое понятие «библиотечно-библиографические дисциплины».

В 60-е гг. возрастает значение экономических аспектов деятельности библиотек и возникает необходимость исследовать проблемы библиотечного строительства в тесной связи с данными экономической науки.

Внимание к экономическим проблемам привело к возникновению новой отрасли библиотекосведения – экономики библиотечного дела, определяемой как часть экономики культуры, предметом которой является экономический анализ деятельности библиотек, особенности применения экономических законов и категорий в библиотечном деле [364, с. 195]. Вместе с тем отмечалось, что все разделы библиотекосведения, формирующиеся на стыке библиотекосведения и экономических наук, опираются, как правило, на данные не только экономики, но и ряда других наук, имеют комплексный характер.

В круг вопросов экономики библиотечного дела советские библиотекосведы включали: планирование сети библиотек и ее материально-финансовых показателей; финансирование библиотек; методику применения экономических инструментов для анализа деятельности библиотеки в целях достижения наиболее полного и качественного обслуживания читателей при минимальных затратах времени, материальных и денежных средств. При этом подчеркивалось, что экономический анализ деятельности библиотеки не должен подменять анализа содержания, идейной направленности ее работы, а дополнять и развивать его, тесно сочетаться с ним.

В рассматриваемый период уделялось значительное внимание такой отрасли библиотекосведения, как научная организация труда в библиотечном деле, в разработку которой значительный вклад внесли Б. Н. Бачалдин, Н. С. Карташов, В. В. Серов, И. М. Фрумин, Ж. С. Шадрин и др. Они отмечали особое значение для разработки проблем НОТ теории эффективности, экономической статистики, отдельных разделов экономики труда и анализа хозяйственной деятельности. Для исследования проблем управления библиотеками и координации их деятельности использовались также достижения науки управления, которая в последние годы вышла за пределы экономической, производственной сферы и направила внимание на изучение управленческого процесса в непроизводственных областях.

И. М. Фрумин отмечал, что НОТ в библиотеках как особая часть библиотекосведения тесно связана с теорией НОТ и использует достижения философии, педагогики, социологии, политической экономии, физиологии и других наук. Он указывал на такие проблемы экономического порядка, как расчеты стоимости процессов и операций в библиотеках различных типов, эффективность использования средств, нормативы расходов на комплектование фондов, научное обоснование финансовых нормативов для оптимального функционирования библиотек разных типов и масштабов [427].

Однако следует отметить, что 60–70-е гг. являются начальным этапом формирования экономики библиотечного дела как научной дисциплины. Перед советским библиотекосведением стоит задача обеспечить разработку в первую очередь методологических вопросов: создать теоретические основы экономики библиотечного дела; выявить ее взаимосвязи с политэкономией, экономикой культуры, другими экономическими науками; раскрыть ее место в общей системе библиотекосведения и взаимосвязи с другими библиотекосведческими дисциплинами.

Внимание советских библиотековедов было направлено также на разработку методологических проблем истории библиотечного дела. Ставилась задача четко определить те понятия, которые составляют ее теоретические основы: объект, предмет, источники, задачи, закономерности, взаимосвязи с другими науками, а также периодизацию [444, с. 82]. В связи с этим Ю. В. Григорьев считал необходимым развивать историографию, источниковедение и ретроспективную библиографию библиотековедения. Ю. В. Григорьев подчеркивал, что разработка этих вспомогательных дисциплин имеет большое методологическое значение [288, с. 2].

Библиотековеды обсуждали спорные вопросы, связанные с историей библиотечного дела как научной дисциплиной и прежде всего о ее месте среди других библиотековедческих дисциплин. Существовали две точки зрения на этот вопрос. Первая из них исходила из понимания истории библиотечного дела как части библиотековедения («Словарь библиотечных терминов», учебник О. С. Чубарьяна «Общее библиотековедение»).

Другая точка зрения признавала историю библиотечного дела самостоятельной наукой. Ее разделяли К. И. Абрамов и А. Я. Черняк. Например, последний говорил о значении достижений истории библиотечного дела для развития библиотековедения, которое базируется на успехах «историко-библиотечной науки», подчеркивал обратную связь – использование библиотековедения для интенсификации историко-библиотечных исследований [444, с. 85], т. е. рассматривал историю библиотечного дела и библиотековедение как взаимосвязанные, но самостоятельные науки.

К. И. Абрамов считал закономерным существование истории библиотечного дела как самостоятельной науки, имеющей предмет, свои специфические задачи и объекты исследования, подчеркивая при этом важность установления тесных взаимосвязей истории библиотечного дела с библиотековедением [101, с. 11].

Позиция, рассматривающая историю библиотечного дела как самостоятельную, независимую от библиотековедения науку, не может быть признана правильной, так как она неизбежно ведет к отрыву истории библиотечного дела от современного состояния его теории и перспектив развития.

Не было единой точки зрения и по вопросу о соотношениях истории библиотечного дела и истории библиотековедения. Так, К. И. Абрамов считал, что история библиотечного дела призвана раскрыть классовый характер библиотечных идей и взглядов, показать процесс формирования и развития советского библиотековедения. Он возражал против попыток ограничить предмет истории библиотечного дела изучением только истории отдельных библиотек и системы библиотечного обслуживания населения, исключить из него исследование развития библиотечной теории и полагал, что в рамках истории библиотечного дела возможно проводить не только общеисторические исследования, но и частные, к которым он относил историю библиотековедения [95]. А. Я. Черняк также утверждал, что история библиотековедения – это частная историко-библиотечная дисциплина, как и другие частные дисциплины, например, история каталогов, история изучения читателей и др. [444, с. 88].

Такая позиция неизбежно ведет к умалению общеметодологического значения истории библиотековедения, ее роли в формировании библиотечной науки. Более

правильным был, с нашей точки зрения, взгляд Ю. В. Григорьева, который считал, что история библиотековедения и история библиотечного дела – это не одно и то же, а два направления единого большого целого. Поэтому, полагал он, более правильно говорить о тесной связи истории библиотечного дела и истории библиотековедения, но не об их отождествлении, так как это мешает формированию марксистского понимания процесса развития библиотековедения как общественной науки [190, с. 78–79].

Рассматривались также взаимосвязи истории библиотечного дела с другими науками. Так, К. И. Абрамов указывал на тесные связи истории библиотечного дела с историей культуры, народного просвещения, историей книги и библиографии. В то же время он выступал против слияния истории книги, истории библиотечного дела и истории библиографии в единую комплексную науку и полагал, что эти отрасли знания, имеющие ряд общих объектов исследования, отличаются своим предметом и специфическими, только им присущими задачами [99, с. 8–9].

Как видим, в рассматриваемый период внимание исследователей сосредоточивалось на широком круге проблем взаимосвязей библиотековедения с другими науками. На основе анализа библиотековедческой литературы 60–70-х гг. можно указать около 40 наук и научных дисциплин, которые назывались в ряду взаимодействующих с библиотековедением. Это философия (гносеология, исторический материализм), научный коммунизм, теория культуры, теория партийной пропаганды и агитации, науковедение, логика, семиотика, лингвистика, педагогика, психология (социальная психология, психология личности), книговедение, библиографоведение, информатика, кибернетика, математика, политическая экономия, теория управления, статистика, теория планирования, прогностика, профессиография, структурология, эстетика (производственная эстетика), физиология и гигиена труда, история, правоведение, география, архивоведение, музееведение и др.

Однако следует заметить, что в большинстве случаев в литературе лишь констатировались, но не раскрывались связи библиотековедения с той или иной наукой, не показывались конкретные пути использования их методов в библиотековедении. Еще реже анализировалось влияние библиотековедения на развитие других наук, что делало подход к проблемам взаимосвязей односторонним.

Проблемы методологии и методики библиотековедческих исследований

Развитие библиотековедения как науки, расширение его связей с другими дисциплинами способствовали дальнейшей разработке проблем методологии и методики библиотековедческих исследований.

Библиотековедческая мысль была направлена, прежде всего, на изучение методологических принципов библиотековедческих исследований. Оно проводилось научными коллективами Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Ее результаты в рассматриваемый период выразились в серии пособий в помощь научной работе библиотек (18 выпусков) и завершились

изданием в 1978 г. коллективной монографии «Библиотекосведческие исследования. Методология и методика» [145].

Основополагающим методологическим принципом советские библиотековеды называли принцип научной объективности и идейной направленности. В своих исследованиях они опирались на марксистско-ленинскую методологию, являющуюся орудием объективного познания и революционного преобразования действительности. Для постижения сущности любого явления марксистско-ленинская диалектика требует учета всех сторон и связей изучаемого объекта с другими объектами, рассмотрения явлений в развитии, анализа практики как критерия истины.

Эти общие положения конкретизируются в библиотекосведении, ибо, как указывал О. С. Чубарьян, «библиотечное дело развивается не изолированно, не какими-то особыми путями, а подчиняется общим закономерностям общественно-го развития» [274, с. 5].

Особенностями библиотекосведения как общественной науки обусловлен принцип социально-психологического исследования. Он требует рассматривать читателя и библиотекаря как личности в системе общественных отношений, а библиотеку, книгу, процесс чтения и руководство им как явления общественной жизни. Этим определяется необходимость использования в библиотекосведческих исследованиях социологических и психологических методов.

Большое внимание было уделено обоснованию принципа историзма. Важность этого принципа состоит в том, что процесс логического познания явлений находится в диалектическом единстве с процессом их исторического развития. Поскольку общественные функции библиотек неотделимы от определенных исторических условий, то исследование их требует применения принципа историзма. Его соблюдение важно не только при изучении истории библиотечного дела, но и при исследовании его современных проблем [166].

В библиотекосведческой литературе отмечалось также, что дифференциацией и интеграцией наук обуславливается принцип единства аналитического и синтетического, специализированного и комплексного подхода в библиотекосведческих исследованиях. Невозможно в равной степени изучить всю библиотечную практику. Наметив для исследования определенную ее сторону, определенные объекты или связи между ними, библиотековед осуществляет принцип специализированного подхода, выделяет те особенности объектов, которые его интересуют. В то же время в целях синтетического подхода к изучаемым объектам или связям между ними применяется комплекс различных методов, используются результаты других исследований [164].

Указывая на важность применения в библиотекосведческих исследованиях аналитико-синтетических методов, О. С. Чубарьян подчеркивал, что в современных условиях для получения выводов синтетического характера, анализа и прогнозирования процессов развития библиотечного дела необходимо выявить тенденции его развития в целом, во всех внутренних и внешних связях. Он указывал, что применение аналитико-синтетических методов (логических, статистических) должно привести к совершенствованию прогнозирования развития библиотечного дела [460, с. 18].

Анализ библиотечной практики включает: выявление существенного и типичного в собранном фактическом материале; установление места каждого факта в общей системе работы библиотеки; сравнение фактов с целью установления связей между явлениями; раскрытие зависимостей между примененными методами и полученными результатами. В анализе используются количественные и качественные методы, которые тесно взаимосвязаны. Качественный анализ библиотечной практики выступает как логический анализ, задача которого – разобраться в массе накопленных фактов, раскрыть сущность изучаемых явлений, отделить основное от второстепенного, установить конкретное, своеобразное в работе библиотек. Сложность явлений библиотечной практики вызывает необходимость применения совокупности различных методов качественного анализа, среди которых следует особо выделить структурно-функциональный, причинно-следственный и анализ по аналогии [165].

В библиотечной литературе отмечалось, что комплексное рассмотрение проблем библиотечного дела требует системного подхода. Подход к объекту как к системе означает, что главное внимание направляется на способ связи частей, элементов и подсистем объекта в единое целое, на выявление функций каждого элемента в этом целом. Сложными системами являются библиотечное дело в целом, отдельная замкнутая сеть библиотек. Библиотека также может рассматриваться и изучаться в определенных целях как изолированная, замкнутая система, состоящая из ряда подсистем. Вместе с тем отмечалось, что библиотечное дело, представляя собой сложную систему, как общественное явление, одновременно выступает в качестве подсистемы по отношению к другим социальным системам. Поэтому задача библиотечного дела заключается в исследовании таких системных связей, как «Библиотека и общество», «Книга и человек» [353].

Важное значение для развития методики библиотечных исследований имела разработка методов изучения библиотечной практики, особенно передового библиотечного опыта.

Изучение библиотечной практики имеет своей целью планомерное выявление, накопление и систематизацию фактического материала о деятельности библиотек, его критический анализ и обобщение. Это возможно лишь на основе методологии, опирающейся на марксистско-ленинский диалектический метод познания действительности и учитывающей особенности библиотечной практики как объекта изучения.

Нами было обосновано методологическое положение о поисковом характере исследования библиотечной практики, направленного на выявление передовых методов работы, лучших форм ее организации, на разрешение спорных вопросов. Теоретическое изучение библиотечной практики имеет целью определить ее закономерности и перспективы развития на основе анализа и обобщения опыта. Библиотечное дело, изучая библиотечную работу, в то же время создает новый опыт, проверяя свои теоретические идеи на практике, прокладывая пути развития библиотечного дела.

В результате рассмотрения совокупности методов изучения библиотечной практики, применяемых в библиотечных исследованиях, нами были выделены следующие основные методологические положения:

- изучение опыта библиотек может дать ценные результаты для теории и практики только тогда, когда будет систематическим и поисковым, т. е. направленным на выявление передовых методов работы, лучших форм ее организации, на разрешение противоречий в библиотечной практике;
- основным в изучении является исследование системы работы библиотеки в целом с выделением для более углубленного познания наиболее важных и актуальных практических проблем;
- изучение конкретной библиотечной практики требует накопления объективного фактического материала в количестве, позволяющем выделить типичные факты, выявить тенденции рассматриваемой проблемы;
- правильное познание и объяснение фактов библиотечной практики, существенных и необходимых зависимостей изучаемых явлений, тенденций их развития на всех этапах исследования обеспечивается только на основе достижений теории и практики библиотечного дела [164; 165; 167].

Одним из основных методов исследования библиотечной практики называлось наблюдение. К сожалению, некоторые библиотечные специалисты считали, что его использование исключает соблюдение каких-либо методологических установок. Так, Б. А. Смирнова уверяла, что этот метод не требует никаких специальных условий, применяя его, библиотекари только фиксируют то, что считают важным в процессе работы [370, с. 21]. К. М. Варшавский считал метод непосредственного наблюдения простейшим и к тому же в библиотековедении не применяющимся [168, с. 41].

Упрощенное понимание метода наблюдения основывалось на том представлении, что им является любое непосредственное общение с библиотекарем и читателем. Видимо, более точна была Н. Я. Фридьева, которая разделяла метод живого общения с читателями (беседы всех видов) и метод научного наблюдения [417, с. 10].

Нами была предпринята попытка определить основные методологические положения использования наблюдения в библиотекведческих исследованиях. Наблюдение всегда имеет направленный характер, т. е. исследователь воспринимает не явления, случайно попадающие в поле его зрения, а сосредоточивает внимание на изучаемых объектах. Наблюдению подвергается не одна, а все стороны процесса работы библиотеки. Каждый факт берется не изолированно, а в связи с другими фактами, как органическая часть всей деятельности библиотеки. Наблюдение всегда последовательно, ибо наблюдающий воспринимает одно явление вслед за другим или одно явление вместе с другим [167].

В. С. Крейденко рассматривал наблюдение как важное средство сбора первичной информации – конкретного материала о библиотечной практике. Он подчеркивал, что наблюдение позволяет библиотекведу собирать сведения об интересующих его объектах в естественных условиях. Особое внимание он уделял рассмотрению методики наблюдения процессов работы с читателями, взаимоотношений библиотекаря и читателя в процессе руководства чтением. Он охарактеризовал основные черты научного наблюдения, которое отличается от обыденного тем, что подчиняется конкретной исследовательской теме и четко сформулированной задаче; строится по определенному плану; отличается строгой системой фиксации фактов [264].

Была проделана значительная работа по изучению эксперимента как метода библиотекосведческих исследований. Большое внимание этому методу уделил В. С. Крейденко. Он определял библиотечный эксперимент как метод, позволяющий изучать библиотечные объекты путем активного, планомерного и поддающегося учету воздействия в непосредственных или намеренно измененных условиях (целиком или частично). В. С. Крейденко рассматривал библиотечный эксперимент как вид социального эксперимента, поскольку он предназначен для изучения, прежде всего, читателя во всем многообразии его реальных связей с библиотекой и книгой. Поэтому основное внимание уделялось рассмотрению методики тех экспериментов, которые связаны с изучением читателей (их интересов, особенностей восприимчивости различных видов литературы и т. п.) [265].

Разрабатывалась также методика использования документации в библиотекосведческих исследованиях. Наряду с традиционной библиотечной документацией (данные библиотечной статистики, читательских и книжных формуляров, отчетов библиотек и т. п.) большое значение придавалось документальным материалам, восполняющим пробелы в библиотечной документации и специально составленным в связи с предпринятым исследованием. Анализ документации рассматривался как один из важнейших методов исследования массовых библиотечных явлений. При этом отмечалось, что если для многих общественных наук (история, археология, филология и др.) документ представляет, главным образом, основу для изучения прошлого, то для библиотекосведения анализ документации является не только способом изучения исторического опыта того или иного явления, но и эффективным средством познания его современного состояния. Особое значение документации связано со спецификой библиотечного дела, требующего документального оформления большинства операций. Поэтому анализ документов является обязательным методом любого библиотекосведческого исследования.

К рассматриваемому периоду относится возобновление в широких масштабах изучения интересов и запросов читателей с помощью конкретно-социологических методов: наблюдения, опроса (посредством анкет и интервью), анализа документации и др. Примененные для этих целей методики исследования отличались, как писала И. К. Кирпичева, следующими специфическими особенностями: комбинированное применение процедур, присущих современным библиотекосведческим и конкретным социологическим исследованиям; машинная техника обработки значительной части фактического материала; перекрестный контроль показателей [250, с. 1].

Особенно обстоятельно разрабатывалось анкетирование как метод библиотекосведческого исследования. Был не только накоплен богатый практический опыт, но и сделаны ценные методологические обобщения. Однако по-прежнему не было единой точки зрения на применение анкет. Так, А. Е. Шапошников критиковал материалы исследования «Советский читатель» за то, что основной упор делался на анализ анкет, имеющих субъективный характер, а данные картотек чтения, полученные в результате непосредственных наблюдений, играли вспомогательную роль. Он считал, что следует больше обращать внимания на сбор сведений, характеризующих чтение с объективной стороны (анализ читательских формуляров, требовательных листов и т. п.) [471, с. 71].

А. Г. Ковалев об анализе читательских формуляров писал следующее: «Не отрицая значение этого метода, необходимо отметить его небольшую практическую и почти нулевую научную эффективность»; он позволяет получить только количественные данные, касающиеся лишь выданных книг, а не тех исходных побуждений, которые определили их выбор. Поэтому предпочтение отдавалось анкетному методу, который позволяет получать массовые данные более разнообразного характера. А. Г. Ковалев подчеркивал, что путем анкетирования можно выяснить не только, что любят читать, но и почему одну книгу предпочитают другим, т. е. мотивы выбора литературы [253, с. 103].

Б. А. Смирнова также считала, что анкетирование позволяет непосредственно ознакомиться с читательским мнением, в то время как другие методы дают о нем представление только через восприятие библиотекаря. С помощью анкет можно в большом количестве собрать суждения читателей, которые легко сопоставить [370, с. 21].

В этом высказывании об анкетировании наряду с правильной оценкой метода можно заметить и элементы его преувеличения, абсолютизации, ибо анкета является далеко не единственным методом, позволяющим судить о мнениях читателей. Например, Н. Е. Добрынина, И. П. Осипова, С. М. Смирнова и В. Д. Стельмах считали, что анкетный метод позволяет «в большей мере определить стереотип мнения в данной социальной среде, чем реальную картину чтения» [210, с. 91].

Наряду с анкетированием разрабатывалась методика и техника применения интервью. При этом отмечалось, что для библиотеческих исследований интервью представляет особую ценность, так как из всех социологических методов оно является самым библиотечным, наиболее близким для библиотекаря, имеющего повседневную практику индивидуальной работы с читателями.

В 60–70-е гг. в библиотеческих исследованиях все шире стали применяться математические методы. Оценивая их значение, В. В. Скворцов подчеркивал, что именно в этих методах находит свое выражение одна из тенденций развития современного библиотеческого знания, заключающаяся в математизации и формализации его познавательного аппарата. В этой тенденции он видел одно из проявлений интегративного характера библиотеческого знания, его междисциплинарного положения, активно использующего данные и методы других наук.

Однако В. В. Скворцов критиковал и попытки сводить все вопросы библиотеческого знания к логико-математической проблематике, фетишизировать математические методы и подчеркивал, что математика выступает в библиотеческой науке лишь в качестве вспомогательного метода для решения специфически библиотеческих проблем количественного характера [362].

Использование математических методов К. М. Романовская и Ж. С. Шадрина связывали с исследованием деятельности библиотеки как системы, состоящей из трех взаимосвязанных элементов – читателя, библиотекаря и книги. Они подчеркивали, что углубленное изучение функций каждого из названных элементов требует применения не только качественных, но и количественных методов [346, с. 9].

Ж. С. Шадрина писала, что математические методы не являются совершенно новыми для библиотеческого знания, поскольку библиотеки издавна в своей прак-

тике пользовались математикой. Однако усложнение решаемых библиотекведением задач выдвигает необходимость применения вероятностно-статистических методов для описания и вычисления сложных, преимущественно многозначных библиотечных явлений. Она называла среди математических методов, необходимых в библиотекведческих исследованиях, структурный анализ, вычисления, основанные на различных алгоритмах, построение математических моделей, линейное программирование и др. Смысл и значение применения в библиотекведческих исследованиях математических методов заключается «отнюдь не в стремлении просто формализовать эту область знания, а в обогащении ее новым инструментом познания такого объекта изучения, каким является библиотека» [467а, с. 21].

Особенно обстоятельно Ж. С. Шадрина разрабатывала методику применения в библиотекведческих исследованиях теории массового обслуживания. Она подчеркивала, что преимущества использования этой теории заключаются в том, что она позволяет анализировать библиотеку, не меняя существующей формы ее организации, не нанося тем самым ущерба текущему рабочему процессу, который был бы неизбежен при проведении эксперимента. Она указывала, что эта теория облегчает подход к определению принципов моделирования основных библиотечных процессов, к исследованию особенностей библиотечных циклов и операций [467, с. 74].

В 60–70-е гг. советская библиотекведческая мысль впервые обращается к проблемам использования прогностических методов исследования: моделирования, метода экспертных оценок, экстраполяции. Активное изучение этих проблем привело к формированию нового направления библиотекведческих исследований – библиотечной прогностики [364, с. 126]. В частности, выдвигается проблема применения моделирования; отмечается, что системный подход к исследуемым объектам позволяет строить математические модели, которые обладают такими важными достоинствами, как четкость, проверяемость, однозначность терминов и понятий. Модели могут быть сформулированы не только математически, но и средствами обычного языка. Использование моделей помогает познать системы, которые вообще нельзя сформулировать математически или для описания которых еще не разработаны соответствующие алгоритмы. Это положение особенно важно для библиотекведения, в котором еще не сформулированы алгоритмы для описания многих эмпирических фактов [353, с. 26].

Разработка методики прогнозирования привела, в свою очередь, к прогностической ориентации комплексных библиотекведческих исследований, программами которых предусматривается научное обоснование будущего развития изучаемых явлений.

За последние годы в СССР были организованы специальные исследования, ориентированные на выявление тенденций развития читательских интересов и научно обоснованный прогноз системы их удовлетворения, ведется прогнозирование развития крупнейших библиотек страны и библиотечного обслуживания в целом. Однако методология и процедурная часть библиотекведческих исследований с прогностической ориентацией разработаны пока еще недостаточно.

Таким образом, советским библиотекведением были достигнуты серьезные успехи в разработке методологии и методики исследований. Характерной особенностью рассматриваемого периода явилось то, что разнообразные методы, как применявшиеся ранее, так и новые, сами стали объектом библиотекведческих исследований.

* * *

С начала 60-х гг. в становлении библиотекведения как науки начинается новый этап, отражающий его состояние и перспективы развития в период построения развитого социализма.

Для библиотекведческих исследований этих лет ведущим остается социально-функциональный подход, который продолжает углубляться, обогащенный системным подходом. Применение системного подхода, позволяющего на научной основе анализировать многогранные связи в системе «Библиотека и общество», является характерной чертой советского библиотекведения 60–70-х гг.

Особенно большие успехи были достигнуты в исследовании таких основополагающих проблем, как учение о социальных функциях библиотеки, теория руководства чтением, теория библиотечного обслуживания населения.

Вместе с тем для развития советского библиотекведения в эти годы характерен науковедческий подход, т. е. сосредоточение внимания на разработке общетеоретических и методологических проблем. Расширился круг наук, взаимосвязанных с библиотекведением, поиск новых «стыков» и взаимосвязей, что, без сомнения, в значительной степени обогатило как общую методологию библиотекведения, так и изучение различных сторон библиотечного процесса.

Однако в эти годы не был решен вопрос о месте библиотекведения в системе наук. Предложения о включении его в педагогику, книговедение или информатику не были, как уже показано, в достаточной степени обоснованы.

В развитии библиотечной науки в эти годы наметились следующие тенденции:

- внимание к разработке общетеоретических и методологических проблем библиотекведения, что способствовало становлению его как общественной науки; концентрация исследований на разработке наиболее важных проблем, имеющих первостепенное значение для совершенствования библиотечного дела в стране;
- усиление связей библиотекведения с другими, смежными науками, что позволило поднять уровень исследований, углубить их проблематику, обогатить методику;
- укрепление организационных основ библиотечной науки путем координации и кооперирования научной деятельности, расширения числа учреждений и лиц, занятых ею, развития комплексных библиотекведческих исследований.

Однако развитие советского библиотекведения все еще отставало от нужд библиотечной практики. На это указал ЦК КПСС в постановлении «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.). В постановлении было подчеркнuto, что библиотечная теория еще не стала решающим фактором развития библиотечной практики, что научные исследования нередко носят отвлеченный характер и не заканчиваются

выработкой конкретных предложений и рекомендаций. Поэтому важной задачей является дальнейшее развитие советской библиотечной науки, повышение эффективности библиотековедческих исследований.

Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.) сосредоточивает внимание ученых на глубоком анализе духовной жизни общества, выработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию идеологической работы, методологии комплексного подхода к постановке коммунистического воспитания. Выдвинутые партией проблемы должны в первую очередь исследовать и библиотековеды на основе обобщения деятельности библиотек в условиях зрелого социализма [24а].

Заключение

Мы проанализировали основные этапы развития библиотековедческой мысли в СССР. Каждый из них имеет свои характерные черты, отражающие особенности социально-политических и идеологических отношений, социалистической культуры и библиотечного дела того или иного периода.

Характерной чертой развития библиотековедения в СССР явилась функциональная направленность его исследований. Основное внимание было сосредоточено на теоретическом обосновании места библиотеки в жизни советского общества и ее социальных функций, на изучение и обобщение опыта библиотечного строительства в первом мире социалистическом государстве, на разработку на этой основе социальных и организационных принципов теории и практики советского библиотечного дела.

Разработанные основополагающие принципы советского библиотечного дела становились одновременно и принципами библиотечной науки, так как принцип – это «вид синтеза и специфическое теоретическое обобщение, характеризующее функциональную роль компонента научного знания по отношению к науке в целом», который фиксирует одновременно и функциональную роль теоретических обобщений и ее фундаментальные факты [108, с. 25].

В этом плане основополагающие принципы советского библиотековедения могут рассматриваться как его частные закономерности. На основе этих принципов развивалась и развивается советская библиотечная теория и практика.

Вместе с тем для развития советского библиотековедения, особенно в 60–70-е гг., характерен науковедческий подход, т. е. особое внимание к исследованию внутренних закономерностей библиотечной науки, в чем и проявляется относительная самостоятельность ее развития.

Науковедческий метод требует выделения общих признаков, по которым можно судить о теоретическом уровне той или иной совокупности знаний, дающем ей право называться наукой. К ним относятся: определение предмета и объекта науки; выработка ее понятий; установление ее фундаментального закона, обобщающей теории или принципов, позволяющих объяснить множество фактов. Рассмотрим, в какой мере эти проблемы решены в советском библиотековедении.

Важнейшее значение для развития библиотечной науки имеет определение ее предмета. В этом вопросе советское библиотековедение основывалось на принципиальных указаниях В. И. Ленина, который, рассматривая библиотеку как важное социальное учреждение, оказывающее существенное влияние на духовную жизнь общества, подчеркивал социальную обусловленность содержания работы библиотек в определенной общественно-экономической формации. Советское библиотековедение относит библиотечное дело к социальному классовому явлению, органически связанному с общественно-политическими и экономическими условиями, с господствующими в обществе идеями и взглядами.

Все ленинские указания о социалистическом преобразовании библиотечного дела проникнуты стремлением превратить библиотеки в очаги культуры, организующие общественное пользование книгами и активно влияющие на формирование коммунистического общественного сознания. Из этих положений В. И. Ленина

вытекает важный для определения предмета советского библиотековедения вывод, что библиотечное дело развивается не изолированно, а подчиняется общим закономерностям общественного развития.

Такое понимание сущности библиотечного дела позволяет заключить, что предметом библиотековедения является исследование взаимоотношений не только внутри замкнутой системы «библиотека», что было характерно для теории на первом этапе ее развития, но и с социальной жизнью общества. Основная теоретическая задача советского библиотековедения заключается в исследовании закономерностей развития библиотечного дела как социального явления, связанного с использованием книжных фондов в общественных интересах.

Эти принципиальные положения помогли и в решении теоретического вопроса об объекте библиотечной науки. Несмотря на дискуссионность данной проблемы, был с достаточной полнотой и научной обоснованностью сформулирован системный объект библиотековедения, включающий в себя три взаимосвязанных явления – библиотеку, книгу и читателя, раскрывающих в совокупности социальную роль библиотечного процесса. Основным из этих элементов, определяющим специфику библиотековедения, является библиотека, так как только оно в полном объеме исследует ее в качестве социального явления. Библиотековедение изучает как взаимосвязи библиотеки с книгой и читателем, так и ее связи с социальной жизнью общества.

Что же касается книги и читателя, то они изучаются и другими науками (социологией, книговедением, информатикой, библиографоведением, педагогикой, психологией и др.). Не дублируя этих наук, библиотековедение исследует те стороны и свойства книги и читателя, которые составляют его собственный предмет.

Одним из свидетельств теоретической зрелости библиотековедения является разработка его понятийного аппарата. Характерной чертой решения этой проблемы явился системный подход к исследованию библиотечной терминологии. Внимание к терминологическим проблемам свидетельствует о том, что упорядочение терминологии становится обязательным на том уровне развития науки, когда круг понятий, которыми она оперирует, надо осмыслить как систему. Упорядочение существующей терминологии, раскрытие новых понятий и терминов, формирование термосистемы явились крупным вкладом в развитие библиотечной теории.

Развитию библиотековедения как науки способствовала разработка проблем методологии и методики библиотековедческих исследований. Внимание направляется на изучение методологических принципов, на расширение арсенала методов библиотековедческих исследований. И что самое главное – сами методы становятся объектом научного библиотековедческого анализа. Активизация разработки методологических проблем создала, в свою очередь, базу для исследования более сложных, фундаментальных проблем библиотечной теории.

В советском библиотековедении были предприняты научно обоснованные попытки системного подхода и системного анализа, применения комплексных методов, в частности социологических и социально-психологических, моделирования, прогностических методов к исследованию явлений библиотечной практики.

Одной из закономерностей развития современной науки, в том числе и библиотекведения, является ее математизация. В библиотековедение все шире проникают математические методы как основа анализа и обобщения эмпирических фактов, особенно массовых явлений, органически присущих библиотечному делу. Использование в библиотековедении математических методов позволяет решать исследовательские задачи, которые не могли быть разрешены преобладающими ранее в библиотековедении эмпирическими методами.

Особенно активизировалось использование математических методов в связи с проведением комплексных конкретно-социологических исследований. В библиотековедении все шире проникают методы математической статистики и теории вероятностей, исследование операций, теории массового обслуживания, корреляционного, дисперсионного и факторного анализа, доверительных интервалов и др.; появляются теоретические работы, рассматривающие методику применения математических методов в библиотековедческих исследованиях.

Достигнутые успехи в разработке проблем методологии и методики библиотковедческих исследований позволяют говорить об определенной методологической зрелости библиотековедения, об овладении им современными методами научного познания.

Важной закономерностью развития современной науки является ее дальнейшая дифференциация и интеграция. В библиотековедении процесс дифференциации привел к образованию ряда научных дисциплин, являющихся его составными частями: общее библиотековедение, учения о библиотечных фондах, о каталогах, о методах работы с читателями, об организации и управлении библиотечным делом, история библиотечного дела. Процесс дифференциации отдельных научных дисциплин библиотековедения ведет к формированию в каждой из них собственных теоретических, методологических, исторических и иных положений, а также методов исследования, к углублению собственных проблем, задач и интересов.

Для научных дисциплин библиотековедческого цикла характерна относительная самостоятельность развития, заключающаяся в наличии у них теоретических основ, установлении взаимосвязей с родственными и отдаленными науками, представляющими особый интерес для данных дисциплин. Все это обогащает теоретическую базу отдельных библиотковедческих дисциплин. И, в конечном счете, библиотековедения в целом.

Характерной чертой развития библиотковедческих дисциплин является также неравномерность. К сожалению, наименее изученной является теория и методика работы с читателями, что объясняется сложностью исследования такого в конечном счете индивидуального процесса, как чтение, а, следовательно, и способов влияния на него. А между тем развитие этой важнейшей части библиотековедения имеет огромное значение не только для библиотечной практики, но и для формирования общетеоретической базы библиотечной науки в целом.

Важной закономерностью развития современных наук является непрерывная интенсификация процесса их взаимодействия и взаимопроникновения. Широкое, активное использование теоретических и экспериментальных достижений смежных наук явилось характерной чертой развития советской библиотечной теории.

Взаимодействие наук на современном этапе является объективной закономерностью. Ни одна из них не может развиваться изолированно, без опоры на достижения других наук. Поэтому уверения некоторых авторов, что советскому библиотековедению, якобы, присуща тенденция к «автономии» [384], можно объяснить лишь игнорированием основных закономерностей развития современной науки.

Если бы у советского библиотековедения действительно было такое «стремление», то это неизбежно привело бы к отмиранию его как науки. На самом деле ничего подобного в библиотековедении не происходит. Напротив, исследовательская мысль обращена на расширение круга наук, на поиск новых взаимосвязей, что в значительной степени обогащает как общую методологию библиотековедения, так и изучение различных сторон библиотечной практики.

Сложность взаимосвязей библиотековедения с другими науками заключается в том, что эти связи отличаются высокой степенью дифференциации и избирательности. Среди научных дисциплин, которые связаны с библиотековедением, можно выделить несколько групп, каждая из которых характеризуется определенным уровнем этих отношений. Можно выделить пять групп наук или уровней отношений библиотековедения с другими науками.

Первая группа объединяет науки, имеющие для библиотековедения общетеоретическое и методологическое значение (философия, научный коммунизм, теория культуры). Разработка проблем библиотечного дела на методологической базе этих наук поднимает общетеоретический уровень библиотековедения, укрепляет его позиции как науки, вооружает теоретической основой для анализа и оценки буржуазных теорий библиотечного дела.

Вторую группу составляют родственные с библиотековедением науки, которые связаны с ним частичной общностью объекта исследования (библиографоведение, книговедение, информатика). При этом каждая из названных наук является самостоятельной и изучает те стороны общего объекта, которые составляют предмет ее исследования. Связи между библиотековедением и этими науками заключаются, прежде всего, во взаимообогащении знаниями об общем объекте исследования.

Третью группу представляют науки, на основе интеграции которых с библиотековедением, на их «стыке» образуются новые научные дисциплины (социология, педагогика, психология, экономика, статистика, история, эстетика и др.). Такими отраслями библиотековедения являются социология чтения, библиотечная педагогика, библиотечная психология, экономика библиотечного дела, библиотечная статистика, история библиотечного дела, библиотечная эстетика и др. При этом библиотековедение обычно связано не с наукой в целом, а лишь с теми ее разделами и направлениями, теоретические выводы которых приложимы к библиотечному делу. Особенность взаимосвязей наук этой группы с библиотековедением заключается также в том, что все они в свою очередь, как правило, в той или иной мере используют его теоретические положения и фактический материал.

К четвертой группе относятся те науки, из которых библиотековедение черпает отдельные идеи и факты для своих теоретических построений и выводов. Эти

науки не являются родственными или смежными по отношению к библиотековедению и поэтому обычно не используют в своих целях выводов и фактов теории библиотечного дела. Библиотековедение же использует из этих наук, как правило, отдельные теоретические положения и данные, необходимые для анализа конкретных проблем библиотечного дела. Например, в научной разработке теории библиотечных информационно-поисковых систем применяются положения науковедения, логики, семиотики, лингвистики, кибернетики и некоторых других наук. Для исследования проблем научной организации труда и управления в библиотечном деле привлекаются данные теории управления, планирования, профессиографии, физиологии и гигиены труда, правоведения и других наук.

Пятую группу образуют науки, которые по предмету и объекту исследования не имеют ничего общего с библиотековедением (например, математика, прогнозика и др.). Из этих наук библиотековедение заимствует методы исследования. В частности в библиотековедении все шире используются математические и прогнозистические методы.

Важной закономерностью наук в современный период, в том числе и библиотековедения, является ускорение темпов развития, переход от экстенсивного к интенсивному пути развития. Этот путь ведет от изучения отдельных, частных проблем библиотечного дела к комплексным фундаментальным исследованиям, способствующим укреплению теоретических основ библиотечного дела: социальной роли библиотеки в условиях развитого социализма; НТР и ее воздействия на библиотечное дело; единой системы библиотечного обслуживания населения и централизации библиотечного дела; социологии чтения и управления этим процессом и др.

Характерной чертой современного советского библиотековедения является проведение коллективных исследований, особенно при разработке сложных, комплексных проблем. К исследованиям привлекаются не только библиотековеды, но и специалисты других отраслей знания, что расширило проблематику библиотековедения, укрепило интеграцию его с другими науками.

Коллективный характер исследований сокращает сроки их проведения и внедрения результатов исследований в практическую деятельность библиотек. Ускорение внедрения результатов коллективных исследований во многом определяется активным участием в них большого числа библиотек и библиотекарей. практиков.

Проблема комплексности библиотековедческих исследований тесно связана с обогащением научного потенциала библиотековедения, значительным расширением занятого в них круга учреждений и лиц, укреплением организационного руководства исследовательской деятельностью библиотечно-библиографических учреждений, их координацией и кооперированием.

Среди признаков, выделяемых науковедением при определении совокупности знаний как самостоятельной научной дисциплины, особое внимание обращает на себя требование иметь обобщающую теорию. Есть ли у библиотековедения такая теория? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для решения проблемы о самостоятельности советского библиотековедения как науки.

Нами было высказано предположение, что обобщающей для библиотековедения является теория руководства чтением, в построении которой ведущая роль принадлежала Н. К. Крупской. Этот вывод получен нами в итоге анализа сущности библиотечного процесса.

Общеизвестно, что библиотека представляет собой учреждение, предназначенное для общественного пользования книгами. Поэтому основным элементом, для которого создается и работает библиотека, является читатель. Вся деятельность библиотеки, ее внутренняя организация и технология работы направлены на обслуживание читателей. Нет и не может быть никаких «внутренних» вопросов библиотечной работы, которые в конечном итоге не были бы сосредоточены на улучшении обслуживания читателей.

Однако задача библиотеки заключается, как известно, не только в том, чтобы предоставить книги в общественное пользование, а прежде всего в активном влиянии на содержание и характер чтения. Причем, это влияние осуществляется не только в процессе непосредственного общения библиотекарей с читателями, но всей системой работы библиотеки. Вся ее деятельность направлена на руководство чтением. С позиций решения задач руководства чтением осуществляется формирование фондов, создание справочно-библиографического аппарата, справочно-библиографическое и информационное обслуживание и т. д. Все эти составные части библиотечной работы Н. К. Крупская рассматривала как подсобные по отношению к главной задаче – руководству чтением [27].

Не будем останавливаться еще раз на критике попыток ограничить сферу применения руководства чтением только массовыми библиотеками и отдельными категориями читателей и рассматривать его только как один из методов работы с читателями, скажем лишь о возражениях сторонников того взгляда, что библиотековедение может и должно исследовать проблемы руководства чтением только в библиотечной сфере. Отсюда делался вывод, что теория руководства чтением, охватывающая широкий круг проблем, выходящих за рамки собственно библиотечного обслуживания, не может быть основной научной базой библиотековедения.

Полагаем, что такая позиция является следствием недостаточно четкого представления о целях и функциях библиотек. Напомним, что В. И. Ленин ставил перед советскими библиотеками задачу «поголовного» библиотечного обслуживания всего населения. Решить эту задачу советское библиотековедение сможет лишь тогда, когда будет исследовать чтение и влиять на него не только в библиотечной сфере. Без изучения неблиотечных каналов и источников пользования книгой, выяснения вопроса, почему определенная часть населения не пользуется библиотеками, каковы читательские интересы лиц, не посещающих библиотеки, и т. п., невозможно решить задачу полного библиотечного обслуживания. Не случайно, что во всех комплексных библиотечных исследованиях последних лет осуществляется как внутрибиблиотечное, так и внебиблиотечное изучение читателей.

Партия и государство рассматривают библиотеку как социальный институт, созданный в целях управления массовым чтением в стране. «Общественное пользование книгами является наиболее гибкой и регулируемой формой приобще-

ния трудящихся к книжным богатствам, играет ведущую роль в удовлетворении социальной потребности в чтении... Именно поэтому основными источниками обеспечения читательских запросов всегда были, остаются и будут оставаться впредь массовые и специальные библиотеки» [358, с. 11].

Советское библиотековедение призвано в полной мере и во всем объеме исследовать проблемы руководства чтением в стране, что, разумеется, не означает, что оно решает эти проблемы изолированно, без опоры на данные и достижения других наук, в частности теории партийной пропаганды, социологии, педагогики, социальной психологии, психологии личности, информатики, книговедения и др.

Очевидно также, что проблемы руководства чтением не могут разрабатываться без исследования процесса чтения, так как невозможно влиять на процесс, природа которого не изучена. Но, с другой стороны, «мы не можем пассивно изучать, как человек читает. Наша задача – организовать чтение советских людей, осуществлять посредством книги социальное, социально-психологическое, педагогическое воздействие на читателя, на читательскую аудиторию», – писал видный советский психолог А. А. Леонтьев [335, с. 39].

А поскольку решение этой задачи – прямая и основная функция библиотек, то, очевидно, правы те библиотековеды, которые подчеркивают, что и проблемы чтения также должны находиться в сфере исследования библиотековедения. Теория руководства чтением формируется на основе исследования читателя, процесса чтения и способов влияния на читательские интересы и процесс чтения.

Обоснование теории руководства чтением в качестве основополагающей для советского библиотековедения позволяет уточнять его предмет и объект, методологические и методические принципы. Опора на теорию руководства чтением помогает избежать схоластичности и формализма в рассмотрении частных проблем библиотечного дела и подчинить их исследование задачам управления чтением. Содержательная сторона теории руководства чтением поможет и в обосновании нерешенной пока проблемы – определении основных закономерностей советской библиотечной науки.

Чтение является одним из способов потребления духовной культуры, а руководство чтением – частным случаем управления духовной жизнью общества. Поэтому, как нам представляется, закономерности библиотековедения как науки являются по своей сути вторичными, производными от основных закономерностей марксистско-ленинской теории культуры. Являясь прикладной наукой, библиотековедение может успешно развиваться лишь на базе закономерностей более общей и фундаментальной науки. Нами была сделана попытка обосновать, что в качестве такой науки выступает марксистско-ленинская теория культуры.

Установление закономерностей библиотековедения на основе обобщающей теории руководства чтением не следует рассматривать как прямой перенос законов марксистско-ленинской теории культуры в библиотечное дело. Требуется установление соотношений и зависимостей как между явлениями духовной жизни общества и библиотечным делом, так и между элементами последнего с позиций теории руководства чтением.

Советские библиотековеды указывают, что методологической базой советского библиотековедения является марксистско-ленинское учение о культуре и культурной революции, рассматривают взгляды В. И. Ленина на библиотечное дело и развитие их в работах Н. К. Крупской. Но разрабатываются методологические проблемы еще без достаточной и глубокой связи с марксистско-ленинской теорией культуры, библиотековеды ограничиваются в основном утверждением, что развитие библиотечного дела является частью успехов, достигнутых в СССР в ходе культурной революции, что по мере углубления культурной революции все более благоприятными становятся и условия для широкого библиотечного строительства.

Между тем разработка методологических проблем имеет решающее значение для раскрытия основных закономерностей развития библиотечного процесса, формирования советского библиотековедения как общественной науки, определения его места в системе наук. Требуют глубокого теоретического обоснования вопросы об органичной взаимообусловленности процессов развития социалистической культуры и библиотечного дела, революционно-преобразовательных и созидательных процессов в духовной жизни людей и месте библиотек в этих процессах, о закономерностях развития социалистической культуры и библиотечного дела.

Марксистско-ленинская теория культуры, исследуя законы развития духовной культуры как сложного общественного явления, изучает взаимосвязи между различными ее сферами. В то же время необходимость дифференцированного подхода к различным областям культуры, учета своеобразия библиотечного дела, как одной из сфер культурной жизни социалистического общества, не отрицает, а, наоборот, предполагает комплексное исследование ее общих и специфических закономерностей.

Социалистическая культура выступает как важный фактор, содействующий развитию общественной активности человека, его творческого мышления, сознательности и идейной убежденности. Среди средств воздействия на процесс становления духовной культуры важное место занимает библиотечный процесс, основанный на руководстве чтением в целях формирования нового человека, социально активной и гармонически развитой личности. Марксистско-ленинская теория культуры помогает библиотековедению яснее осознать те конкретные задачи, которые решают библиотеки в общем процессе духовного преобразования общества, понять их место в этом процессе в тесной связи с другими сферами духовной культуры.

Развитой социализм характеризуется множеством и дифференциацией культурных потребностей, многообразием и спецификой интересов и духовных запросов. Одной из характеристик духовных потребностей советских людей являются их читательские интересы. Поэтому исследование интересов читателей не ограничивается только характеристикой их отношения к книге и чтению, но позволяет в значительной мере оценить общие духовные и культурные потребности советских людей.

Первостепенное значение как для марксистско-ленинской теории культуры, так и для советского библиотековедения имеет исследование культурного раз-

вития различных слоев советского общества, сближения культурного уровня городского и сельского населения и уровня их культурного, в том числе и библиотечного, обслуживания, путей повышения культурно-технического уровня трудящихся, стимулов духовных потребностей населения и путей их эффективного удовлетворения, эффективных путей и средств формирования нового человека. В исследовании этих проблем применительно к проблемам чтения и руководства им советское библиотековедение опирается на общетеоретические положения марксистско-ленинской теории культуры.

Одной из важнейших задач социалистической культуры является формирование культурных потребностей людей, их способностей и умения пользоваться богатствами культуры, в том числе и таким величайшим завоеванием мировой культуры, каким является книга. В решении этой задачи также велика роль библиотековедения, определяющего принципы и методы руководства чтением и формирования читательских интересов, привлечения населения к чтению и пользованию библиотеками, воспитания культуры чтения, на основе исследования механизмов восприятия прочитанного.

Общность механизмов восприятия различных сфер культуры позволяет в комплексе решать проблему поиска оптимальных условий функционирования как культуры в целом, так и различных ее направлений. В частности, плодотворность исследования эффективности библиотечной работы во многом обуславливается научной разработкой общих проблем восприятия духовной культуры. В свою очередь достижения библиотековедения в исследовании эффективности чтения и руководства им помогут разрешить общие проблемы восприятия духовной культуры и управления этим процессом.

Важной проблемой теории культуры является проблема свободного времени трудящихся. Изучение места чтения в структуре свободного времени поможет не только в решении проблем распространенности чтения, исследуемых библиотековедением, но и в более широком плане – в решении проблемы рационального использования свободного времени в целях духовного роста личности.

Важным звеном познания процессов духовной жизни и тенденций ее развития является научное прогнозирование в сфере культуры. Научные прогнозы развития библиотечного дела, будущего книги и библиотеки не могут быть правильно построены без исследований в области прогнозирования культуры, намечающих возрастание духовных потребностей людей и наиболее полное их удовлетворение. От степени разрешения общеметодологических проблем прогнозирования культуры зависит и уровень прогнозов о библиотеке будущего.

Несмотря на то, что далеко еще не все общетеоретические проблемы библиотечной науки в настоящее время решены и многие из них остаются предметом дискуссий, в целом можно проследить общую закономерность развития современной науки – формирование теоретических концепций в тех дисциплинах, в которых до последнего времени преобладали эмпирические методы. Советское библиотековедение постепенно переходит от эмпирической стадии своего развития к теоретической.

Разумеется, что процесс формирования советского библиотековедения как общественной науки еще не завершен. Однако в свете рассмотренных идей и

фактов никак нельзя согласиться с необоснованными выводами некоторых авторов о том, что в библиотековедении господствуют «эмпиризм и кустарщина, являющиеся следствием неразработанности научной теории» [379, с. 32], что «сооружение теоретического здания библиотековедения еще не очень далеко ушло в своем развитии от „нулевого цикла“» [361, с. 99].

Все развитие советского библиотековедения как общественной науки опровергает этот пессимистический вывод. Основанное на марксистско-ленинской теории культуры, опирающееся на марксистскую философскую методологию, советское библиотековедение представляет собой самостоятельную науку со своей системой принципов, предметом и объектом изучения, комплексом методов исследования.

Источники

1. Ленин В. И. Что делать? – Полн. собр. соч. Т. 6, с. 1–192.
2. Ленин В. И. Что можно сделать для народного образования; Там же. Т. 23, с. 348–350.
3. Ленин В. И. О задачах Публичной библиотеки в Петрограде; Там же. Т. 35, с. 132–133.
4. Ленин В. И. Речь на II совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования. 24 января 1919 г.– Там же. Т. 37, с. 463–464.
5. Ленин В. И. В Народный комиссариат просвещения; Там же. с. 474–477.
6. Ленин В. И. Проект программы РКП (б). Основные задачи диктатуры пролетариата в России; Там же. Т. 38, с. 89–102.
7. Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию (6– 19 мая 1919 г.). Приветственная речь 6 мая.– Там же, с. 329–332.
8. Ленин В. И. Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г.– Там же. Т. 40, с. 160–165.
9. Ленин В. И. Проект постановления Политбюро ЦК РКП (б) о Главполитпросвете.– Там же. Т. 41, с. 397.
10. Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г; Там же. с. 398–408.
11. Ленин В. И. Тезисы о производственной пропаганде. (Черновой набросок).– Там же. Т. 42, с. 14–16.
12. Ленин В. И. О работе Наркомпроса; Там же. с. 322–332.
13. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г.; Там же. Т. 44, с. 155–175.
14. Ленин В. И. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря; Там же. с. 335–338.
15. Ленин В. И. О кооперации; Там же. Т. 45, с. 369–377.
16. Ленин и библиотечное дело. М., Книга, 1969. 407 с.
17. В. И. Ленин и библиотечное дело. 2-е изд., перераб. и доп. М., Книга, 1977. 431 с.
18. О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне. [Из резолюции VIII съезда РКП(б)]. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 80–83.
19. Декрет Совнаркома о централизации библиотечного дела в РСФСР // В. И. Ленин и библиотечное дело. М., 1977, с. 272–274.
20. Декрет Совнаркома о Главном политико-просветительном комитете Республики (Главполитпросвет); Там же. с. 274–277.
21. Об улучшении библиотечной работы. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 окт 1929 г. // Материалы к истории библиотечного дела в СССР. Л, 1960, с. 96–98.

22. О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране. Постановление ЦК КПСС 22 сент. 1959 г. // Сборник руководящих материалов по библиотечной работе. М., 1963, с. 26–32.

23. О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве. Постановление ЦК КПСС 14 авг. 1967. // Справочник партийного работника. М., 1968. Вып. 8, с. 245–257.

О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе. Постановление ЦК КПСС (май 1974 г.). // Руководящие материалы по библиотечному делу. М., 1975. С. 14–18.

24. Крупская Н. К. А. Г. Кравченко, заместителю председателя Главполитпросвета. – Пед. соч. В 10-ти т. М., 1963, т. 11 (доп.), с. 360–362.

24а. О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М., Политиздат, 1979. 15 с.

25. Крупская Н. К. А. М. Горькому; Там же. с. 489–490.

26. Крупская Н. К. А. Ф. Андреевой, библиотекарю; Там же. с. 725–726.

27. Крупская П. К. Библиография. – Нар. просвещение, 1918, № 4/5, с. 102–104.

28. Крупская Н. К. Библиотека – важнейший участок культурного фронта. – Пед. соч. М., 1960, т. 8, с. 400–404.

29. Крупская Н. К. Библиотека должна войти в быт; Там же. с. 390–396,

30. Крупская Н. К. Библиотека на заводе; Там же. с. 480–483.

31. Крупская Н. К. Библиотекарям Дальневосточного края; Там же. Т. 11 (доп.), с. 548–549.

32. Крупская Н. К. Будем работать по-боевому; Там же. Т. 8, с. 692–702.

33. Крупская Н. К. В оргбюро по созыву II Всероссийской конференции научных библиотек; Там же. Т. 11 (доп.), с. 277.

34. Крупская Н. К. Важнейший участок комсомольской работы; Там же. Т. 5, с. 560–567.

35. Крупская Н. К. Важный участок социалистической стройки; Там же. Т. 8, с. 414–420.

36. Крупская Н. К. Внешкольное образование в новом строе. Доклад на I Всероссийском съезде по просвещению; Там же. Т. 7, с. 13–19.

37. Крупская Н. К. Всероссийская конференция политпросветов; Там же. с. 69–72.

38. Крупская Н. К. Всероссийский съезд по внешкольному образованию; Там же. с. 29–31.

39. Крупская Н. К. Всесоюзная перепись библиотек; Там же. Т. 8, с. 501–505.

40. Крупская Н. К. Второй этап культурного похода; Там же. Т. 9, с. 392–397.

41. Крупская Н. К. Выполним указания Ленина о библиотечной работе; Там же. Т. 8, с. 626–640.

42. Крупская Н. К. Выступление на Всероссийском совещании работников детских библиотек; Там же. Т. 3, с. 646–656.

43. Крупская Н. К. Выступление на II Всесоюзном библиотечном совещании, проведенном культотделом ВЦСПС 10 ноября 1928 г. – ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 12, ед. хр. 588, л. 7–9.
44. Крупская Н. К. Выступление на X съезде партии. – Пед. соч. М., 1960, т. 8, с. 35–38.
45. Крупская Н. К. За ленинскую политехническую книгу; Там же. Т. 4, с. 492–495.
46. Крупская Н. К. Замечания к плану научно-исследовательской работы Ленинградского политико-просветительного института. // Культурно-просветительная деятельность Н. К. Крупской. Л., 1969, с. 148–150.
47. Крупская Н. К. К итогам съезда. – Пед. соч. М., 1959, т. 7, с. 39–46.
48. [Крупская Н. К.] К пятой годовщине Октябрьской революции. – Ком. просвещение, 1922, № 4/5, с. 3–6.
50. Крупская Н. К. Какая книга нужна Деревне. – Пед. соч., т. 8, с. 81–84.
51. Крупская Н. К. Книга и читатель. – Книга и пролет, революция, 1937. № 2, с. 17–21.
52. Крупская Н. К. Краеведение и библиотека. – Пед. соч., т. 8, с. 144–158.
53. Крупская Н. К. Культурная нищета; Там же. с. 257–262.
- 53а. Крупская Н. К. Ленин, культурная революция и встречный культплан Общества педагогов-марксистов; Там же. Т. 2, с. 483–487.
54. Крупская Н. К. Массовая работа и культурная революция. – Спутник агитатора (для города), 1927, № 7, с. 42–45.
- 54а. Крупская Н. К. Наши задачи. – Пед. соч. М., 1960, т. 8, с. 68–70.
55. Крупская Н. К. Новые методы и единый план культработы; Там же. т. 7, с. 534–557.
56. Крупская Н. К. О подготовке политпросветчиков в педтехникумах; Там же. Т. 9, с. 268–273.
- 56а. Крупская Н. К. О политпросветработе в рабочей среде; Там же. Т. 7, с. 274–283.
57. Крупская Н. К. О проектах учебного плана и программы по библиотековедению на 1937/38 учебный год для библиотечных техникумов; Там же. Т. 10, с. 695–696.
58. Крупская Н. К. О работе в деревне в области внешкольного образования. Доклад на I Всероссийском совещании по работе в деревне. – Там же. Т. 7, с. 50–57.
59. Крупская Н. К. Об очередных задачах массовой работы; Там же. с. 402–417.
60. Крупская Н. К. Общество педагогов-марксистов; Там же. Т. 2, с. 394–397.
61. Крупская Н. К. Объединить усилия по улучшению библиотек; Там же. Т. 8, с. 491–496.
62. Крупская Н. К. «Огрехи» Главполитпросвета; Там же. с. 78–80.
63. Крупская Н. К. Основы политпросветработы; Там же. Т. 7, с. 293–388.
64. Крупская Н. К. Отзыв на проект тезисов доклада Б. Н. Чистова «Об очередных задачах политпросветработы в деревне». – Там же. Т. 10, с. 270–272.
65. Крупская Н. К. Очередной план работы Главполитпросвета. (Тезисы доклада на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования); Там же. Т. 7, с. 63–68.
66. Крупская Н. К. Очередные задачи Общества педагогов-марксистов и журнала «На путях к новой школе»; Там же. Т. 2, с. 576–582.

67. Крупская Н. К. Очередные задачи политпросветработы; Там же. Т. 7, с. 603–611.
68. Крупская Н. К. По ленинскому пути; Там же. Т. 8, с. 445–451.
69. Крупская Н. К. По ленинскому пути; Там же. с. 667–669.
70. Крупская Н. К. Политпросветотделения при педтехникумах; Там же. Т. 9, с. 281–285.
71. Крупская Н. К. Положение о Бюро производственной пропаганды при Главполитпросвете; Там же. Т. 7, с. 81–82.
72. Крупская Н. К. Постановление ЦИК СССР обязывает; Там же. Т. 8, с. 465–469.
73. Крупская Н. К. Приветствие Всесоюзному клубному совещанию; Там же. с. 307–312.
74. Крупская Н. К. Работа Ленина в библиотеках; Там же. с. 357–364.
75. Крупская Н. К. Распределение книжных богатств; Там же. с. 19–23.
76. Крупская Н. К. [Рец. на кн.:] Рубакин Н. А. Письма к читателям о самообразовании. Спб., 1913; Там же. Т. 10, с. 22–24.
77. Крупская Н. К. [Рец. на кн.:] Хавкина Л. Б. Руководство для небольших библиотек. М., 1917; Там же. с. 12–13.
78. Крупская Н. К. Речь на совещании директоров научных госбюджетных библиотек; Там же. Т. 8, с. 516–524.
79. Крупская И. К. Роль детской библиотеки и библиотекаря в современных условиях. (Доклад на Всероссийской конференции детских библиотекарей); Там же. Т. 3, с. 358–369.
80. Крупская Н. К. Самообразование. // Крупская Н. К. О библиотечном деле. М., 1957, с. 461–468.
81. Крупская Н. К. Сельские библиотеки сделать образцовыми. – Пед соч., т. 8, с. 557–562.
82. Крупская Н. К. Сельским библиотекарям надо над собой крепко поработать.– Там же, с. 484–485.
83. Крупская Н. К. Смотр библиотек; Там же. с. 349–352.
84. Крупская Н. К. Современное положение дела на библиотечном фронте. (Февраль 1932 г.); Там же. с. 365–372.
85. Крупская Н. К. Съезду избачей Тульской губернии; Там же. Т. 11 (доп.), с. 311–312.
86. Крупская Н. К. Централизация библиотечного дела; Там же. Т. 8, с. 27–31.
87. Крупская Н. К. Цеховщину надо бросить!; Там же. с. 235–238.
88. Крупская Н. К. IV съезд политпросветов; Там же. Т. 7, с. 288–292.
89. Крупская Н. К. Что надо знать культработнику о своем заводе? – Ком. просвещение, 1929, № 11, с. 41–44.
90. Крупская Н. К. Экономическая база и культурно-бытовая надстройка. – Пед. соч., т. 7, с. 441–447.
91. Луначарский А. В. О народном образовании. М., 1958, 559 с.
92. Абонемент городской библиотеки. М., 1963, 219 с.

93. Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. М., Книга, 1974. 264 с.
94. Абрамов К. И. Библиотечное строительство в СССР (1917–1977 гг.). М., 1977. 56 с.
95. Абрамов К. И. Больше внимания истории библиотечного дела. – Библиотекарь, 1965, № 8, с. 21–24.
96. Абрамов К. И., Гудков Н. Н. Глубже изучать произведения Ленина, – Библиотекарь, 1966, № 4, с. 14–19.
97. Абрамов К. И., Васильченко В. Е. История библиотечного дела в СССР (до 1917 г.). М., Сов. Россия, 1959. 199 с.
98. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., Книга, 1970. 456 с.
99. Абрамов К. И. История библиотечного дела, состояние и перспективы развития. Доклад к защите учебника на соискание учен. степени доктора пед. наук. Л., 1974. 29 с.
100. Абрамов К. И. Ленинский план, организации библиотечного дела.– Библиотекарь, 1977, № 11, с. 75–77
101. Абрамов К. И. Методологические проблемы истории библиотечного дела. М., 1975. 35 с.
102. Абрамов К. И. Н. К. Крупская о подготовке библиотечных работников.– Учен. зап. / МГИК, 1971, вып. 21, с. 3–21.
103. Абрамов К. И. О ленинском наследии по библиотечному делу. – Библиотекарь, 1964, № 4, с. 4–6.
104. Абрамов К. И. Становление советского библиотековедения (1917–1920 гг.). – Учен. зап. / Азерб. гос. ун-т. Сер. библиотековедения и библиогр., 1976, № 1, с. 3–18.
105. Абрикосова Ф. С. Развитие дифференцированного обслуживания читателей в Государственной ордена Ленина библиотеке СССР им. В. И. Ленина в послевоенный период. – Тр. / ГБЛ, 1957, т. 1, с. 3–74.
106. Амбарцумян З. Н. Основные вопросы теории каталогов советских библиотек.– Библиотекарь, 1951, № 4, с. 27–32.
107. Амбарцумян З. Н. Систематический каталог. М., Госкультпросветиздат, 1954. 216 с.
108. Анализ системы научного знания. Саратов, 1976. 183 с.
109. Андреева М. А. Н. К. Крупская о роли рекомендательной библиографии в самообразовании читателей. – Учен. зап. / МГИК, 1966. Вып. 13, с. 3–34.
110. Артисевич В. А. К вопросу об итогах советского библиотековедения за 25 лет. Доклад на науч. библиотековедческой конференции в связи с 25-летием Великой Октябрьской соц. революции 11 дек. 1942 г. 47 л. Рукопись хранится в Научной б-ке Саратовского гос. ун-та.
111. Артисевич В. А. Некоторые проблемы современного библиотековедения. Стеногр. докл. на 4-й науч. конф. 18–22 марта 1946 г. Л. 1–32. Рукопись хранится в Фонде библиотековедения ГПБ.

112. Валика Д. А. Аналитический и синтетический методы изучения читательства. – Библ. обозрение, 1927, кн. 1/2, с. 39–69.
113. Балаика Д. А. Библиологическая педагогика. Ч. 1. (1934 г.). 37 л. Рукопись хранится в Фонде библиотековедения ГПБ.
114. Балаика Д. А. Библиологическая социология. Определение, предмет, методы. Сов. библиогр., 1933, № 1/3, с. 39–69.
115. Балаика Д. А. Библиотека в минувшему. Київ, 1925. 118 с.
116. Балаика Д. А. Методика разговора с читателем. – Красный библиотекарь, 1925. № 8, с. 32–49.
117. Балаика Д. А. Определители библиотечной работы. Опыт исследования читаемости, обрабатываемости и коэффициента интенсивности. 2-е изд., значит, доп. Томск, 1919. 37 с.
118. Балаика Д. А. Первый Всеукраинский библиотечный съезд. – Книгоноша, 1925. № 27, с. 11–12.
119. Балаика Д. А. Письмо Н. А. Рубакину от 12 окт. 1925 г. – ОР ГБЛ, ф. 358, карт. 202, ед. хр. 5, л. 1–8.
120. Балаика Д. А. Читатель и книга. – Красный библиотекарь, 1925, № 10, с. 103–107.
121. Банк Б. В. Библиотека и читатель; Там же. с. 30–48.
122. Банк Б. В., Виленкин А. Я., Осьмаков И. И. За реконструкцию работы массовой библиотеки; Там же. 1931, № 1, с. 13–25.
123. Банк Б. В. Изучение интересов советского читателя. М., Госкультпросвет. издат, 1954. 56 с.
124. Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., Книга, 1969. 262 с.
125. Банк Б. В. Круг литературных представлений библиотечных работников. – Красный библиотекарь, 1929, № 4/6, с. 62–71.
126. Банк Б. В. Один из очередных вопросов библиотечной работы. Ком. просвещение, 1925, № 6, с. 95–103.
127. Банк Б. В., Виленкин А. Я. Рабочий читатель в библиотеке. М.; Л., 1930. 88 с.
128. Банк Б. В. Самообразовательная работа и рационализация абонемента библиотеки. – Помощь самообразованию, 1930, № 2, с. 6–10.
129. Барабанов А. Н. Обслуживание читателей специальными видами технической литературы и документации. – Красный библиотекарь, 1937, № 5, с. 72–78.
130. Баранов В. М. Автоматизация библиотек: новые подходы и результаты исследований. – Сов. библиотековедение, 1977, № 5, с. 90–94.
131. Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М., Книга, 1975. 206 с.
132. Барсук А. И. О книговедении как комплексной науке. // Книга. Исследования и материалы, 1968, сб. 17, с. 35–54.
133. Барсук А. И., Коршунов О. П. Советское библиографоведение: состояние, проблемы, перспективы. М., Книга, 1977. 108 с.

134. Бахмутская И. В., Васильева Е. П. Некоторые проблемы научно-исследовательской работы в Государственной республиканской юношеской библиотеке РСФСР. – Сов. библиотековедение, 1976, № 2, с. 31–42.

135. Бачалдин Б. Н. Научно-технический прогресс и библиотека. – Б-ки СССР, 1970, вып. 45, с. 29–45.

136. Бек А. А., Тоом Л. П. Лицо рабочего читателя. М.; Л., ГИЗ, 1927. 136 с.

137. Беленькая Л. И. О некоторых проблемах изучения детского чтения на современном этапе. – Сов. библиотековедение, 1975, № 4, с. 58–59.

138. Беляева Л. И. Проблемы интеграции библиотековедения и психологии. Б-кн СССР, 1971. Вып. 50. С. 44–65.

139. Беляков Л. В. Методика работы с читателями. М., 1975. 69 с.

140. Беляков Л. В. Разговор об учебнике – разговор о курсе. Библиотекарь, 1964, № 7, с. 43–47.

141. Бернштейн Э. С. О взаимосвязи технических библиотек и органов науч. но-технической информации. –Техн. б-ки СССР, 1963, вып. 5, с. 14–18.

142. Библиотека. Сб. статей. М.; Л., Госиздат, 1927. 172 с.

144. Библиотековедение: учеб. пособие. Ч. 2. М., Книга, 1972. 383 с.

145. Библиотековедческие исследования. Методология и методика. М., Книга, 1977. 248 с.

146. Бібліотечний збірник. Ч. 1. Прац першої конференції наукових бібліотек УССР. Київ, 1926. 176 с.

147. Бібліотечный збірник. Ч. 2. Київ, 1927. 129 с.

148. Библиотечное дело в СССР. Сб. статей. М., 1957, 390 с.

149. Боднарский Б. С. Библиография // Энцикл. словарь Рус. библиогр. ин-та Гранат, 1923, т. 5, с. 550–551.

150. Боднарский Б. С. О десятичной системе классификации. – Библиогр. изв., 1926, № 1/4, с. 55–59.

151. Боднарский Б. С. Сущность и значение документации. – Сов. библиогр., 1937, № 1, с. 41–50.

152. Борович Б. О. Организация и ведение небольших библиотек. Харьков, Труд, 1918. 96 с.

153. Боханевич Е. С. О некоторых вопросах руководства чтением взрослых // Тр. / ГПБ, 1961, т. 9, с. 33–34.

154. Боханевич Е. С. Работа крупных массовых библиотек Ленинграда в помощь самообразованию специалистов. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1954. 15 с. В надзаг.: Ленингр. гос. библ. ин-т.

155. Брискман М. А., Копылов С. И., Щербакова Е. П. Назревшие вопросы организации каталогов областных библиотек как части справочно-библиографического аппарата. – Тр. / ЛГБИ, 1958, т. 4, с. 153–172.

156. Брискман М. А., Волошин Д. А. Некоторые вопросы рекомендательной библиографии. – Библиотекарь, 1948, № 11, с. 26–30.

157. Брискман М. А. Роль советских библиотек в развитии советской библиографии // Тр. / ЛГИК, 1968, т. 19, с. 183–204.
158. Брылов Г. А., Осьмаков И. И. Библиотечная работа клуба «Василеостровский металлист». – Красный библиотекарь, 1929, № 2, с. 9–21; № 3. С. 29–31.
159. Брылов Г. А., Сахаров В. Ф. Против апологии формуляра. – Книга и профсоюзы, 1928, № 5/6, с. 22–23.
160. Брюсов В. Я. О значении научных библиотек. – Нар. просвещение, 1919, № 13/14, с. 108–110.
161. Бузиньер Н. И. Словарь-справочник профсоюзного библиотекаря. М., 1928. 198 с.
162. В поход за библиотеку. – Красный библиотекарь, 1929, № 5/6 (7/8), с. 15–18.
163. Вальдгард С. Л. Очерки психологии чтения. М.; Л., Госиздат, 1931. 112 с.
164. Ванеев А. Н. Изучение и обобщение опыта библиотечной работы. Л., 1973. 75 с.
165. Ванеев А. Н. Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1966. 24 с. В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.
166. Ванеев А. Н. Использование исторического материала в библиотечных исследованиях. Л., 1973. 67 с.
167. Ванеев А. Н. Методика изучения опыта работы массовых библиотек. – Тр. / ЛГИК, 1964, т. 15, с. 85–106.
168. Варшавский К. М. Методика и организация научного труда в библиотековедении. Л., 1966. 242 с.
169. Васильченко В. Е. Библиотечное дело в СССР. Краткий очерк. М., 1947. 82 с.
170. Васильченко В. Е. История библиотечного дела в СССР. М., Сов. Россия, 1958. 216 с.
171. Веккер Б. Д. Библиотечная работа в Красной Армии. Пг., 1920. 45 с.
172. Виленкин А. Я. Из библиотечного блокнота. – Красный библиотекарь. № 12, с. 9–13; 1925, № 6, с. 49–51.
173. Виленкин А. Я. Как изучать опыт библиотечной работы в районах сплошной коллективизации; Там же. 1930, № 3, с. 9–14.
174. Виленкин А. Я. Культурная работа библиотеки во внешкольных учреждениях. // Библиотечный сборник. Кострома, 1921, вып. 1, с. 21–26.
175. Виленкин А. Я. Организация планового чтения в едином плане культурно-политической работы социалистического предприятия. Л., 1931. 34 с.
176. Винокур М. М., Гершензон П. Г. Идеино-воспитательная направленность работы технической библиотеки. Техн. 6-ки СССР, 1964, вып. 1, с. 7–12.
177. Всероссийское совещание библиотечных работников 23–29 марта 1948 г. М., Госкультпросветиздат, 1948. 219 с.
178. Всесоюзная библиотечная перепись 1 октября 1934 г. Т. 1. Основные итоги. М., 1936. 320 с.

179. Всесоюзная научная конференция «Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества» // Сов. библиотековедение, 1973, № 6, с. 46–56.
180. Гайворонский А. А. Психотехника и бибдело. Минск, 1928. 33 с.
181. Гастфер М. П. Вопросы информационной и справочной библиографии. М., 1936. 5 с.
182. Гиляревский Р. С. Информатика и библиотековедение. Общие тенденции в развитии и преподавании. М., Наука, 1974. 203 с.
183. Гольдарбейтер Р. Л. Словарь библиотекаря. Пг., 1923. 104 с.
184. Горовиц В. И. Основные вопросы обслуживания читателей в библиотеках СССР // Основные проблемы работы библиотек с читателями М., 1936, с. 3–7.
185. Горовиц В. И. Тезисы доклада «Основные вопросы обслуживания читателей в библиотеках СССР». ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 70, ед. хр. 861, л. 55.
186. Горш Е. А. Н. К. Крупская о руководстве чтением (1964 г.). ЛГАЛИ, ф. 9414, оп. 1, ед. хр. 1712, л. 29–50.
187. Гребенщиков Я. П. Программа курса «Книговедение» (1925 г.). – Архив ГПБ, ед. хр. 1022, 16 л.
188. Григорьев Ю. В. Библиотеки на службе науки. (1946 г.). 7 л. Рукопись хранится в Фонде библиотековедения ГПБ.
189. [Григорьев Ю. В.] Библиотековедение. // БСЭ. 2-е изд., 1950, т. 5, с. 154–155.
190. Григорьев Ю. В. К изучению истории советского библиотековедения // Книга. Исследования и материалы, 1966, сб. 12, с. 77–92.
191. Григорьев Ю. В. Методологические проблемы советского библиотековедения // Учен. зап. / МГИК, 1968, вып. 15. С. 50–74.
192. Григорьев Ю. В. О путях развития советского библиотековедения // Библиотекарь, 1961, № 4, с. 17–21.
193. Григорьев Ю. В. Основные этапы развития советского библиотековедения // Учен. зап. / МГИК, 1967, вып. 16, с. 198–236.
194. Григорьев Ю. В. Советское библиотековедение на завершающем этапе культурной революции // Учен. зап. / МГБИ, 1962, вып. 9, с. 3–24.
195. Григорьев Ю. В. Теоретические основы формирования библиотечных фондов. М., 1973. 88 с.
196. Гриханов Ю. А. Центральный объект библиотековедения // Библиотекарь, 1976, № 11, с. 59–61.
197. Гудков Н. Н. Глубже раскрывать ленинские идеи; Там же. 1967, № 4, с. 2–5.
198. Гудков Н. Н. Формирование ленинского плана социалистического преобразования библиотечного дела. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1974. 36 с. В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.
199. Гурув П. И. За создание: новой библиотечной теории на основе ленинизма.– Красный библиотекарь, 1931, № 4, с. 23–29.

- 199а. Гуров П. И. К вопросу о плановости в комплектовании библиотек.– Там же, 1930, № 1, с. 22–29.
200. Гуров П. И. О показателях обеспеченности населения книгой и качества работы библиотеки; Там же. 1928, № 11, с. 19–27.
- 200а. Гуров П. И. О работе с беллетристикой; Там же. 1927, № 2, с. 18–31.
201. Гуров П. И. Психология и библиотечная работа. Вологда, Сов. печатник, 1925. 35 с.
202. Гуров П. И. Что дает библиотекарю библиопсихология Н. Рубакина.– Красный библиотекарь, 1930, № 2, с. 49–55.
203. Гуров П. И. XVI съезд ВКП(б) и задачи библиотечной работы; Там же, № 9, с. 2–5.
204. Давидович Н. Психологический анализ профессии библиотекаря; Там же. 1927, № 6, с. 69–84; № 7, с. 85–94.
205. 9-е совещание директоров библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. – Библ.-библиогр. информация б-к АН СССР и акад. наук союзы, респ., 1967, № 1, с. 1–91.
206. Дерунов К. Н. Типичные черты в эволюции русской «общественной» библиотеки // Библиогр. изв., 1919, № 1/2, с. 1–48; № 3/4, с. 89–118.
207. Для библиотек и библиотекарей (от Русского библиотечного общества) // Библиогр. изв., 1918, № 1, с. 30–32.
208. Доблер Ф. Э. Современная библиотечная сеть. Правда, 1921, 4 февр.
209. Доблер Ф. Э. Цели и задачи библиотечных объединений в 1926–27 г. – Красный библиотекарь, 1926, № 11, с. 13–24.
210. Добрынина Н. Е. и др. Опыт изучения интересов читателей в библиотеках СССР. – Б-ки СССР, 1969, вып. 41, с. 80–92.
211. Добрынина Н. Е. Отзыв о диссертации Л. М. Иньковой «Социальные функции советской массовой библиотеки». 29 июня 1972 г. 2 л.
212. Дубин Б. В. О прогностической ориентации в социологических исследованиях чтения (на примере изучения читательских интересов жителей советского села). – Сов. библиотекосведение, 1975, № 1, с. 48–60.
213. Жук И. П. Спорные вопросы аннотирования. – Бюллетень бюро Центр, каталогизации, 1927, № 16/17, с. 1–2.
214. Жукова Л. Г. К вопросу о комплексном подходе в руководстве чтением // Централизация библ. сети, 1977, вып. 24, с. 5–14.
215. За высокую идейность, против формализма и объективизма в библиотечной теории. – Библиотекарь, 1950, № 3, с. 1–4.
216. Заборова В. И. Вопросы библиотекосведения на страницах сборника «Библиотекосведение и библиография за рубежом» // Сов. библиотекосведение, 1975. № 5, с. 134–138.
217. Звездин В. В. Самообразование и библиотека. – Красный библиотекарь, 1925, № 11, с. 10–16.
218. Зельцле Б. Р. Систематический каталог; Там же. 1937, № 9, с. 42–47.

219. Змеева Н. Я. Новое в обслуживании советских читателей. – Тр. / ГПБ, 1957. Т. 4, с. 23–39.
220. Зубов Ю. С. На пути создания научной классификации читателей. – Сов. библиотекосведение, 1977, № 2, с. 36–53.
221. Иванов Д. Д. Пропаганда науки и специальные залы публичных библиотек (в порядке предварительной постановки вопроса). – Тр. / БАН, 1948. Т. 1, с. 5–53.
222. Информатика. Т. 2. Терминология информатики. М., 1977. 138 с.
223. Информационное письмо о работе по самообразованию в библиотеках. М., 1934. 4 с.
224. Инькова Л. М. Заседание кафедры библиотекосведения МГИК в Центральной городской публичной библиотеке им. Н. А. Некрасова. – Сов. библиотекосведение, 1973, № 5, с. 93–94.
225. Инькова Л. М. Массовая библиотека сегодня. М., Книга, 1976. 48 с.
226. Инькова Л. М. Социальные функции советской массовой библиотеки. – Сов. библиотекосведение, 1973, № 2, с. 16–30.
227. Инькова Л. М. Социальные функции советской массовой библиотеки. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1973. 33 с. В надзаг.: Моск. гос. ин-т культуры.
228. История библиотечного дела. Документы и материалы. 1917–1920. М., Книга, 1975. 277 с.
229. Итоги исследования «Книга и чтение в жизни советского села». М., 1976. 62 с.
230. Каратыгин Ф. И. Изучение и обобщение передового опыта библиотек. (1956 г.). 30 л. (Рукопись хранится на кафедре библиотекосведения МГИК).
231. Каратыгин Ф. И. Критические замечания к рукописи кандидата педагогических наук, старшего научного сотрудника И. А. Месеняшина «О предмете советского библиотекосведения». М., 1956. 21 л. (Рукопись хранится на кафедре библиотекосведения МГИК).
232. Каратыгин Ф. И., Фрумин И. М. Планирование библиотечной сети в районе. М., Госкультпросветиздат, 1953. 29 с.
233. Каратыгин Ф. И. Тезисы к диссертации на тему «Типы и сеть советских технических библиотек». (1948 г.). 3 л. Рукопись хранится на кафедре библиотекосведения МГИК.
234. Каратыгина Т. Ф. Вопросы единой системы библиотечно-библиографического обслуживания работников промышленности. – Учен зап. / МГИК, 1968, вып. 15, с. 189–203.
235. Каратыгина Т. Ф. Некоторые итоги развития научно-технических библиотек.– Сов. библиотекосведение, 1977, № 5, с. 12–27.
236. Карклина Н. И. Владимир Ильич Ленин о библиотеках. – Библиотекарь, 1953, № 1, с. 4–8.
237. Карклина Н. И. Значение, задачи и содержание справочно-библиографического обслуживания. – Красный библиотекарь, 1938, № 9, с. 39–48.

238. Карклина Н. И. Очерки по истории советского библиотековедения в РСФСР за 30 лет. Вып. 1. Советское библиотековедение в 1917–1940 гг. 439 л. (Рукопись хранится в фонде читального зала библиотековедения ГБЛ).
239. Карклина Н. И. Советское библиотековедение за 30 лет. (1947 г.). 67 л. Рукопись хранится в фонде читального зала библиотековедения ГБЛ.
- 239а. Н. К. Крупская и современные проблемы библиотечного строительства в СССР. М., 1979. 104 с.
240. Карташов Н. С. К вопросу о сущности и функциях научной библиотеки.– Б-ки СССР, 1968, вып. 39, с. 3–19.
241. Карташов Н. С. Каким же должен быть учебник «Работа с читателями»? – Библиотекарь, 1963, № 5, с. 44–48.
242. Карташов Н. С. Проблемы библиотечного кооперирования в городе.– Тр. / Вост.-Сиб. библиотеч. ин-т, 1962, т. 1, с. 136–169.
245. Киперман Я. Е. Как строилась одна библиотека. – Красный библиотекарь, 1924, № 6, с. 51–59.
246. Киперман Я. Е. Спутник читателя. Л., Прибой, 1929. 520 с.
247. Кириллов И. М. О некоторых методах библиотечной статистики. – Библиотекарь, 1947, № 6, с. 10–18.
248. Киров В. Г. За партийную библиографическую помощь библиотекарю и читателю. – Красный библиотекарь, 1935, № 6, с. 5–10.
249. Кирпичева И. К. Библиотечно-библиографическая ориентация читателей – важная часть информационной работы публичных библиотек. Л., 1976. 24 с.
250. Кирпичева И. К. Информационные запросы специалистов и их значение для совершенствования библиотечно-библиографического обслуживания читателей. М., 1967. 2 с.
251. Клевенский М. М. История библиотеки Московского публичного Румянцевского музея (1861–1917). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук. М., 1951. 19 с. В надзаг.: Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина.
252. Книга – просвещенцу. Сб. 2. М., 1927. 48 с.
253. Ковалев А. Г. Методы исследования читателя-подростка.– Тр. / ЛГИК, 1967. Т. 18, с. 103–114.
254. Ковалев А. Г. О некоторых проблемах психологии библиотечной работы.– Тр. / ЛГБИ, 1958, т. 4, с. 107–118.
- 254а. Ковалевский Г. Г., Иванов-Меженко Ю. А. Практическое руководство по библиотековедению. Пг., 1923. 201 с.
255. Коган Л. Р. Библиотечная работа с художественной литературой. Л., Прибой, 1931. 208 с.
256. Колчина З. И. Организация обслуживания читателей в крупнейших библиотеках.– Библиотекарь, 1954, № 9, с. 13–20.
257. Кондаков И. П. Пленум обязывает // Библиотекарь, 1963, № 9, с. 8–14.

258. Коршунов О. П. Книга – библиография – читатель. – Сов. библиогр., 1968. № 1, с. 20–37.
259. Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии. М., Книга, 1975. 191 с.
260. Котельников А. В. О руководстве чтением. – Красный библиотекарь, 1925, № 3, с. 48–54.
261. Кравченко А. Г. Докладная записка о состоянии работы в Институте библиотековедения. (1932 г.). – Архив ГБЛ, оп. 42, ед. хр. 18, л. 14–19.
262. Кравченко А. Г. Об изучении ленинского наследства. – Б-ки СССР, 1961, вып. 17, с. 81–90.
263. Кравченко А. Г. Опыт постановки единой сети библиотек. – Красный библиотекарь, 1930, № 3, с. 27–29.
264. Крейденко В. С. Наблюдение – метод библиотековедческого исследования. Л., 1973. 92 с.
265. Крейденко В. С. Эксперимент в библиотековедении. Л., 1973. 89 с.
266. Крипс И. Л., Фишман М. Г. Вытравим идеологию буржуазных библиотековедов. – Красный библиотекарь, 1931, № 2, с. 12–18.
267. Крюгер Т. В. Советское библиотековедение. (1952 г.). – ЛГАЛИ, ф. 9414, оп. 1, ед. хр. 913. 24 л.
268. Курсы книговедения. Проспект. Л., 1925. 31 с.
269. Куфаев М. Н. История русской книги в XIX в. Л., Начатки знаний, 1927. 352 с.
270. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Л., Начатки знаний, 1924. 72 с.
271. Левинтов Б. М. Статьи по библиотечному делу в Большой энциклопедии. – Красный библиотекарь, 1933, № 3, с. 35–43.
272. Лекаренко Д. М. Изучение читателей народниками. – Тр. / Харьк. гос. библ. ин-т, 1940, вып. 1, с. 33–52.
273. Лекаренко Д. М., Невский В. А. Читательский спрос рабочей молодежи. – Красный библиотекарь, 1935, № 6, с. 20–25.
274. Ленин и современные проблемы библиотековедения. М., Книга, 1971. 136 с.
275. Леонтьева Е. И. О состоянии и задачах научно-методической работы библиотек. – Библиотекарь, 1952, № 7, с. 1–11.
276. Лисовский Н. М. Книговедение, его предмет и задача. // Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пб., 1922, с. 6–21.
277. Литинский А. И. О классификации библиотековедения. – Тр. / МГБИ, 1939, т. 3, с. 83–106.
278. Ловягин А. М. Основы книговедения. Л., Начатки знаний, 1926. 166 с.
279. Лордкипандзе Н. Г. Библиотековедение, его предмет и задачи. Тбилиси, 1967. 11 с.
280. Мавричева К. Г. Н. А. Рубакин – выдающийся пропагандист книги. – Сов. библиогр., 1957, вып. 45, с. 51–65.

281. Марков И. Г. О повышении идейно-теоретического уровня библиотечно-ведческих и библиографических дисциплин. (1948 г.). 20 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения ЛГИК.
282. Марков И. Г. О предмете и методе библиографии. – Тр. / МГБИ, 148, вып. 4, с. 101–134.
283. Массовая работа в библиотеке. М.; Л., 1927 112 с.
284. Материалы, для обсуждения на совещании директоров госбюджетных научных библиотек Наркомпроса РСФСР. М., 1934. 40 с.
285. Материалы к планированию библиотечной работы. М.; Л Соцэкгиз 1934. 64 с.
286. Материалы I Всесоюзной конференции по проблемам книговедения. М., Книга, 1971. 164 с.
287. Медынский Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. 5-е изд., доп. М., Наука, 1918. 294 с.
288. Межвузовская научная конференция по методологии и методике научных исследований в области библиотечно-библиографической и культурно-просветительной работы. Секция библиотековедения / МГИК. М. 1966. 29 с.
289. Месеняшин И. А. О предмете и методе библиотековедения (в порядке постановки вопроса). (1954 г.). 79 л. (Рукопись хранится на кафедре библиотековедения ЛГИК).
290. Месеняшин И. А. О предмете советского библиотековедения (в порядке постановки вопроса). (1949–1952 гг.). 44 л. (Рукопись хранится на кафедре библиотековедения ЛГИК).
291. Михайлов И. А. и др. Научные коммуникации и информатика. М., Наука, 1976. 435 с.
292. Михайлов А. И. и др. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М., Наука, 1968. 756 с.
293. Мищенко М. К вопросу о руководстве чтением. – Красный библиотекарь, № 1, с. 43–46.
294. Нагловская Е. М. Работа массовых библиотек по изучению читателей. М., Госкультпросветиздат, 1955. 31 с.
295. Научная конференция, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции (26–28 ноября 1947 г./ГБЛ. М., 1947. 88 с.
296. Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Опыт работы. Новосибирск, 1967. 169 с.
297. Невский В. А. Из записной книжки библиотечного инструктора. – Красный библиотекарь, 1923, № 2/3, с. 16–24.
298. Невский В. А. Из записной книжки библиотечного инструктора. V. Глядя на руки (психотехника и библиотечная работа); Там же. 1924, № 8, с. 8–14.
299. Невский В. А. Из записок библиотечного инструктора; Там же. №4/5, с. 79–82.

300. Невский В. А. Качественный учет библиотечной работы; Там же. 1927, № 11, с. 7–20; № 12, с. 12–18.
301. Невский В. А. Книжно-библиотечное дело на путях к будущему; Там же. 1930, № 10, с. 13–16.
302. Невский В. А., Херсонская Н. Л. Культурная работа городских библиотек. 2-е изд. М., 1920. 63 с.
303. Невский В. А. Курсы и кружки для поднятия квалификации библиотекарей профсоюзных библиотек. М., 1926. 110 с.
304. Невский В. А. Упрощение библиотечной техники. М, изд. Г. Ф. Мириманова, 1924. 32 с.
305. Нечкина М. В. О периодизации истории советской исторической науки.– История СССР, 1960, № 1, с. 77–91.
306. Новосадский И. В. Теория книговедения и марксизм. – Тр. / Музей книги, документа и письма, 1931, т. 1, с. 3–46.
307. О марксистско-ленинской пропаганде в библиотеках. – Красный библиотекарь, 1934, № 1, с. 10–13.
308. Обсуждение назревших проблем современного книговедения. // Книга. Исследования и материалы, 1965, сб. 11, с. 270–290.
309. Олзоева Г. К. О руководстве чтением в научных библиотеках. (К постановке вопроса). – Науч. и техн. б-ки СССР, 1970, № 9, с. 25–28.
- 309а. Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа. Л., 1976. 320 с.
310. Осьмаков И. И. Творчество буржуазных библиотекведов. – Красный библиотекарь, 1931, № 8, с. 9–15.
311. Отзыв кафедры библиографии Ленинградского гос. библиотечного института им. Н. К. Крупской о брошюре В. Т. Вытяжкова «Задачи и принципы библиографии».– ЛГАЛИ, ф. 9414, оп. 1, ед. хр. 1453, л. 43–48.
312. Отчет о 1-й Библиотечной Сессии Нар. Комиссариата по Просвещению (в Москве с 25 янв. по 1 февр. 1919 г.). – Библ. обозрение, 1920, кн. 2, с. 183–201.
313. Пашин А. И. Вопросы библиотечного строительства на современном этапе.– Сов. библиотекведение, 1975, № 4, с. 3–14.
314. Пашин А. И. Деятельность библиотек на уровень новых задач. М., Сов. Россия. 1976. 176 с.
315. Первая Московская общегородская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций 23–28 февр. 1918 г. Пермь, 1918. 64 с.
316. Первая учебно-методическая конференция 12–13 сент. 1957 г. Тез. докл. / ЛГБИ. Л., 1957. 22 с.
317. Первое Всесоюзное совещание профсоюзных библиотечных работников при культотделе ВЦСПС с 7 по 12 дек. 1925 г. Резолюции. М., 1926. 48 с.
318. Пинес Д. Съезд по реформе академических библиотек. – Библ. обозрение, 1920, кн. 2, с. 205–214.

319. По поводу концепции социальной информатики. – Сов. библиогр., 1976, № 1, с. 36–40.
320. Позднякова Г. И. Актуальные вопросы педагогики и психологии детского чтения. Л., 1976. 48 с.
321. Покровский А. А. Библиотека и работа с книгой. М., 1918. 16 с.
322. Покровский А. А. Библиотечная работа (о культурной и социальной работе народной б-ки). 2-е изд., испр. Н.-Новгород, 1921. 60 с.
323. Покровский А. А. Библиотечная работа (о культурной и социальной работе народной б-ки). 3-е изд., испр. М., ГИЗ, 1922. 74 с.
324. Покровский А. А. Директивы Ленина. – Красный библиотекарь, 1924, № 4/5, с. 10–25.
325. Покровский А. А. К статье П. Гурова. – Там же, 1928, № 11, с. 27–28.
326. Покровский А. А. Комплектование отделов библиотеки: Естествознание и прикладные знания. М., 1928. 48 с.
327. Покровский А. А. Методика библиотечной работы в СССР. // БСЭ, 1927, т. 6, с. 139–145.
328. Покровский А. А. О высшем образовании библиотечных работников. – Красный библиотекарь, 1930, № 11, с. 24–31.
329. Покровский А. А. О целях библиотечной работы в городе; Там же. 1930. № 5, с. 17–23.
- 329а. Покровский А. А. Целевая установка библиотек и ступени библиотечной системы. – Там же, 1926, № 3, с. 11–18.
330. Положение об организации дела внешкольного образования в РСФСР. – Нар. просвещение, 1919, № 42/44, с. 11–13.
331. Потапов М. А. О принципах построения библиотечной сети. – Красный библиотекарь, 1938, № 1, с. 42–49.
332. Потапов М. А. Об освещении опыта библиотечной работы. – Библиотекарь, 1950, № 9, с. 43–44.
333. [Потапова] Рабинович Л. М. Библиотечное дело к XX годовщине Великой социалистической революции. – Красный библиотекарь, 1937, № 11, с. 5–17.
334. Проблемы советского книговедения: обзор дискуссии на расширенном заседании редколлегии сборников «Книга» // Книга. Исследования и материалы, 1960, вып. 2, с. 390–421.
335. Проблемы социологии и психологии чтения. М., Книга, 1975. 198 с.
336. Программы по специальным дисциплинам на 1939/1940 учебный год. Вып.1 / МГБИ. М., 1939. 193 с.
337. Протокол № 12 открытого заседания кафедры библиотековедения МГИК в Центральной городской библиотеке им. Н. А. Некрасова от 30 марта 1973 г. 16 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения МГИК.
338. Резолюции II совещания. – Внешкольное образование, 1919, № 2/3, с. 87–94.

339. Резолюция научной конференции библиотечных институтов РСФСР по проблемам руководства чтением (1964 г.). – ЛГАЛИ, ф. 9414, оп. 1, ед. хр. 1712, л. 5–8.
340. Рекомендации Второй Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. // Книга. Исследования и материалы, 1975, вып. 30, с. 231–234.
341. Рекомендации научной конференции «Проблемы чтения и формирование человека развитого социалистического общества». – Сов. библиотековедение, 1973, № 6, с. 56–57.
342. Ривлин З. И. Обслуживание населения Ленинграда общедоступными культурно-просветительными библиотеками. Вопросы планирования и размещения библиотек. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1952. 54 с.
343. Ривлин Я. В. Газетные вырезки по библиотечному делу 1939 года, их общественно-политическое, методическое и научное значение (1940 г.). – Архив ГПБ, ед. хр. 863, 28 л.
344. Ривлин Я. В. Методические течения в области истории библиотековедения. // Читатель и книга. Харьков, 1925, с. 3–36.
345. Ривлин Я. В. Минимум активности городской библиотеки. – Красный библиотекарь, 1925, № 3, с. 26–34.
346. Романовская К. М., Шадрина Ж. С. Вопросы применения теории массового обслуживания. – Науч. и техн. б-ки СССР, 1969, вып. 7, с. 9–12.
347. Рубакин Н. А. Избранное. М., Книга, 1975. Т. 1. 224 с.; Т. 2. 280 с.
348. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М., Книга, 1977. 264 с.
349. Рубакин Н. А. Где тайна успеха библиотечной работы? (1923 г.). – ОР ГБЛ, ф. 358, карт. 47, ед. хр. 6(6). 7 л.
- 349а. Рубакин Н. А. Что такое библиологическая психология? Л., Колос, 1924. 61 с.
350. Руководство чтением детей в библиотеке. 3-е изд., перераб. и доп. М., Книга, 1976, 319 с.
351. Сахаров В. Г., Фрумин И. М. О постановке обучения в Московском государственном библиотечном институте. – Библиотекарь, 1948, № 5, с. 17–24.
352. Сахаров В. Ф. Об открытом доступе к фондам библиотек; Там же. 1959, № 3, с. 28–34; № 5, с. 16–23.
353. Сборник материалов в помощь научно-исследовательской деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек. Вып. 1. Общие вопросы методологии и методики библиотековедческих исследований. Л., 1973. 87 с.
354. Сборник статей по библиографии и работе научных библиотек. М., 1933. 266 с.
355. Сборник статей по библиотечной работе. Вып. 3. М., Красная новь, 1923. 136 с.
356. Серов В. В. Будущее массовых библиотек. – Сов. культура, 1973, 6 марта.
357. Серов В. В. Новый этап библиотечного строительства в СССР. М., Книга, 1975. 48 с.

358. Сикорский Н. М., Немировский Е. Л. Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. // Книга. Исследования и материалы, 1975, сб. 30, с. 5–25.
359. Сикорский Н. М. Советское библиотековедение: основные направления развития, неотложные задачи. – Сов. библиотековедение, 1978, № 2, с. 3–23.
360. Симановский И. Б. Библиография и задачи научного библиотечного строительства, –Библиогр. изв., 1926, № 1/4, с. 167–172.
361. Скворцов В. В. Американский библиотековед о социологических проблемах библиотечного дела. – Библиотекведение и библиогр за рубежом. 1973, вып. 45, с. 80–102.
362. Скворцов В. В. К вопросу о математизации и формализации библиотекведческих исследований в США. – Библиотекведение и библиогр. за рубежом, 1977, вып. 61, с. 40–57.
363. Скворцов В. В. Социальная проблематика и библиотечное дело США. – Информация о библ. деле и библиогр. за рубежом, 1974, вып. 5, с. 10–17.
364. Словарь библиотечных терминов. М., Книга, 1976. 224 с.
365. Словарь библиотечных терминов. Вып. 4. Работа с читателями М., 1973. 68 с.
366. Слуховский М. И. [Выступление на Всесоюзном библ. совещании при ВЦСПС. 1931 г.]. –ЦГАОР СССР, ф. 5451, он. 15, ед. хр. 625, л. 66.
367. Слуховский М. И. Объединим усилия в изучении истории библиотечного дела. – Библиотекарь, 1948, № 3, с. 42–43.
368. Смирнова Б. А. Библиография и руководство чтением. – Сов библиогр., 1949. Вып. 3, с. 3–19.
369. Смирнова Б. А. Деятельность Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в области рекомендательной библиографии. М., Книга, 1964. 236 с.
370. Смирнова Б. А. Изучение эффективности рекомендательной библиографии.– Библиотекарь, 1968, № 8, с. 20–24.
371. Смирнова С. М., Осипова И. П. Дифференциация читателей-рабочих и инженерно-технических работников. – Б-ки СССР, 1969, вып. 42, с. 37–66.
372. Смирнова С. М. Что обсуждают исследователи чтения. Обмен опытом между специалистами ГДР и СССР. – Библиотекведение и библиогр. за рубежом, 1976, вып. 58, с. 71–82.
373. Смушкова М. А. Об очередных задачах методической библиотечной работы.– Ком. просвещение, 1922, № 1, с. 57–58.
374. Смушкова М. А. Очередные вопросы библиотечной, работы; Там же. 1928. № 4, с. 123–129.
375. Смушкова М. А. Политическая работа библиотеки; Там же. 1922, № 3, с. 42–44.
376. Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. М., Книга, 1968. 342 с.
377. Совещание научных работников Гос. Публичной библиотеки. Стеногр. отчет 16 марта 1949 г.–Архив ГПБ, ед. хр. 1486.

378. Современные проблемы развития рекомендательной библиографии. М., Книга, 1973. 160 с.
379. Соколов А. В. и др. Взаимосвязи информатики и библиотечно-библиографических дисциплин. – Науч. и техн. б-ки СССР, 1974, № 4, с. 28–37.
380. Соловьева Н. Н. Библиография в помощь образованию и воспитанию. – Сов. библиогр., 1970, № 6, с. 3–12.
381. Сомов Н. М. Критическая библиография. М., 1928. 87 с.
382. Сомов Н. М. Сущность книговедения. Библиологический очерк. М., Сов. коллекционер, 1933. 94 с.
383. 40 лет библиотечного строительства в СССР. М., 1958. 288 с.
384. Социальные проблемы информатики. Л, 1974. 55 с.
385. Специалист – библиотека – библиография. Опыт исследования профессиональных потребностей в информации. М., Книга, 1971. 446 с.
- 385а. Спутник делегата 1-го библиотечного съезда. 1–5 июля 1924 г. М., Красная новь, 1924. 72 с.
386. Стельмах В. Д. Некоторые итоги исследования чтения и читательских интересов жителей небольших городов. – Сов. библиотековедение, 1973, № 2, с. 31–48.
387. Стельмах В. Д. Социология книги и чтения. Б-ки СССР. 1971. Вып 50. С. 34–43.
388. Стенограмма заседания секции библиотековедения от 29 янв. 1963 г. [научно-методической конференции по вопросам дальнейшего совершенствования подготовки библиотечных кадров в области библиотековедения и библиогр.]. М., 1963. 120 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения МГИК.
389. Стенографический отчет ленинградского совещания библиотек по вопросам теории библиотековедения и библиографии от 27 ноября 1936 г. – Архив ГПБ, ед. хр. 329. 89 л.
390. Стенографический отчет совещания работников профсоюзных библиотек по вопросу о свободном доступе к книгам 8 июня 1933 г. 119 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения ЛГИК.
391. Стефанович В. И. А. И. Калишевский (1863–1925). Очерк жизни и деятельности. М., 1962. 127 с.
392. Столяров Ю. Н. Библиотека – предмет библиотековедения. – Библиотекарь, 1976, № 8, с. 42–44.
393. Ступникова Т. С. К вопросу об открытом доступе к фондам в современных библиотеках за рубежом. – Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1959. Вып. 2, с. 110–121.
394. Тезисы докладов VII конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научной работы 16–19 дек. 1959 г. / ЛГБИ. Л., 1959. 58 с.
395. Терешин В. И. Массовая или специальная? – Сов. культура, 1973, 19 янв.
396. Терешин В. И. О педагогических аспектах работы научно-технических библиотек. – Науч. и техн. б-ки СССР, 1972, № 6, с. 3–9.

397. III совещание по вопросам высшего библиотечного образования в социалистических странах. Л., 1972. 157 с.
398. Труды II Всероссийского библиографического съезда. М., 1929. 308 с.
399. Труды Второй Всероссийской конференции научных библиотек. Л., 1929. 363 с.
400. Труды 1-го Всероссийского съезда библиотечных работников Красной Армии и Флота 15–24 окт. 1920 г. М., 1922. 128 с.
401. Труды Первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926. 248 с.
402. Тугов Ю. М. Актуальные проблемы пропаганды книги. – Рек. библиогр. в системе пропаганды книги в СССР, 1973, вып. 8, с. 6–37.
403. Тугов Ю. М. К разработке теории пропаганды книги. – Сов. библиотековедение, 1973, № 5, с. 3–17.
404. Тышкевич Н. И. Опыт организации научных исследований в Государственной публичной научно-технической библиотеке СССР. – Сов. библиотековедение, 1975, № 2, с. 41–46.
405. Тюлина Н. И. Национальная библиотека. III. Социалистическое библиотечное дело и типологические особенности национальной библиотеки. – Библиотековедение и библиогр. за рубежом, 1967, вып. 23, с. 3–19.
406. Тюлина Н. И. Национальная библиотека и наука. – Б-ки СССР, 1969, вып. 44, с. 24–48.
407. Тюлина Н. И. Некоторые вопросы содержания и организации научно-исследовательской работы в области библиотековедения; Там же. вып. 41, с. 70–79.
408. Тюлина Н. И. О путях повышения уровня библиотечных исследований; Там же. вып. 43, с. 23–35.
- 408а. Укрепим библиотечное дело. М.; Л., 1929. 96 с.
409. Успенский С. И. Классификация книг по социальному назначению. – Библиография, 1929, № 1, с. 27–37.
410. Федотов А. Н. Некоторые соображения о технических основах развития научно-технических библиотек. – Науч.-техн. информация, 1963, № 6, с. 3–5.
411. Фельдштейн М. М. и др. О подготовке кадров в библиотечных институтах.– Библиотекарь, 1948, № 9, с. 25–30.
412. Фонов Г. П. За большевистскую партийность, за связь с практикой в теоретических работах по библиографии // Библиотекарь, 1950, № 12, с. 25–30.
413. Фонов Г. П. За взаимодействие библиотечной, библиографической и научно-информационной деятельности, за координацию теоретической работы. – Сов. библиогр., 1975, № 1, с. 38–51.
414. Фонов Г. П. На новом рубеже; Там же. 1966, № 2, с. 3–14.
415. Фонов Г. П. Размышления о будущем библиотек // Библиотекарь, 1962, № 3, с. 4–7.
416. Фридьева Н. Я. Библиотечное практиканство (ученичество) // Красный библиотекарь, 1927, № 1, с. 23–41.

417. Фридьева Н. Я. Вивчення читачів і керівництво читанням у масових бібліотеках України. – Бібліотекознавство та бібліогр. 1966. Вып. 3, с. 5–18.
418. Фридьева И. Я. До питання про бібліотекознавство як науку. – Бібліотекознавство та (Яблугр., 1971, вып. 11, с. 15–23.
419. Фридьева Н. Я. Замечания к тезисам профессора, доктора Хорста Кунце по вопросу «О предмете и задаче библиотековедения» (1961 г.). 6 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения Харьк. гос. ин-та культуры.
420. Фридьева Н. Я. К вопросу о библиотековедении как науке. (1971 г.). 25 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения Харьк. гос. ин-та культуры.
421. Фридьева Н. Я. К вопросу о советском библиотековедении как науке. – Тез. докл. теорет. конф. / Харьк. гос. библ. ин-т, Харьков, 1948, с. 6–8.
422. Фридьева Н. Я. К вопросу об изучении читателя. – Красный библиотекарь, 1925, № 2, с. 31–39.
423. Фридьева Н. Я. Советское библиотековедение как наука. (1962 г.). 5 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения Харьк. гос. ин-та культуры.
424. Фридьева Н. Я. Читатель киевских политехпросветских библиотек в 1926/27 г. – Красный библиотекарь, 1928, № 2, с. 51–64.
425. Фрумин И. М. Актуальные вопросы библиотечной статистики. – Б-ки СССР, 1967, вып. 34, с. 71–84.
426. Фрумин И. М. Библиотековедение: объект, предмет, функции. – Библиотекарь, 1977, № 2, с. 64–68.
427. Фрумин И. М. Проблемам организации – внимание исследователей; Там же. 1973, № 12, с. 34–38.
428. Фрумин И. М. Система библиотек СССР. (1957 г.). 244 л. Рукопись хранится на кафедре библиотековедения МГИК.
429. Фрумин И. М. Типы и виды советских библиотек: к вопросу о классификации советских библиотек. – Тр. / МГБИ, 1939, т. 3, с. 59–82.
430. Хавкина Л. Б. Докладная записка зав. кабинетом библиотековедения Гос. Румянцевского музея. – ЦГА РСФСР, ф. 2313, оп. 5, ед. хр. 72, л. 98–103.
431. Хавкина Л. Б. Книга и библиотека. М., Наука, 1918. 169 с.
432. Хавкина Л. Б. Предисловие. // Словарь библиотечных терминов на русском, английском, немецком и французском языках. М., 1928, с. 3–16.
433. Хавкина Л. Б. Руководство для небольших и средних библиотек. 6-е изд., М.; Л., ГИЗ, 1930. 384 с.
434. Хавкина Л. Б. Сводные каталоги (история – теория – практика). М., 1943. 108 с.
435. Хавкина Л. Б. Сводный каталог и его составление. – Красный библиотекарь, 1931, № 2, с. 71–74.
436. Хавкина Л. Б. Серия руководств заочных курсов по подготовке библиотекарей-информаторов. – Сов. библиогр., 1936, № 2, с. 147–152.

437. Хавкина Л. Б. Тезисы к докладу «Научная разработка вопросов библиотекведения» (1924 г.) – Архив ГБЛ, оп. 17, ед. хр. 247, л. 21.
438. Хлебцевич Е. И. Опыт изучения массового читателя и его интересов. – В кн.: II Всероссийский библиографический съезд. Тез. к докл. М., 1926 с. 43–45.
439. Хлебцевич Е. И. Лучшие библиотекари. – Красный библиотекарь, 1926, № 3, с. 19–32.
440. Хлебцевич Е. И. Массовый читатель и работа с книгой. М., Учпедгиз, 1936. 208 с.
441. Хренкова А. А. Система методического руководства библиотеками в СССР, – Тр. / ГБЛ, 1961, т. 5, с. 90–111.
442. Централизация – важнейшее направление совершенствования библиотечного дела в стране. М., 1974. 64 с.
443. Чарнолуская Е. И. Общественные библиотеки в Америке. 2-е изд. Пг., Школа и жизнь, 1919. 80 с.
444. Черняк А. Я. О теоретических основах истории библиотечного дела. Б-ки СССР, 1972, вып. 53, с. 81–89.
445. Черняк А. Я. Об объекте библиотекведения. – Библиотекарь, 1976, № 1, с. 63–66.
446. Чубарьян О. С. Библиотека и информация. – Сов. библиогр., 1964, № 4, с. 3–12.
447. Чубарьян О. С. Библиотекведение в системе наук. М., 1970. 24 с.
448. Чубарьян О. С. Библиотечное дело в СССР – на ленинском пути. – Б-ки СССР, 1970, вып. 45, с. 3–28.
449. Чубарьян О. С. К вопросу о взаимосвязях библиотекведения с другими науками; Там же. 1971, вып. 50, с. 20–33.
450. Чубарьян О. С. Крупская и библиотечное дело. – Библиотекарь, 1969, № 2, с. 2–9.
451. Чубарьян О. С. Массовые библиотеки в условиях социализма; Там же. 1967. № 11, с. 18–24.
452. Чубарьян О. С. Н. К. Крупская и советское библиотекведение. – Учен. зап. / МГБИ, 1959, вып. 5, с. 39–60.
453. Чубарьян О. С. Н. К. Крупская – теоретик и организатор библиотечного дела в СССР // Крупская Н. К. О библиотечном деле. М., 1976, с. 6–16.
454. Чубарьян О. С. Общее библиотекведение. 2-е изд. перераб. и доп. М., Книга, 1968. 296 с.
455. Чубарьян О. С. Общее библиотекведение. 3-е изд. перераб. и доп. М., Книга, 1976. 271 с.
456. Чубарьян О. С. Общее библиотекведение: итоги развития и проблемы. М., Книга, 1973. 86 с.
457. Чубарьян О. С. Организационные основы библиотечного строительства в СССР, – Тр. / ГБЛ, 1961, т. 5, с. 5–23.
458. Чубарьян О. С. Основы организации библиотечного дела в СССР. – М., Госкультпросветиздат, 1956. 36 с.

459. Чубарьян О. С. Перспективы развития областных библиотек. – Б-ки СССР, 1966, вып. 31, с. 32–49.
460. Чубарьян О. С. Проблемы совершенствования методического руководства библиотеками. – Сов. библиотековедение, 1975, № 4, с. 15–24.
461. Чубарьян О. С. Пятьдесят лет советского библиотековедения. – Б-ки СССР, 1968, вып. 40, с. 15–33.
462. Чубарьян О. С. Рекомендательная библиография и руководство чтением. – Сов. библиогр., 1966, № 2, с. 21–34.
463. Чубарьян О. С. Руководящая роль КПСС в развитии массового чтения. – Сов. библиотековедение, 1973, № 6, с. 3–13.
464. Чубарьян О. С. Советское библиотековедение – на ленинском пути. – Библиотекарь, 1971, № 4, с. 9–12.
465. Чубарьян О. С. Формирование централизованных библиотечных систем и развитие массового чтения. – Сов. библиотековедение, 1974, № 6, с. 14–25.
466. Чубарьян О. С. Чтение в современном обществе; Там же. 1973, № 1, с. 24–38.
467. Шадрина Ж. С. Применение теории массового обслуживания для анализа работы библиотеки; Там же. № 5, с. 68–74.
- 467а. Шадрина Ж. С. Пути использования теории массового обслуживания в библиотековедении. Л., 1973. 95 с.
468. Шамурин Е. И. Некоторые вопросы разработки новой советской библиотечно-библиографической классификации. – Сов. библиогр., 1948, вып. 6, с. 19–44.
469. Шамурин Е. И. Новое пособие по классификации. – Библиотекарь, 1955, № 9, с. 43–46.
470. Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов. Сов. Россия, 1958. 340 с.
471. Шапошников А. Е. Значительный вклад в теорию изучения читательских интересов. – Б-ки СССР, 1969, вып. 42, с. 67–72.
472. Шафир Я. М. Очерки психологии читателя. М., ГИЗ, 1927. 88 с.
473. Шафир Я. М. «Рабочая газета» и ее читатель. М., 1926. 243 с.
474. 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие библиотечного дела в стране. Тез. докл. и сообщений / ГБЛ. М., 1977. 82 с.
475. Шира Дж. Х. Социологические основы библиотечного дела. М., ВИНТИ, 1973. 52 с.
476. Шифман Л. А. Против механистических извращений в психологии. – Красный библиотекарь, 1931, № 4, с. 30–38.
477. Штейн В. А. Библиотечная статистика. Опыт руководства по статистике для общеобразовательных библиотек. М.; Пг., ГИЗ, 1923. 97 с.
478. Штейн В. А. Теория библиотечной работы. // БСЭ, 1927, т. 6, с. 126–131.
479. Шунков В. И. О работе библиотек в свете решений Пленума ЦК КПСС по идеологической работе. – Библ.-библиогр. информация Б-ки АН СССР и акад. наук союзн. респ., 1964, № 52, с. 4–23.

480. Щелкунов М. И. Классификация библиологии. – Библиогр. известия, 1926. № 1/4, с. 233–238.
481. Эйдельман Б. Ю. Классификационная схема библиотековедения в систематическом каталоге. // Тез докл. сотрудников Гос. Публ. б-ки на ленингр. предварительном совещании по вопросам теории библиотековедения и библиогр. Л., 1936, с. 17–22.
482. Эйхлер Ф. Библиотековедение высшего порядка в его отношении к методам научного исследования и преподавания. Спб., 1913. 47 с.
483. Beasley K. E. The changing role of the state library. – In: *Advances in librarianship*. Ed. by M. I. Voigt. New York; London, Seminar Press, 1971, vol. 2, p. 187–213.
484. *Gegenstand und Methoden der Bibliothekswissenschaft unter besonderer Berücksichtigung der Bibliothekswissenschaft als Hochschuldisziplin*. Leipzig, 1963. 348 S.
485. *Handbuch der Bibliothekswissenschaft / Begriindet V. Fritz Milkau 2 vermu. verb. Aufl.* V. Georg Leyh. Bd. 1–3. Wisbaden, 1959–1961. Resisterband, 1965.
486. Kluth R. *Grandriss der Bibliothekslehre*. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1970. 372 S.
487. Shera I. H. Librarians against machins. – *Wijson library bulletin*, 1967, vol. 42, N1, p. 65–67, 69–73.
488. Shera I. H. *The foundations of education for librarianship*. New York, Becker and Hayes, 1972. 511 p.
489. Shera I. H. *Sociological foundations of librarianship*. New York, Asia publ. house, 1976. 195 p.
490. Schrettinger M. *Versuch eines vollständigen Lehrbuches des Bibliothekswissenschaft, oder Anleitung zur vollkkommen Geschäftsführung eines Bibliothek*. Bd. 1–2. Munchen, 1808–1829.
491. Volbehr L. *Die Treihandbiicherei. Ihr Wesenund ihre Technik*. Hamburg, Stichnote, 1953, S. 84–85

Именной указатель

- Абрамов Константин Иванович (р. 1920) 6, 121, 122, 128–130, 144, 147, 165, 166, 168, 186, 187
- Абрикосова Феокиста Сергеевна 109, 114
- Амбарцумян Захарий Николаевич (1903–1970) 112
- Арефьева Елена Павловна 171
- Артисевич Вера Александровна 5, 8, 71, 72, 91, 102
- Бабинцев Серафим Матвеевич (р. 1905) 121
- Балика Дмитрий Андреевич (1894– 1971) 5, 14, 18, 24, 25, 38, 51– 54, 56, 58, 59, 67–69, 88, 89, 91, 92
- Банк Борис Владимирович (р. 1900) 8, 31, 35, 39, 41, 58, 77, 80, 83, 91, 124
- Банк Владимир Эммануилович (1876–1942) 22, 40, 55
- Барабанов Алексей Никифорович (1887–1944) 76, 83
- Барсук Абрам Ильич (р. 1918) 180, 183
- Бахмутская Ирина Викторовна 150
- Бачалдин Борис Николаевич (р. 1923) 148, 160, 185
- Беленькая Ленина Ильинична 161
- Беленький Исаак Самуилович (р. 1920) 165, 168
- Беляева Лидия Ивановна 140, 141, 162, 173
- Беляков Леонид Васильевич (1932–1977) 151, 153, 163, 173, 174
- Бернштейн Эрлен Соломонович (р. 1928) 174
- Бетгер Евгений Карлович (1887–1956) 55
- Бизли Кеннет Ефрем (р. 1925) 133
- Боднарский Богдан Степанович (1874–1968) 14, 17, 66, 90, 91
- Борович (Финкельштейн) Борис Осипович (1884–1943) 11, 13, 24, 40, 47
- Боханевич Евгения Стефановна 110, 114, 115, 161
- Брискман Михаил Аркадьевич (1904–1975) 113, 115, 183
- Брюсов Валерий Яковлевич (1873– 1924) 25, 36, 46, 48
- Брылов Георгий Александрович (1898–1945) 33, 34, 60
- Бузиньер Надежда Иосифовна (1883–1962) 22
- Бухштаб Борис Яковлевич (р. 1904) 183
- Вальдгард Сергей Леонидович (1899–1969) 69, 90
- Варшавский Константин Маркович (р. 1893) 168, 169, 190
- Васильева Елена Пантелеевна 150
- Васильченко Владимир Евстафьевич (1900–1961) 35, 98, 99, 110, 120–122
- Веккер Борис Давыдович (1879– ?) 12, 26
- Виленкин Александр Яковлевич (1896– ?) 26, 35, 40, 41, 59, 77, 78, 80, 94
- Владиславлев (Гульбинский) Игнатий Владиславович (1880–1962) 87
- Волошин Дмитрий Андреевич (1907–1959) 115
- Вугман Илья Семенович (1890–1962) 14, 27, 82
- Вытяжков Виктор Тимофеевич (р. 1922) 183
- Гайворонский Александр Александрович (1899– ?) 53, 54
- Гастфер Михаил Павлович (р. 1900) 76, 94
- Герман Марк Моисеевич (1903–1961) 120
- Гиляревский Руджеро Сергеевич (р. 1929) 132, 134, 176, 179
- Гольдарбейтер Роман Львович 21
- Горвиц Вера Исаевна (1888–1950) 78, 80, 83
- Городецкий Борис Митрофанович (1876–1941) 51
- Горш Екатерина Аркадьевна 8, 77, 99
- Гофман Вальтер (1879–1952) 24
- Гребенщиков Яков Петрович (1887– 1935) 16, 35
- Грезель Армин (1849–1917) 23
- Григорьев Юрий Владимирович (1899–1973) 6, 101, 102, 107, 108, 111, 128, 129, 137, 152, 169, 173 174, 182, 185, 186
- Гриханов Юрий Александрович (р. 1939) 141
- Громова Антонина Александровна 91, 121
- Гудков Николай Николаевич (р. 1926) 129, 132, 133, 165
- Гуревич Розалия Борисовна (1905– 1971) 77, 120
- Гуров Прокопий Иванович (1890– 1958) 14, 18, 31, 40, 41, 45, 53, 54, 61, 69, 70, 74, 75, 77, 89
- Денисьев Виталий Николаевич (1895–1968) 77, 82
- Дерман Генриетта Карловна (1882– 1954) 82, 85

Именной указатель

Дерунов Константин Николаевич (1866–1929) 22,35,66	Колтыпина Татьяна Николаевна 175–178
Доблер Фрида Эдуардовна (1890– 1973) 34, 40, 41, 47, 48, 85	Колчина Зоя Ивановна 114
Добржинский Евгений Наркисович (1864–1938) 22,66	Комский Семен Абрамович (р. 1901) 85
Добрынина Наталия Евгеньевна 144, 169, 171, 193	Кондаков Иван Петрович (1905–1969) 166
Дранков Владимир Львович (р. 1918) 121	Копылов Сергей Иванович (р. 1907) 113
Житомирова Наталия Николаевна 99	Коршунов Олег Павлович (р. 1926) 139, 179, 180, 183, 184
Жук Илья Петрович (1900–1941) 14	Котельников Анатолий Владимирович (1888–1942) 42
Жукова Лариса Гавриловна 155	Кравченко Анна Григорьевна 85, 87, 117, 118, 121, 129
Звездин Василий Васильевич (1896–1941) 37, 40, 52, 80	Крейденко Владимир Семенович (р. 1930) 191
Зднов Николай Васильевич (1888–1941) 14	Крипе Исаак Львович (1902–1942) 67
Зельцле Бернгард Рудольфович (1897–1942) 73,80	Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) 3, 6, 8, 9, 11–13, 19, 22, 23, 25–31, 34–37, 39, 41–45, 48–50, 55, 57, 58, 60–63, 65, 69, 73–77, 79, 80, 83–88, 91–93, 95, 96, 98, 99, 104, 111, 117, 128, 130, 131, 151, 203, 205
Змеева Нина Яковлевна 114	Крюгер Татьяна Васильевна (1899– 1963) 101, 102, 110, 111, 114
Зотова Роза Захаровна 165	Куфаев Михаил Николаевич (1888–1948) 17, 51, 55, 56, 87
Зубов Юрий Сергеевич (р. 1924) 151, 161, 163	Кухарский Алексей Федорович (р. 1899) 14, 40, 59
Иванов Дмитрий Дмитриевич (р. 1896) 108, 109	Ладеви́г Пауль (1858–1940) 24
Инькова Людмила Моисеевна 144, 147, 156, 157	Левинтов Борух Мордухович (р. 1895) 67
Калишевский Антон Иеронимович (1863–1925) 15	Лекаренко Д. М. 65, 93
Каратыгин Федор Иванович (1892–1957) 76, 101, 103, 104, 107, 117, 118, 123	Ленин Владимир Ильич (1870–1924) 8, 9, 11, 15, 19, 22, 25, 27, 29–32, 44–49, 61, 62, 66, 68, 69, 79, 85, 96, 98, 99, 103, 104, 117, 128–132, 165, 168, 198, 203, 205
Каратыгина Татьяна Федоровна 148, 160	Леонтьев Алексей Алексеевич (р. 1937) 204
Карклина Наталия Ивановна 5, 6, 76, 91, 98–100	Лисовский Николай Михайлович (1854–1920) 16, 51
Карташов Николай Семенович (р. 1928) 140, 158, 163, 165–169, 185	Литинский Анатолий Иосифович 73, 76, 81, 88, 91
Кибрик Розалия Самойловна (1890– 1971) 58,59,110	Ловягин Александр Михайлович (1870–1925) 16,51
Киперман Яков Ефимович (1893– 1939) 24, 31, 33, 37, 40, 52	Лордкипанидзе Николай Георгиевич (р. 1901) 136
Кириллов Иосаф Мамонтович (1907–1973) 116, 123	Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) 25
Киров Владимир Григорьевич 82	Лусс Зоя Эдуардовна 98, 106, 110, 111
Кирпичева Ираида Константиновна 154, 192	Мавричева Капитолина Гордеевна 8, 114, 121, 171
Клевенский Марк Митрофанович (р. 1909) 122	Мальхин Николай Григорьевич (р. 1912) 181
Клут Ральф (р. 1914) 133	
Ковалев Александр Григорьевич (р. 1913) 121, 192	
Коган Лев Рудольфович (1885–1959) 40, 79	

Именной указатель

Манкевич Анатолий Иванович (1918–1977) 175–178	Потапов Михаил Александрович (1899–1970) 81, 82, 85, 86, 123
Марков Иосиф Георгиевич (1899– 1963) 100, 101, 120	Потапова (Рабинович) Лия Михайловна (1899–1968) 73, 77
Маркс Карл (1818–1883) 68, 69	Проскуракова Екатерина Федоровна (1873–1942) 36
Масловский (Мстиславский) Сергей Дмитриевич (1876–1943) 15	Раков Лев Львович (1904–1970) 100
Медынский Евгений Николаевич (1885–1957) 13, 24, 40, 47, 121	Ривлин Зелик Израилевич (р. 1907) 8, 117, 118
Меженко Юрий Алексеевич (1892– 1969) 27, 51, 52, 66, 71	Ривлин Яков Васильевич (1875– ?) 4, 13, 20, 23, 24, 27, 51–54, 59, 66, 68
Менжинская Людмила Рудольфовна (1876–1933) 25	Ридзиль Татьяна Сергеевна 110, 114
Месеняшин Исай Абрамович (р. 1900) 99, 101–103	Романовская Кира Михайловна 193
Михайлов Александр Иванович (р. 1905) 176, 179	Рубакин Николай Александрович (1862–1946) 17, 18, 25, 26, 39, 53, 54, 90, 121, 171
Мохов Иван Андреевич (1906– 1968) 76, 107	Русинов Николай Валерьянович (1873–1940) 14
Нагловская Екатерина Модестовна (1913–1978) 110, 111, 124, 125	Сагарда Николай Иванович (1870–1941) 58
Невский Владимир Александрович (1888–1974) 24, 30, 34, 40, 53, 54, 57–59, 66, 67, 93	Сафонов Михаил Петрович (1896–1973) 85, 86
Невский Владимир Иванович (1876– 1938) 85, 86	Сахаров Василий Григорьевич 120
Немировский Евгений Львович (р. 1925) 181	Сахаров Василий Федорович (р. 1901) 8, 34, 60, 77, 80, 110, 111, 114
Нечаев Александр Петрович (1870–1948) 53	Сеглин Елизавета Владимировна 99
Нечкина Милица Васильевна 7	Серов Василий Васильевич (р. 1931) 117, 118, 128, 144, 145, 157, 165, 167, 185
Новосадский Игорь Всеволодович (1907–1941) 88	Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978) 181
Оленева Зоя Павловна 181	Сикорский Николай Михайлович (р. 1919) 6, 136, 181
Олзоева Галина Кирилловна 152	Симановский Иосиф Бенцианович (1892–1967) 15, 55, 56, 61, 108
Олишев Василий Григорьевич (р. 1905) 106, 115	Скворцов Виктор Васильевич (р. 1939) 132–134, 193
Орлов Николай Николаевич (1898– 1965) 14, 17	Скорород Ия Анатольевна 181
Осипова Ирина Павловна 161, 162, 169, 193	Слуховский Михаил Иванович (р. 1896) 12, 40, 78, 121, 122
Осьмаков Иван Иванович (1897– ?) 33, 71	Смирнова Бася Абрамовна 106, 110, 114, 116, 171, 183, 190, 193
Пашин Алексей Иванович (р. 1929) 144, 145, 147	Смирнова Серафима Михайловна 161, 162, 164, 169, 170, 193
Пермский Александр Сергеевич (ок. 1900–ок. 1941) 85	Смушкова Мария Аркадьевна 24, 28, 37, 41, 53, 58, 59, 61
Позднякова Генриетта Ивановна 150	Соколов Аркадий Васильевич (р. 1934) 175–178
Покровский Александр Александрович (1879–1942) 11–13, 15, 24, 28, 32, 33, 35, 37, 42, 45, 47, 50, 53, 58, 61, 66, 69, 70	Соловьева Нина Николаевна 183
	Сомов Николай Михайлович (1867–1951) 52, 71, 87, 88

- Стельмах Валерия Дмитриевна 162, 169,
 170, 172, 193
 Столяров Юрий Николаевич (р. 1938) 137,
 138
 Ступникова Татьяна Сергеевна 111, 132
 Терешин Василий Иванович (р. 1928) 151,
 153–155, 157, 159
 Троицкая Евгения Ефимовна 114, 151, 171
 Троповский Лев Наумович (1885– 1944)
 15
 Трофимов Лев Владимирович (1884–1958)
 82
 Трубников Станислав Алексеевич (р.
 1928) 183
 Тугов Юрий Михайлович (р. 1926) 151, 154,
 163
 Тюлина Наталия Ивановна 128, 132, 144,
 158, 159, 169, 173
 Ульяновский Николай Юрьевич (1872–
 1937) 55
 Умнов Борис Георгиевич (р. 1937) 172
 Усов Александр Васильевич (1903–1957)
 77, 80
 Успенский С. И. 38
 Фельдштейн Моисей Маркович (р. 1903)
 120
 Фирсов Георгий Гаврилович (р. 1902) 8
 Фишман Михаил Григорьевич (р. 1902) 67
 Фольбер Лили 111
 Фомин Александр Григорьевич (1887–
 1939) 88
 Фонотов Георгий Поликарпович (р. 1915)
 120, 148, 153, 169, 175, 178, 179
 Фридьева Надежда Яковлевна 8, 38, 39,
 54, 58–60, 101, 120, 128, 131, 132, 137, 148, 165,
 169, 191
 Фрумин Исидор Маркович (р. 1907) 8, 82,
 98, 108, 114, 116–118, 120, 132, 135, 136, 139, 145,
 146, 178, 185
 Хавкина Любовь Борисовна (1871–1948)
 11, 13, 15, 17, 20, 21, 24, 26, 32, 34, 35, 53, 55, 56,
 63, 66, 67, 76, 85–87, 94
 Хазанов Абрам Львович (р. 1898) 58
 Хасина Елизавета Ионовна (1905– 1956)
 110, 114
 Херсонская Наталия Леонидовна 40
 Хлебцевич Евгений Иванович (1884–1953)
 24, 31, 39, 52, 53, 59, 60, 93
 Цареградский Илья Маркович (1902–
 1974) 24, 41, 58, 61
 Цикуленко (Середа) Анна Васильевна 12,
 34, 40
 Цоллер Эдмунд (1822–1902) 24
 Чарнолуская Е. И. 17
 Чачина Ольга Ивановна (1872–1919) 25
 Черный Аркадий Иванович (р. 1929) 176,
 179
 Черный Владимир (р. 1920) 133
 Черняк Арон Яковлевич (р. 1921)
 138–140, 186 Чубарьян Оган Степанович
 (1908– 1976) 6, 76, 99, 105, 107, 111, 116, 117, 119,
 120, 128–132, 135, 136, 142, 144, 149, 153–158,
 165–167,
 Шадрина Жанна Сергеевна 185, 194
 Шамурин Евгений Иванович (1888–1962)
 55, 66, 112, 113, 120, 181
 Шапошников Александр Евгеньевич (р.
 1932) 192
 Шафир Яков Моисеевич (1887– ?) 38, 53
 Шира Джесс Х. (р. 1903) 133, 134
 Шифман Лев Абрамович (1899– ?) 89, 90
 Штейн Василий Александрович (1893–
 1941) 21, 32, 51, 57, 67, 85
 Щелкунов Михаил Ильич (1884– 1938) 16
 Щербакова Евдокия Петровна 113
 Шунков Виктор Иванович (1900–1967)
 188, 189
 Эйдельман Борис Юрьевич (р. 1904) 690
 70, 88, 100
 Эйхенгольц Александр Давыдович (1897–
 1970) 15
 Эйхлер Фердинанд (1863–1945) 15, 23
 Энгельс Фридрих (1820–1895) 68,

Summary

First published in 1980 A. N. Vaneev' study remains one of the most significant and useful studies on the library science history in Russia. The field of library studies is in great need of a synthesized and complete overview of library science origins and development through time and space. Bridging the gap between library and social history the monograph was the first to examine developments in library science in Russia in the context of social, cultural and political forces that were shaping the nation at large.

The topic is deeply and thoughtfully researched, the text is written in an academic way. Each chapter begins with introductory text that sets the stage of a key moments in library science history. All important events are carefully documented and written with truth and originality.

A.N. Vaneev's work offers an important historical perspective on the development of library science in Russia. Surveying library science from 1917 through the mid-twentieth century he explores a multitude of issues and raises profound questions about what library science is and what it should be. The book focuses on bringing to light the decisions and events that have played an important part in shaping the history of library science.

The development of libraries as public institutions is explored in the context of library science history with special emphasis on the significance of research topics. Through the ages libraries have not only accumulated and preserved but also shaped inspired knowledge. The monograph examines how the successful ideas of many library specialists have created public institution that are critical tool in diverse societies for understanding the world. Along the way we learn how library science has responded to social and cultural challenges.

In recent years despite the growth of historical literature on libraries no book has provided an accurate introduction to library science history. A.N. Vaneev' s comprehensive and balanced history of library science development in Russia makes an important contribution to scholars.

This monograph is recommended to library studies researchers and students interested in the history of libraries but also to scholars who would like to have a complete and valuable summary of the subject. This book is an excellent resource for anyone associated with libraries and culture.